0

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXIX, № 5.

Ѳ. П. Кеппенъ.

БІОГРАФІЯ П. И. КЕППЕНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1911 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ГЛАВА I.

Происхожденіе семьи Кеппенъ. — Иванъ Ивановичъ Кеппенъ. — Дѣтство и отрочество Петра Ивановича.

Семья Кеппенъ происходитъ изъ Бранденбургскаго городка Шведта, лежащаго при р. Одерѣ, неподалеку отъ границъ Помераніи [1]). Дѣдъ П. И. Кеппена, Johann Friedrich Köppen, состоялъ тамъ городовымъ врачемъ («Stadtphysicus») [2]). Единственный сынъ его, также Johann Friedrich Köppen (впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ Кеппенъ), родившійся тамъ-же 29-го мая 1752 г., прослушалъ медицинскій курсъ въ Берлинѣ; окончивъ его въ 1775 г., онъ до 1778 г. состоялъ ассистентомъ у профессора анатоміи Майера, а въ 1778 г., въ качествѣ главнаго хирурга при прусскомъ войскѣ, участвовалъ въ Баварской наслѣдственной войнѣ. Въ 1781 г. онъ получилъ мѣсто лейбъ-хирурга при дворѣ Гессенъ-Кассельской ландграфини Филиппины, супруги Фридриха II-го. Здѣсь онъ продолжалъ свои на-

1) Названіе этого древняго города, упоминаемаго уже въ 1138 году, вѣроятно славянское и производится отъ *святъ*, т. е. священное мѣсто. См. объ этомъ городѣ: 1) F. P. v. Probst. Die Stadt und Herrschaft Schwedt. Ein historischer Beitrag. 1834; 2) v. Medem. «Geschichte der Stadt Schwedt und des Schlosses Vierraden»; въ «Baltische Studien», Jahrg. IV, Hft. 2, 1837, S. 100—242; 3) G. Thomae. Geschichte der Stadt und Herrschaft Schwedt. Berlin, 1873.

2) Въ свидѣтельствѣ о крещеніи ниже-упоминаемаго сына его онъ названъ «Senator und Chirurgus». — По семейному преданію, отецъ и дѣдъ его были пасторы въ г. Шведтѣ; однако-же, въ бытность мою въ этомъ городѣ въ 1889 году, я въ тамошнихъ церковныхъ книгахъ не нашелъ никакихъ о нихъ свѣдѣній.

учныя занятія, а въ апрѣлѣ 1786 года знаменитый докторъ Циммерманъ, по порученію Императрицы Екатерины II-й, пригласилъ его, въ числѣ 24-хъ медиковъ, переселиться въ Россію, для поступленія на казенную службу. Въ рекомендательномъ о Кеппенѣ письмѣ Циммерманъ говоритъ: это *«отличный хирургъ и акушеръ»*[1]).

Большинство медиковъ отправилось моремъ изъ Любека въ С.-Петербургъ, вѣроятно, въ числѣ ихъ былъ и И. И. Кеппенъ, который былъ опредѣленъ губернскимъ лѣкаремъ въ Харьковѣ. Завѣдуя медицинскою частью въ Харьковской губерніи, онъ иногда долженъ былъ навѣщать и губернію Полтавскую. Въ 1789 году онъ представилъ въ Марбургскій Университетъ докторскую диссертацію, подъ заглавіемъ: Universa vulneribus et ulceribus medendi ratio, secundum praecepta med. et chir. Marburgi, 1789. 4°; 26 стр.[2]). За диссертацію эту, которая, повидимому, обратила на себя всеобщее вниманіе врачей[3]), авторъ

1) Это послѣднее свѣдѣніе находится у Алдр. Никитина. Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II. (Спб. 1855), стр. 50. Здѣсь ошибочно сказано, что И. И. Кеппенъ родомъ изъ Касселя; эту ошибку повторилъ Гр. Геннади, въ своемъ «Справочномъ Словарѣ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», т. II (Берлинъ, 1880). — Откуда почерпнуто выше-приведенное свѣдѣніе, мнѣ неизвѣстно. О вызовѣ означенныхъ медиковъ говорится въ перепискѣ Императрицы Екатерины II-й съ Циммерманомъ. См. H. M. Marcard. Zimmerman's Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II. und mit dem Herrn Weikard. Nebst einer Anzahl Original-Briefe der Kayserin. (Bremen, 1803). Здѣсь, м. пр., Маркардъ возстаетъ противъ превратнаго толкованія г. Вейкарда, будто Циммерманъ потому затѣялъ посылку «рекрутовъ» (т. е. медиковъ) въ Россію, чтобы получить орденъ Св. Владиміра. См. M. A. Weikard. Denkwürdigkeiten. (Frankfurt & Leipzig, 1802).

2) Такъ значится у A. C. P. Callisen. Medicinisches Schriftsteller-Lexicon; Bd. 10 (1832), S. 316. Въ «Index-Catalogue of the Library of the U. S. Surgeon-General Office» показаны 34 страницы. Сл. также: Baldinger. Russische physisch-medicinische Litteratur dieses Jahrhunderts. Erstes Stück. Teutsche Aerzte und Naturforscher in Russland, von Peter I. bis Catharina II. (Marburg; 1792); стр. 53.

3) Судя по крайней мѣрѣ, по множеству рефератовъ, помѣщенныхъ тогда-же въ періодической медицинской литературѣ Германіи. Каллизенъ (въ указанномъ мѣстѣ) приводитъ цѣлый длинный рядъ такихъ отзывовъ.

былъ признанъ заочно докторомъ медицины и хирургіи. Ходатайствуя о признаніи его докторомъ медицины отъ русскаго правительства, И. И. Кеппенъ однакоже отказывался ѣхать, по требованію медицинскаго начальства, въ Петербургъ или Москву, для сдачи экзамена. Послѣ довольно продолжительной переписки по этому дѣлу, онъ въ мартѣ 1793 г., «просилъ дать ему тему заочно, на которую онъ доставитъ доводы съ покорностью». Медицинская коллегія отписала, что она съ удовольствіемъ приметъ тѣ «примѣчанія о болѣзняхъ, которыя въ Харьковской губерніи лѣчить ему случалось». Вѣроятно, онъ и представилъ требуемыя «примѣчанія», такъ какъ онъ, въ апрѣлѣ 1793 г., былъ признанъ докторомъ медицины безъ экзамена[1]).

Въ августѣ 1790 г. И. И. Кеппенъ женился на дѣвицѣ Каролинѣ Ивановнѣ Шульцъ (Caroline Friederike Schulz), родившейся въ Гамбургѣ, 18-го марта 1772 года. Она была дочь титулярнаго совѣтника Ивана Петровича Шульца (Johann Carl Paridon Schulz), который въ 1773 г. пріѣхалъ изъ Гамбурга въ Россію и поселился въ Харьковѣ, гдѣ онъ былъ директоромъ учебнаго заведенія для дворянъ. Иванъ Ивановичъ и Каролина Ивановна Кеппенъ имѣли всего 11 дѣтей: 5 сыновей и 6 дочерей; изъ послѣднихъ однакоже двѣ умерли, достигнувъ возраста лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Чтобы прокормить такую многочисленную семью, докторъ Кеппенъ вынужденъ былъ обременить себя весьма трудными и многосложными служебными обязанностями: онъ завѣдывалъ въ Харьковѣ нѣсколькими (однажды до семи) больницами. Но такъ какъ содержаніе имъ получавшееся было далеко недостаточно, то онъ долженъ былъ стараться пополнять недостающее частною практикой врача. Повидимому, такая изнуряющая работа была выше его силъ и ускорила его преждевременную смерть; онъ скончался 14-го мая 1808 года, едва достигнувъ 56 лѣтъ, и оставилъ по себѣ добрую память, которая, какъ заявляетъ Петръ Ивановичъ (въ своей

1) См. Як. Чистовичъ. Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. (Спб. 1883); Приложенія, стр. CLXXIV—CLXXV.

автобіографической запискѣ), неоднократно была для него полезна. Добрымъ словомъ отозвался о немъ и Ив. Вернетъ, въ своемъ симпатичномъ описаніи Харьковскаго кладбища[1]): «Не забуду никогда моего друга Ив. Ив. Кеппена, честнаго, искусснаго и примѣрнаго врача».

Оставшаяся послѣ Ивана Ивановича вдова имѣла на своемъ попеченіи не менѣе девяти недорослей и малолѣтокъ, между тѣмъ какъ ей назначена была годовая пенсія лишь въ 300 рублей ассигнаціями, а пріобрѣтенный покойнымъ мужемъ и отцемъ ея небольшой капиталъ, вслѣдствіе денежнаго кризиса, уменьшенъ былъ до четвертой доли[2]). При такихъ обстоятельствахъ воспитаніе дѣтей причиняло ей не мало заботъ, которыя она однакоже умѣла преодолѣвать безъ ропота на судьбу свою[3]).

Петръ Ивановичъ Кеппенъ родился въ Харьковѣ 19 февраля 1793 года[4]). Такъ какъ въ Харьковѣ, въ то время, не было лютеранскаго пастора, то ребенокъ, два дня спустя послѣ рожденія, былъ крещенъ пасторомъ нѣмецкаго колонистскаго прихода въ Острогожскѣ[5]), Шортманомъ. Въ числѣ крестныхъ родителей былъ вышеупомянутый талантливый Иванъ

---

1) См. его книжку (безъ обозначенія имени автора): «Мои бездѣлицы»; ч. I (Москва, 1840), стр. 168.—Книжка эта въ двухъ томахъ, не значится въ «Литературѣ о Харьковской губерніи» И. А. Устинова.

2) Объ этомъ денежномъ кризисѣ сл. въ статьѣ проф. Якоба (L. H. v. Jakob): «Über Russlands Papiergeld» (Halle, 1817). Рефератъ въ «Соревнователѣ просвѣщенія» (Труды Вольн. Общ. любит. росс. слов.), 1818 г., ч. III, стр. 102—108.

3) Мать Петра Ивановича, оставаясь весь вѣкъ свой въ Харьковѣ, прожила очень долго и скончалась лишь въ 1851-мъ году.

4) Такъ значится въ сохранившемся свидѣтельствѣ о его крещеніи; но въ краткихъ наброскахъ изъ своей жизни П. И. упоминаетъ, что днемъ его рожденія было 18 *или* 19 февраля.

5) Нынѣ Воронежской губерніи; въ то время Острогожскъ принадлежалъ къ Слободско-Украинской губерніи.

Филипповичъ Вернетъ, любимецъ Суворова[1]), а также Петръ Ѳедоровичъ Пискуновскій, пріятель украинскаго философа Сковороды.

Изъ ранняго дѣтства П. И. не сохранилось, къ сожалѣнію, никакихъ указаній[2]). Извѣстно только, что онъ воспитывался въ родительскомъ домѣ. Съ своего десятаго года онъ находился почти постоянно среди дѣвочекъ, которыхъ родители его принимали къ себѣ въ пенсіонъ, для нѣкотораго увеличенія своихъ скудныхъ средствъ. Но что онъ отъ этого не изнѣжился, доказательствомъ тому служитъ живое участіе, съ которымъ онъ слѣдилъ за кулачными боями, происходившими въ праздничные дни, между «Залопанцами» (Translopaner) и «Междурѣчниками» (Mesopotamier), жившими между рѣками Лопанью и Харьковымъ[3]). Съ гордостью отмѣтилъ онъ въ своихъ раннихъ набросках, что онъ принадлежалъ къ Залопанцамъ, которые нападали на своихъ противниковъ всегда въ чертѣ ихъ собственныхъ мѣстъ жительства, никогда не дозволяя себя оттѣснить за мостъ, ведущій черезъ Лопань.

Въ январѣ 1805 года, какъ извѣстно, былъ открытъ Харьковскій Университетъ, а при немъ устроенъ приготовительный для студентовъ классъ[4]). Тогда же, т. е. когда ему едва минуло

---

1) См. о немъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ, 1816 г., ч. II, стр. 52, и 1817 г., ч. I, стр. 79. Въ старинныхъ набросках П. И-ча, значится: «Vernet cidevant candidat en théologie, maintenant le diable sçait quoi». Доказательствомъ привязанности къ нему крестнаго сына служатъ сохранившіяся два письма его, 1805 и 1808 годовъ.

2) Слѣдуетъ очень сожалѣть о томъ, что П. И., и впослѣдствіи, ничего объ этомъ не сообщилъ. Если-бы онъ это сдѣлалъ въ такомъ видѣ, напр., какъ знаменитый К. М. Бэръ, въ своей автобіографіи, то это обстоятельство, конечно, представляло-бы весьма большой интересъ и пролило-бы не мало свѣта на тогдашнее состояніе учебной части въ нашихъ провинціальныхъ городахъ.

3) Третья рѣчонка, на которой стоитъ г. Харьковъ, какъ извѣстно, носитъ характеристическое названіе *Нетечь*.

4) Я нигдѣ не могъ отыскать никакихъ свѣдѣній объ устройствѣ этого класса. — О школьномъ дѣлѣ тогдашняго времени сл.: (Д., Г.) Харьковскія школы въ старину и теперь. (Историческія и статистическія замѣтки объ училищахъ и народномъ образованіи въ Харьковской губерніи). Спб. (1864). 8°.

12 лѣтъ, П. И. началъ посѣщать этотъ классъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ слишкомъ молодъ для нѣсколько своеобразнаго курса этого класса, въ который входила психологія, преподававшаяся Лангомъ (по учебнику Шелле), всеобщая исторія (преподаватель Рейнишъ), математика и французскій языкъ. По скоромъ закрытіи этого приготовительнаго класса, П. И. прошелъ третій и четвертый классъ Харьковской гимназіи, открытой лишь 3-го сентября 1805 года[1]). Здѣсь преподавали французскій и русскій языки, математику, поэзію и пр.

Затѣмъ онъ (въ 1808 году), поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Харьковскій Университетъ, въ который, какъ мы увидимъ, онъ былъ принятъ студентомъ въ 1809 году.

Изъ всего этого явствуетъ большая неправильность въ ходѣ обученія П. И-ча, которая усугублялась еще особымъ обстоятельствомъ, причиной котораго является крайне стѣсненное положеніе семьи. Между тѣмъ какъ сверстники его, въ неклассное время, могли приготовлять уроки, или же предаваться разнымъ играмъ и увеселеніямъ, П. И., не достигнувъ еще 13 лѣтъ, т. е. 8-го декабря 1805 года, поступилъ въ Харьковскую губернскую чертежную, въ которой остался до 31 декабря 1809 года, т. е. до выслуги перваго офицерскаго чина[2]).

Подъ руководствомъ землемѣровъ онъ занимался тамъ межеваніемъ и изготовленіемъ плановъ.

Пріобрѣтенныя здѣсь познанія и практическая опытность не мало пригодились ему впослѣдствіи при его топографическихъ и картографическихъ работахъ.

Въ мартѣ 1808 г., т. е. за два мѣсяца до своей кончины, у

---

1) Она была преобразована изъ главнаго народнаго училища.

2) Такъ значится въ письменныхъ наброскахъ П. И-ча. Въ послужномъ-же спискѣ сказано, что онъ 17 мая 1806 г. поступилъ на службу въ Слободско-Украинское губернское правленіе подканцеляристомъ; въ томъ-же году 18 октября онъ былъ произведенъ въ канцеляристы, а 31 декабря въ губернскіе регистраторы. «Отъ онаго правленія былъ отряженъ въ тамошнюю чертежную для сочиненія и копированія плановъ и обмежеванія земель». 31 декабря 1809 г. онъ былъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы.

Ив. Ив. Кеппенъ явилось предположеніе послать сына Петра за границу съ однимъ пріятелемъ; изъ сохранившагося письма этого послѣдняго не усматривается, съ какою цѣлію, куда именно и на какой срокъ предпологалось такое путешествіе, которое было, повидимому, разстроено послѣдовавшею вскорѣ затѣмъ смертію доктора Кеппена.

ГЛАВА II.

Пребываніе въ Харьковскомъ университетѣ: 1808—1814 г.

Не смотря на всю выше изложенную неправильность въ обученіи, Петръ Ивановичъ однакоже, повидимому, былъ хорошо подготовленъ, такъ какъ онъ уже въ возрастѣ 15 лѣтъ, началъ посѣщать лекціи Харьковскаго университета, хотя сначала (отъ 1808 до 1809 года) въ качествѣ вольнаго слушателя и лишь съ 17-го августа 1809 г. въ качествѣ студента. А что онъ этимъ временемъ отлично воспользовался, доказываетъ то обстоятельство, что, не смотря на свои служебныя занятія по губернской чертежной, онъ получилъ степень кандидата уже въ 1812 году. Хотя онъ степень эту пріобрѣлъ по тогдашнему ѳико-политическому отдѣленію, однакоже необыкновенная любознательность его и разносторонность научныхъ интересовъ выразились уже тогда въ томъ отношеніи, что, сверхъ предметовъ, входящихъ собственно въ означенное отдѣленіе, онъ прослушалъ большое количество предметовъ изъ другихъ факультетовъ, какъ видно изъ слѣдующаго перечня посѣщенныхъ имъ лекцій:

1) По Россійской исторіи, географіи и статистикѣ, у проф. Успенскаго.

2) По логикѣ и моральной философіи у проф. Шада.

3) По русской словесности, у проф. Рижскаго.

4) По латинской (римской) словесности, у проф. Совиньи, Белленъ-де-Баллю, Роммеля и Шада.

5) По нѣмецкой словесности, у проф. Якоба, Рейта и Шада.

6) По французской словесности, у проф. Белленъ-де-Баллю, Совиньи и Дюгура.

7) По критикѣ исторіи, у проф. Дюгура.

8) По всеобщей (новой) исторіи, у проф. Дюгура.

9) По филологіи (классическимъ языкамъ) у проф. Роммеля.

10) По физикѣ, у проф. Стойковича.

11) По химіи (теоретической и технической) у проф. Гизе.

12) По ботаникѣ, у проф. Делавинья.

13) По орнитологіи, у него-же.

14) По энтомологіи, у адъюнкта Ванотти.

15) По естественному праву, у проф. Ланга.

16) По политической экономіи, у него-же.

17) По государственной полиціи, у него-же.

18) По римскому праву и исторіи его, у проф. Швейкарта и Павловича.

19) По энциклопедіи законовѣдѣнія, у проф. Швейкарта.

По окончаніи этого курса, и по сдачѣ надлежащаго экзамена, П. И., 30-го августа 1812 года, (на университетскомъ актѣ) получилъ дипломъ кандидата, т. е. когда ему было лишь $19^{1}/_{2}$ лѣтъ. Затѣмъ онъ, въ теченіе $1^{1}/_{2}$ года, приготовлялся къ магистерскому экзамену; по сдачѣ этого послѣдняго и по защищеніи диссертаціи «о вознагражденіи убытковъ, войною причиненныхъ», П. И. получилъ отъ нравственно-политическаго отдѣленія, дипломъ магистра правъ; дипломъ подписанъ 4-го марта 1814 года.

Обрисовавъ вкратцѣ пройденный П. И-чемъ въ Харьковскомъ университетѣ курсъ (въ томъ видѣ, какъ это значится въ собственныхъ его наброскахъ), я постараюсь выяснить то вліяніе, которое имѣли университетъ и отдѣльные его преподаватели на впечатлительную душу и любознательный умъ юноши. Чтобы вѣрно понять такое вліяніе, слѣдуетъ остановиться нѣсколько на

тогдашнемъ состояніи недавно лишь открытаго университета, а также на составѣ профессоровъ, въ особенности-же на тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ П. И. слушалъ лекціи или съ которыми онъ состоялъ въ личныхъ отношеніяхъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ познакомился еще при жизни отца, гостепріимный домъ котораго ежедневно посѣщался профессорами, изъ коихъ иные, напр. проф. Якобъ, близко сошлись съ докторомъ Кеппеномъ. П. И. самъ замѣчаетъ, что частыя пренія профессоровъ, при ихъ посѣщеніяхъ, принесли ему много пользы.

Къ счастію, о томъ періодѣ Харьковскаго университета, въ который посѣщалъ его П. И., имѣется нѣсколько источниковъ или монографій; а именно:

1) М. И. Сухомлиновъ. «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I». (Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Томъ первый. Спб., 1889) [1]).

На стр. 68—93, о профессорахъ Рижскомъ, Осиповскомъ (математикѣ) [2]) и Успенскомъ; на стр. 95—97 о проф. Стойковичѣ; на стр. 120—128: о Харьковскомъ университетѣ.

2) К. Фойгтъ. Историко-статистическія записки объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ, отъ основанія университета до 1859 года. (Харьковъ, 1859).

3) А. Рославскій-Петровскій. Объ ученой дѣятельности Императорскаго Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія. (Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1855 г.).

4) Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Воспоминанія проф. Роммеля о своемъ времени, о Харьковѣ и

---

1) Первоначально въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1865 и 1866 годовъ, ч. 128 и ч. 132.

2) Объ этомъ послѣднемъ профессорѣ, лекціи котораго П. И., впрочемъ, не слушалъ, сл. статью Г. С. Чирикова: «Тимофей Ѳедоровичъ Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета, 1820 г.», въ «Русской Старинѣ», т. 17, 1876 г.

Харьковскомъ университетѣ. (Харьковъ, 1868). — Съ предисловіемъ издателя Я. Балясңаго[1]).

5) Опытъ исторіи Харьковскаго университета Д. И. Багалѣя. — Въ Запискахъ Императорскаго Харьковскаго Университета (1897—98 г.). Отдѣльнымъ оттискомъ т. I. (1802—1815 г.), Харьковъ. 1893—1898. 8⁰; III и 1204 стр. (Рецензія этого сочиненія въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1899, ноябрь, стр. 154—158).

Къ сожалѣнію, проф. Шадъ, въ своей трехтомной автобіографіи[2]), только на нѣсколькихъ страницахъ (т. 1, въ предисловіи, стр. LXXXIX—XCVI, и т. 3, стр. 535—537) упоминаетъ о своемъ 12-ти лѣтнемъ пребываніи въ Харьковѣ, при чемъ онъ говоритъ почти исключительно о своей высылкѣ изъ Россіи и не сообщаетъ ни слова о внутренней жизни Харьковскаго университета.

Первое десятилѣтіе Харьковскаго университета можно назвать однимъ изъ самыхъ счастливыхъ и блестящихъ періодовъ этого высшаго учебнаго заведенія. Уставъ его былъ Высочайше утвержденъ 5 ноября 1804 г., а открытіе его послѣдовало 17 января 1805 г., т. е. въ то благодатное время, когда молодой монархъ, недавно лишь вступившій на престолъ и одушевленный идеями гуманности, внушенными воспитателями Лагарпомъ и М. Н. Муравьевымъ, сокрушался низкою степенью образованія въ Россіи и всей душой стремился къ ея просвѣщенію, которое считалъ основаніемъ народнаго благосостоянія.

При такомъ умномъ и преданномъ своему великому дѣлу

---

1) Г. Балясный уже ранѣе помѣстилъ эту-же статью, въ мало-измѣненномъ видѣ, въ издававшемся въ Одессѣ «Южномъ Сборникѣ», въ 1859 году. Она заимствована изъ автобіографическихъ записокъ профессора Роммеля (Chr. von Rommel), отпечатанныхъ, подъ заглавіемъ: «Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit», въ: «Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen. Herausgegeben von Friedr. Bülau; Bd. V (Leipzig, 1854), S. 421—600.— О пребываніи въ Харьковѣ на стр. 515—553.

2) Joh. Bapt. Schad's Lebensgeschichte, von ihm selbst beschrieben. Neue Auflage. Bd. 1—3. Altenburg, 1828. 8⁰.

министрѣ народнаго просвѣщенія, какимъ былъ графъ П. В. Завадовскій, и при своемъ первомъ, весьма просвѣщенномъ и ученомъ попечителѣ графѣ С. О. Потоцкомъ, Харьковскій университетъ не могъ не процвѣтать. Выборъ первыхъ профессоровъ, сдѣланный большею частію самимъ Потоцкимъ, частію изъ туземцевъ частію изъ иностранцевъ, слѣдуетъ назвать весьма удачнымъ. Первымъ ректоромъ университета былъ избранъ знаменитый профессоръ краснорѣчія Ив. Степ. Рижскій. Нельзя не забыть тутъ и о благодѣтельной и одушевленной дѣятельности по самому учрежденію университета и на пользу его, Харьковскаго помѣщика Вас. Назар. Каразина[1]), бывшаго правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ. Считаю не лишнимъ дать, въ нѣсколькихъ словахъ, краткія біографическія замѣтки о наиболѣе выдающихся профессорахъ, съ которыми Петру Ивановичу главнѣйше приходилось имѣть дѣло.

1) Какъ уже замѣчено, однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ въ родительскомъ домѣ П. И-ча былъ профессоръ Л. Г. Якобъ (Ludwig Heinrich von Jakob). Онъ родился 26 февраля 1759 г. въ Веттинѣ, и уже съ 1785 г. состоялъ доцентомъ въ Галле по философіи, по которой онъ написалъ много сочиненій, въ томъ числѣ «Aus dem Naturrechte» (1796 г.). Съ 1800 г. онъ перешелъ къ государственнымъ наукамъ; въ 1801 г. появилось его «Theorie und Praxis in der Staatswirthschaft», а въ 1805 г. «Grundsätze derNationalökonomie», по Адаму Смиту. Въ 1806 г. онъ былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ политической

1) По поводу статей о Каразинѣ, помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ» (Московскаго) Общества исторіи и древностей россійскихъ, 1861 г., П. И., въ февралѣ 1863 г., сообщилъ этому обществу нѣсколько словъ изъ своихъ воспоминаній о Каразинѣ, который былъ постояннымъ другомъ семейства Кеппенъ и, въ бытность П. И-ча студентомъ Харьковскаго университета, обращался къ нему для перевода своихъ сочиненій на нѣмецкій языкъ. — Жизнеописаніе Каразина, составленное Г. П. Данилевскимъ, напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ», 1860 г., №№ 24, 25, 26, 29 и 31. См. также: Я. В. Абрамовъ. В. Н. Каразинъ (основатель Харьковскаго университета), его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Спб., 1891. 8°. (Съ портретомъ Каразина).

экономіи въ Харьковъ, куда прибылъ весною 1807 года. Въ своихъ лекціяхъ онъ сперва излагалъ слушателямъ своимъ общее введеніе въ науки политическія и камеральныя, а затѣмъ читалъ народное хозяйство, по 4 часа въ недѣлю, руководствуясь своимъ вышеприведеннымъ печатнымъ сочиненіемъ. Въ періодъ своего кратковременнаго пребыванія въ Харьковѣ, онъ издалъ нѣмецкій переводъ извѣстнаго сочиненія Say «Traité d'économie politique» (1807 г.) и «Grundsätze der Polizeigesetzgebung» (1809).

Вслѣдствіе представленія имъ мемуара «Über Russlands Papiergeld»[1]), проф. Якобъ, въ 1809 году, былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, къ участію въ финансовой коммисіи. Во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, продолжившагося до 1816 г., онъ разработалъ: «Entwurf eines Criminalgesetzbuches für das Russische Reich» (составлено въ 1810, напечатано лишь въ 1818 году), а также «Über die Arbeit leibeigner und freier Bauern in Russland». Послѣ паденія графа Сперанскаго, относившагося весьма благосклонно къ проф. Якобу, этотъ послѣдній лишился своего значенія въ русскихъ правительственныхъ сферахъ и потому, въ 1816 году, очень охотно послѣдовалъ новому приглашенію въ Галле, гдѣ состоялъ ординарнымъ профессоромъ политической экономіи почти до самой смерти своей. Онъ умеръ 22 іюля 1826 г. въ Лаухштедтѣ (близъ Галле). — По причинѣ перемѣщенія проф. Якоба въ С.-Петербургъ, П. И. Кеппенъ не имѣлъ случая прослушать у него курсъ политической экономіи, а посѣщалъ только его лекціи по нѣмецкой словесности, чтеніе которыхъ онъ принялъ на себя лишь временно. Но съ самаго прибытія Якоба въ Харьковъ, а въ особенности въ С.-Петербургѣ, съ 1814 по 1816 г., П. И. (какъ мы увидимъ) состоялъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ какъ съ самимъ профессоромъ, такъ и съ его семьею.

2) Одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ личностей между

---

1) Мемуаръ этотъ составленъ въ 1809 г., а отпечатанъ въ 1817 году. См. объ этомъ выше, на стр. 4 въ выноскѣ.

Харьковскими профессорами тогдашняго времени является Иванъ Егоровичъ Шадъ (Johann Baptist Schad).

Происходя изъ крестьянскаго сословія, Шадъ родился 20 ноября 1758 г.[1]) въ Мюребахѣ, въ сѣверной Баваріи. Получивъ свое воспитаніе въ іезуитской гимназіи въ Банбергѣ, онъ, въ 1778 году, поступилъ монахомъ въ бенедиктинскій монастырь Банцъ. Будучи, съ ранняго дѣтства, пламеннымъ католикомъ, но одаренный, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ, онъ вскорѣ вполнѣ разочаровался въ тѣхъ убѣжденіяхъ, которыя онъ питалъ о святости монастырской жизни. Въ высшей степени недовольный ханжествомъ и распутною жизнію католическихъ монаховъ, онъ пережилъ самую жестокую внутреннюю борьбу и, лишь послѣ десятилѣтняго пребыванія въ монастырѣ, нашелъ нѣкоторый душевный покой въ усердномъ изученіи философскихъ книгъ, которому онъ затѣмъ вполнѣ предался. Преслѣдуемый постоянно монастырскимъ начальствомъ за высказываемыя имъ сомнѣнія, Шадъ, выведенный, наконецъ изъ терпѣнія, напечаталъ анонимно ѣдкую сатиру, на жизнь монаховъ. Будучи уличенъ въ составленіи этой сатиры, онъ, въ 1798 году, успѣлъ бѣжать изъ монастыря. Въ Готѣ онъ принялъ лютеранство и затѣмъ поселился въ Іенѣ, гдѣ, въ 1802 году, былъ избранъ преемникомъ Фихте по каѳедрѣ философіи, послѣ изданія, въ 1800 году, двухъ сочиненій: «Gemeinfassliche Darstellung des Fichte'schen Systems» и «Geist der Philosophie unserer Zeit». Въ 1804 году, т. е. при самомъ основаніи Харьковскаго университета, онъ, по рекомендаціи Гёте и Шиллера, былъ приглашенъ въ оный ординарнымъ профессоромъ философіи.

Шадъ самъ (въ выше приведенной автобіографіи своей) называетъ проведенные въ Харьковѣ годы лучшими своей жизни.

---

1) Показаніе Н. Лавровскаго (въ Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1873 г., кн. II, смѣсь, стр. 38), что Шадъ родился въ 1761 году, безъ сомнѣнія, ошибочно.

Кромѣ философіи (логики, психологіи, метафизики, ѳики), онъ преподавалъ еще нѣмецкую и латинскую словесность. Какъ преподаватель онъ былъ настолько уважаемъ, что не только нѣкоторые учителя Харьковской гимназіи, но даже священники, обучавшіе въ тамошней духовной семинаріи, слушали у него privatissime лекціи о философіи. Всѣ философскіе предметы онъ излагалъ въ университетѣ на латинскомъ языкѣ. Сверхъ того онъ упражнялъ ежемѣсячно слушателей своихъ въ философскихъ диспутахъ. Желая познакомить ихъ съ сочиненіями лучшихъ классическихъ мыслителей, онъ, въ 1808—9 академическомъ году, объяснялъ книги Цицерона De officiis. Руководствомъ ему служили собственныя его записки, изъ коихъ нѣкоторыя изданы въ свѣтъ. Въ теченіе 12-ти лѣтъ, проведенныхъ въ Харьковѣ, Шадъ шесть лѣтъ состоялъ деканомъ по ѳико-политическому отдѣленію. Нѣсколько разъ онъ произносилъ восторженно принятыя рѣчи на торжественныхъ собраніяхъ Харьковскаго университета; такъ 30-го августа 1806 года, «О верховной цѣли человѣчества», а 25-го декабря 1814 года «De vindicata libertate Europae»; эта послѣдняя рѣчь была напечатана и имѣла такой успѣхъ, что все изданіе ея вскорѣ было распродано; одна духовная семинарія въ Харьковѣ пріобрѣла 200 экземпляровъ ея для своихъ воспитанниковъ. Сочиненія Шада, касающіяся логики и естественнаго права[1]), точно также имѣли въ Россіи большой успѣхъ; митрополитъ Амвросій велѣлъ купить большое количество экземпляровъ этихъ книгъ, для раздачи священникамъ. Въ связи съ профессоромъ Роммелемъ, онъ, по порученію Харьковскаго университета, издалъ не только большое количество латинскихъ классиковъ, но также нѣмецкую хрестоматію. Еще въ 1816 году Императрица Елисавета Алексѣевна пожаловала ему драгоцѣнную табакерку за поднесенныя ея Величеству сочиненія. Но въ концѣ того-же года внезапно, какъ молнія изъ

---

1) J. Schad Institutiones juris naturae. Charkoviae, 1814. 8⁰; 408 стр.— Сочиненіе это посвящено Императору Александру I-му.

яснаго неба, грянуло бѣдствіе, погубившее всю жизнь проф. Шада: со стороны только-что назначеннаго новаго Министра Народнаго Просвѣщенія, князя Александра Николаевича Голицына, послѣдовало повелѣніе о немедленномъ отрѣшеніи его отъ должности и высылкѣ за границу.

Причины такой крутой мѣры не были объяснены проф. Шаду и остаются до сихъ поръ не вполнѣ выясненными.

Но не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что бѣдный профессоръ пострадалъ невинно вслѣдствіе интриги, возведенной на него его товарищемъ по университету, проф. Дегуровымъ (Дюгуръ), и подкрѣпленной попечителемъ округа графомъ Потоцкимъ. Въ своей автобіографіи проф. Шадъ не называетъ именъ этихъ лицъ, а заявляетъ лишь, что въ этомъ дѣлѣ виновны одинъ французъ и высокопоставленный другъ французовъ; но въ прошеніи, присланномъ имъ П. И. Кеппену, въ 1824 году, для передачи замѣнившему князя Голицына министру Шишкову[1]), прямо обозначены выше приведенныя личности. Нѣкоторое объясненіе такого вопіющаго поступка мы находимъ въ автобіографіи Роммеля[2]), по сообщенію котораго проф. Шадъ былъ яростный поборникъ просвѣщенія, литературы и философіи и вслѣдствіе этого былъ не любимъ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей. Но всего болѣе навлекъ онъ на себя ненависть французовъ и ихъ друзей (въ томъ числѣ поляка Потоцкаго) своими страстными нападками на Наполеона и на французскую націю, которыми богато его сочиненіе о естественномъ правѣ и выше приведенная рѣчь объ освобожденіи Европы отъ французскаго ига[3]). По порученію графа Потоцкаго, проф. Дегуровъ дол-

1) Прошеніе это не было принято министромъ адмираломъ Шишковымъ; а потому оно въ подлинникѣ осталось въ рукахъ П. И. Кеппена и сохранилось между его бумагами.

2) Въ привед. мѣстѣ, на стр. 528—529.

3) Такой правдоподобный поводъ приводится самимъ Шадомъ въ указанномъ прошеніи его. Тутъ-же говорится о томъ, что, по повелѣнію князя Голицына, всѣ экземпляры двухъ сочиненій его (нѣмецкой хрестоматіи и «De viris illustribus urbis Romae») были отобраны и публично сожжены въ Харьковскомъ ботаническомъ саду.

женъ былъ представить докладъ о естественномъ правѣ Шада; и въ этомъ докладѣ (который проф. Роммель называетъ *доносомъ*) онъ пытался выставить нѣкоторыя мысли, заключающіяся въ сказанномъ сочиненіи, а также въ нѣкоторыхъ другихъ трудахъ Шада, за пропаганду атеизма. Такая очевидная клевета дала поводъ князю Голицыну, безъ наряженія суда и не давая возможности проф. Шаду оправдаться, выслать его, какъ преступника, въ сопровожденіи жандармовъ, за границу и лишить его всѣхъ денежныхъ правъ и преимуществъ, сопряженныхъ съ 12-ти лѣтней выдающейся дѣятельностью въ званіи ординарнаго профессора. — Результатъ для Шада былъ самый плачевный: пробывши около года въ Берлинѣ, онъ вернулся въ Іену, гдѣ хотя и былъ снова назначенъ профессоромъ философіи, но, сокрушенный своею горькою участью, спился и велъ жизнь циника, отъ которой желанная смерть освободила его въ 1834 году.

Что касается отношеній Петра Ивановича къ проф. Шаду, то онъ ставилъ его, какъ преподавателя, очень высоко; въ письмахъ къ своему другу юности, В. Ф. Титареву, онъ восторженно вспоминаетъ о тѣхъ въ высшей степени интересныхъ лекціяхъ, которыя они вмѣстѣ прослушали у любимаго профессора. Въ маѣ 1816 г., т. е. еще до описанной катастрофы, онъ совѣтовался съ проф. Якобомъ о томъ, какъ помочь Шаду, на котораго было взведено выше упомянутое обвиненіе въ мартѣ того года (значитъ еще при министрѣ Разумовскомъ). Впослѣдствіи, въ 1824 году, П. И. посѣтилъ проф. Шада въ Іенѣ и взялся представить прошеніе его Министру адмиралу Шишкову. Но всѣ усилія его оказались тщетными[1]).

---

1) Сл. о проф. Шадѣ: 1) вышеупомянутую автобіографію его; 2) Письмо Шада къ Веймарскому Посланнику при нашемъ Дворѣ (въ изданномъ, въ 1860 году, въ Кіевѣ г. Кулжинскимъ альманахѣ «Русская правда», стр. 93—104); 3) Н. Лавровскаго: «Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго Университета И. І. Г. Шадъ»; въ Чтеніяхъ Имп. Общ. ист. и древн. росс. при Моск. Унив., 1873, кн. II, смѣсь, стр. 38—58; 4) статью Ѳ. А. Зеленогорскаго: «И. Г.

3) Послѣ Якоба и Шада однимъ изъ болѣе выдающихся профессоровъ вызванныхъ изъ Германіи, былъ Христофоръ Роммель (Dietrich Christoph von Rommel). Онъ родился въ Касселѣ, 17 апрѣля 1781 года; посѣщалъ сперва университетъ въ Марбургѣ (1799 г.), а затѣмъ въ Геттингенѣ (съ 1800 г.), гдѣ онъ, въ особенности, подъ руководствомъ знаменитаго Гейне (Heyne), занимался изученіемъ классическихъ языковъ; тамъ-же онъ слушалъ лекціи Эйххорна, Шлёцера, Гэрена, Блуменбаха и др. Получивъ въ 1803 г. степень доктора, онъ уже въ слѣдующемъ году былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ краснорѣчія и греческаго языка въ Марбургскомъ университетѣ; а въ 1805 году (т. е. 24-хъ лѣтъ отъ роду) онъ былъ уже ординарнымъ профессоромъ. При весьма неблагопріятныхъ для германскихъ университетовъ условіяхъ, сложившихся вслѣдствіе покоренія западной Германіи Наполеономъ, Роммель съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе Харьковскаго университета, и въ исходѣ 1810 года отправился на новое назначеніе черезъ Берлинъ (гдѣ онъ побывалъ у Палласа), Дрезденъ, Прагу (гдѣ познакомился съ Добровскимъ), Львовъ (Лембергъ) и Кіевъ. Въ Харьковъ онъ пріѣхалъ 15 (27) января 1811 года. Онъ тѣмъ охотнѣе переселился туда, что надѣялся оттуда, въ каникулярное время, посѣтить Кавказъ, о древней географіи котораго онъ, еще въ 1804 г., напечаталъ сочиненіе: «Caucasicarum regionum et gentium Straboniana descriptio et recentioris aevi notitiis commentario perpetuo illustrata». Роммель оставался въ Харьковѣ только $3^1/_2$ года, т. е. отъ января 1811 г. до іюля 1814 г. Онъ преподавалъ тамъ латинскую словесность, при чемъ не ограничивался толкованіемъ отдѣльныхъ писателей, но читалъ и исторію римской литературы (по Герлаху) а также курсъ о римскихъ древностяхъ. Сверхъ того, онъ, по образцу германскихъ университетовъ, устроилъ филологическую «семинарію», въ которой

Шадъ», въ «Вопросахъ философіи и психологіи», годъ VI, 1895, мартъ, стр. 160—169, и ноябрь, стр. 574—591.

преподавались основанія высшей грамматики, критики, герменевтики и археологіи. Между принимавшими съ успѣхомъ участіе въ этой семинаріи, самъ Роммель[1]) называетъ П. И. Кеппена.

Взрывъ патріотизма, проявившійся въ Россіи, по случаю вторженія Наполеоновской арміи, и сопровождавшійся непріязнью не только къ французамъ, но и вообще къ иностранцамъ, измѣнилъ также положеніе профессоровъ-иностранцевъ при русскихъ университетахъ. Съ другой стороны, побѣды надъ Наполеономъ въ 1813 и 1814 годахъ и освобожденіе Германіи отъ его ига настолько измѣнили къ лучшему и университетскія условія въ этой послѣдней странѣ, что у Роммеля явилось желаніе вернуться на родину. Въ іюлѣ 1814 года онъ воспользовался продолжительнымъ отпускомъ для посѣщенія Москвы и С.-Петербурга, а въ іюнѣ 1815 года поселился снова въ Марбургѣ, въ качествѣ ординарнаго профессора всеобщей исторіи. Здѣсь онъ предался спеціально изученію исторіи своей родины и напечаталъ, съ 1820 по 1858 г., десять томовъ «Geschichte von Hessen»[2]). Онъ умеръ въ Касселѣ 21 января 1859 года. Какъ уже упомянуто, онъ, въ своей автобіографіи, говоритъ довольно подробно о своемъ пребываніи въ Харьковѣ, о тамошней университетской жизни и вообще о тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ на Украйнѣ.

4) Украшеніемъ Харьковскаго университета, и спеціально юридико-политическаго факультета его, Роммель называетъ своего друга, профессора Швейкарта (Ferdinand Karl S. Schweikart). Онъ родился 22-го февраля 1780 года. Въ Харьковъ опредѣленъ, въ 1812 году, ординарнымъ профессоромъ. Онъ читалъ на латинскомъ языкѣ, энциклопедію и методологію законовѣдѣнія, а также систему римскаго права, съ его исторіею

---

1) Въ вышеуказанной автобіографіи своей (въ привед. мѣстѣ, на стр. 521); въ русскомъ изданіи Балявнаго, на стр. 55.

2) Изъ прочихъ его сочиненій можно еще назвать: Correspondance inédite de Henri IV, roi de France, avec Maurice le savant, Landgrave de Hesse. (Paris, 1840).

и герменевтикою, посвящая курсу своему по 4 часа въ недѣлю. Роммель замѣчаетъ, что Швейкартъ, въ началѣ своего пребыванія въ Харьковѣ, носился съ разными прекрасными проектами преобразованій; но потомъ, всмотрѣвшись по-ближе въ тогдашнее состояніе русскаго общества, разочаровался; сталъ недовѣрчивымъ, избѣгалъ общество и, подъ вліяніемъ высшаго своего философскаго настроенія, началъ даже склоняться къ мистицизму. Въ 1816 году онъ покинулъ Харьковъ и опредѣлился ординарнымъ профессоромъ въ Марбургѣ, а въ 1821 году перешелъ въ Кенигсбергъ. Онъ умеръ въ 1857 году. Имъ издано нѣсколько выдающихся сочиненій по естественному и уголовному праву. Особенно замѣчательно вышедшее въ 1801 году сочиненіе: «Bemerkungen über das Verhältniss des Naturrechts zum positiven Recht».

5) Съ самаго основанія Харьковскаго университета, т. е. съ 1805 года, состоялъ при немъ адъюнктомъ философскихъ наукъ докторъ Іосифъ (Осипъ) Матвѣевичъ Лангъ (Joseph Lang), о которомъ мнѣ не удалось собрать почти никакихъ біографическихъ свѣдѣній[1]). Извѣстно лишь, что онъ уроженецъ города Фрейбурга (въ Баденѣ). Съ открытія университета по 1811 г. Лангъ преподавалъ философію на латинскомъ языкѣ; а съ 1807 по 1814 годъ также естественное право. Послѣ перемѣщенія проф. Якоба въ С.-Петербургъ, мѣсто его занялъ въ 1810 году докторъ Лангъ, повышенный въ 1812 г. въ ординарные профессора. Къ курсу политической экономіи онъ присоединилъ государственную полицію и науку о государственныхъ доходахъ, излагая первый предметъ по выше приведенной книгѣ Якоба, а послѣдніе два по собственнымъ запискамъ. Сверхъ того, въ 1813—14 г. онъ читалъ по одному часу политическую ариѳметику, слѣдуя своему сочиненію «Grundlinien der politischen Arithmetik» (Charkow, 1810). Въ бытность свою въ

1) Въ извѣстномъ изданіи «Allgemeine Deutsche Biographie», откуда я почерпнулъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Якобѣ, Шадѣ, Роммелѣ и Швейкартѣ, о Іос. Лангѣ вовсе не говорится.

Харьковѣ, Лангъ издалъ еще: «Was ist das Geld? Eine national-ökonomische Abhandlung» (Charkow, 1815). Онъ скончался въ Серпуховѣ въ исходѣ 1819 года, на пути изъ Харькова въ С.-Петербургъ. Роммель замѣчаетъ о немъ только, что онъ придавалъ большое значеніе своимъ работамъ по соціально-политическимъ вопросамъ. П. И. очень сошелся съ проф. Лангъ и, какъ увидимъ, въ сообществѣ его, совершилъ нѣсколько путешествій.

6) Профессоромъ всеобщей исторіи былъ Антонъ Антоновичъ Дегуровъ (Дюгуровъ, или собственно Дюгуръ, Dugour)[1]). Родомъ онъ былъ изъ Франціи, гдѣ родился недалеко отъ Клермона, въ 1765 году. Будучи сперва книгопродавцемъ, а затѣмъ профессоромъ парижскихъ коллегій (collèges), онъ, въ 1806 г., получилъ приглашеніе въ Харьковскій университетъ, въ которомъ, начиная съ 1807 года, преподавалъ среднюю и новую исторію и, сверхъ того, открылъ особые курсы исторической критики и обозрѣнія успѣховъ человѣческаго ума на поприщѣ наукъ, искусствъ, политическихъ и религіозныхъ учрежденій, употребляя на занятія съ своими слушателями по 4 часа въ недѣлю; вмѣсто послѣдне-названныхъ курсовъ, онъ впослѣдствіи читалъ статистику. Въ 1812 и 1814 гг. онъ, сперва по порученію попечителя графа Потоцкаго, а затѣмъ по приглашенію генералъ-губернатора дюка де-Ришелье, производилъ «визитацію» училищъ Новороссійскаго края, преимущественно-же Одессы, — при чемъ оказался самымъ усерднымъ педагогомъ[2]). Въ 1817 г. проф. Дегуровъ переселился въ С.-Петербургъ, поступивъ профессоромъ сперва въ главный педагогическій институтъ, а, по преобразованія его въ университетъ (въ 1819 г.), онъ перешелъ въ этотъ послѣдній; впослѣд-

1) Измѣненіе своей первоначальной французской фамиліи Dugour онъ довелъ до того, что и французскія свои сочиненія издавалъ подъ именемъ de Gouroff. Указъ о дозволеніи ему такъ именоваться послѣдовалъ 29 января 1812 г.

2) См. объ этомъ въ статьѣ А. Скальковскаго: «Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ», въ «Южномъ Сборникѣ» (1859 г.), №№ 3 и 4.

ствіи онъ состоялъ ректоромъ Петербургскаго университета. Онъ скончался въ Одессѣ 10-го мая 1849 года. Проф. Дегуровъ былъ весьма многосторонній ученый. Въ бытность свою во Франціи онъ напечаталъ, м. пр., «Histoire de Henri IV». (Paris, 1790); «Géographie de la France» (Paris, 1791). Переселившись въ Россію, онъ издалъ м. пр.: «De la civilisation des Tatars-Nogais dans le midi de la Russie européenne». (Charkof, 1816); «Essai sur l'histoire des enfants-trouvés; servant d'introduction aux recherches sur les enfants-trouvés et les enfants illégitimes en Russie, et dans le reste de l'Europe». (Paris, 1829)[1]). Проф. Роммель отзывается о Дегуровѣ какъ о лучшемъ «визитаторѣ» школъ и искусномъ дипломатѣ; послѣднее его качество высказалось, въ особенности, при столкновеніи Харьковскаго университета съ дюкомъ де-Ришелье. Онъ отлично умѣлъ пользоваться обстоятельствами и былъ очень опасенъ своимъ противникамъ. Мы видѣли, какъ пострадалъ отъ его интригъ несчастный проф. Шадъ[2]).

7) Изъ природныхъ русскихъ между первыми профессорами Харьковскаго университета наиболѣе замѣчательнымъ былъ Иванъ Степановичъ Рижскій, уроженецъ города Риги, отчего и получилъ свое прозвище. Онъ началъ свое образованіе въ Псковской семинаріи, и окончилъ въ Троицко-Лаврской (съ 1775 г.), въ которой былъ потомъ преподавателемъ (до 1786 г.), обучая риторикѣ, піитикѣ, исторіи, римскимъ древностямъ и философіи. Въ это время онъ издалъ нѣсколько сочиненій: «О богослуженіи древнихъ римлянъ» (1784 г.) и «О политическомъ состояніи древняго Рима» (1786 г.). Переселившись въ С.-Петербургъ, Рижскій поступилъ учителемъ въ горное учи-

---

1) Это-же самое сочиненіе, десять лѣтъ спустя, вышло новымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Recherches sur les enfants-trouvés et les enfants illégitimes en Russie, dans le reste de l'Europe, en Asie et en Amérique». (Paris, 1839).

2) Сл. о проф. Дегуровѣ: 1) замѣтку Н. Лавровскаго, въ Русскомъ Архивѣ, 1869 г.; 2) статью А. С. Лебедева: «Антонъ Антоновичъ Дегуровъ. Біографическій очеркъ изъ исторіи Харьковскаго и Петербургскаго университетовъ: 1806—36 гг.»; въ «Вѣстникѣ Европы», 1876, мартъ стр. 135—176.

лище, гдѣ преподавалъ латинскій языкъ въ старшемъ классѣ, логику, риторику, исторію и географію. По порученію горнаго вѣдомства, онъ перевелъ съ французскаго «Физическое и топографическое описаніе Тавриды» знаменитаго Палласа. Въ 1790 г. онъ издалъ свою логику, а въ 1796 г. риторику. Въ 1803 г. Рижскій, по приглашенію графа Потоцкаго, былъ опредѣленъ профессоромъ россійской словесности и краснорѣчія въ учреждаемомъ Харьковскомъ университетѣ, по открытіи котораго онъ былъ деканомъ отдѣленія словесныхъ наукъ и ректоромъ университета; въ этомъ званіи онъ оставался до смерти своей, послѣдовавшей въ 1811 году. Руководствуясь изданными имъ сочиненіями и отчасти Блеромъ, Баттё и Эшенбургомъ, Рижскій употреблялъ первый годъ по 4, а потомъ по 6 часовъ въ недѣлю, на чтеніе риторики вообще и теоріи краснорѣчія въ особенности, а также пiитики, и занималъ слушателей своихъ эстетическими разборами лучшихъ отечественныхъ писателей. Не смотря на поглощавшія время его служебныя обязанности по устройству новаго университета, Рижскій успѣвалъ продолжать свои научныя занятія. Онъ издалъ вторично, со многими дополненіями, свою риторику, признанную лучшею на русскомъ языкѣ; кромѣ нѣсколькихъ рѣчей, читанныхъ имъ въ годичныхъ собраніяхъ университета, незадолго до смерти, онъ написалъ «Науку стихотворства», изданную Россійскою Академіею, членомъ которой числился Рижскій съ 1802 года[1]).

8) Первымъ профессоромъ русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ былъ Гавріилъ Петровичъ Успенскій. Онъ родился, въ 1765 г., въ Льговскомъ уѣздѣ Курской губерніи, обучался въ Сѣвской семинаріи, а затѣмъ поступилъ въ С.-Петербургскую учительскую гимназію. По окончаніи этой послѣдней, онъ былъ опредѣленъ учителемъ главнаго народнаго училища въ Воронежѣ. Здѣсь онъ издалъ нѣсколько переводовъ, обратившихъ

---

1) Сл. о немъ: Извѣстіе о жизни и смерти профессора Имп. Харьковскаго Университета Ив. Степ. Рижскаго. Надгробныя рѣчи (и пр.). Харьковъ, 1811. 4°.

на него вниманіе ученаго міра. «Однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній воронежской жизни осталось для Успенскаго дружба его съ протоіереемъ Болховитиновымъ, впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ, повлекшая за собою обширную и продолжительную ученую переписку съ почтеннымъ знатокомъ русской старины и неутомимымъ собирателемъ матеріаловъ для исторіи русской словесности» [1]). Въ 1807 г. Успенскій былъ избранъ лекторомъ русской исторіи, географіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, а впослѣдствіи и профессоромъ по этой каѳедрѣ, будучи возведенъ въ званіе доктора изящныхъ наукъ. Онъ умеръ въ 1820 году. Успенскій употреблялъ на чтеніе постоянно по 4 часа въ недѣлю. Сверхъ предметовъ, положенныхъ по уставу, онъ преподавалъ особый курсъ русскихъ древностей, по изданному имъ впослѣдствіи сочиненію «Опытъ повѣствованія россійскихъ древностей» (Харьковъ, 1811 г.; второе изданіе, въ двухъ частяхъ, тамъ-же, 1818 г.). «Такимъ образомъ одному изъ членовъ Харьковскаго университета принадлежитъ честь перваго систематическаго изложенія внутренняго быта нашихъ предковъ, которое до сихъ поръ не замѣнено еще достойнымъ образомъ и призывается въ пособіе всѣми занимающимися изслѣдованіемъ отечественныхъ древностей» [2]). Что касается личности Успенскаго, то Роммель, относящійся нѣсколько враждебно къ своимъ русскимъ товарищамъ, отзывается о немъ какъ о «рабулистѣ» и крючкотворѣ, который, въ качествѣ синдика университета, умѣлъ своевольно толковать указы и, подъ маскою большой угодливости, скрывалъ огромное честолюбіе.

9) Важную роль въ университетѣ игралъ проф. Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, родомъ сербъ изъ Румы, который нѣсколько лѣтъ былъ деканомъ физико-математическаго отдѣленія, а также ректоромъ. Онъ обучался сперва въ Венгріи, а затѣмъ

1) Сухомлиновъ, въ привед. мѣстѣ, на стр. 88.

2) А. Рославскій-Петровскій, въ привед. мѣстѣ (1855 г.); въ отдѣльномъ оттискѣ, на стр. 23. (См. выше, стр. 9).

въ Геттингенскомъ университетѣ, отъ профессоровъ котораго получилъ блестящій аттестатъ. Графъ Потоцкій, встрѣтившійся съ нимъ въ Вѣнѣ, на балу, предложилъ ему переѣхать въ Россію, на что онъ и согласился. Съ самаго открытія университета, по 1813 годъ, Стойковичъ былъ въ Харьковѣ профессоромъ умозрительной и опытной физики; кромѣ этого онъ преподавалъ физическую географію и физическую астрономію, по собственнымъ сочиненіямъ, на русскомъ и латинскомъ языкахъ; а въ 1807—8 академическомъ году, желая познакомить слушателей своихъ съ понятіями древнихъ о природѣ, объяснялъ имъ поэму Лукреція: De natura rerum. По порученію совѣта университета, онъ временно преподавалъ также сельское хозяйство. Роммель называетъ Стойковича демономъ добра и зла Харьковскаго университета, который отлично изучилъ слабыя стороны какъ русскихъ, такъ и нѣмцевъ, и былъ крайне честолюбивъ. «Скромныя занятія ученаго не были его призваніемъ, и настоящая арена открылась для него съ выборомъ въ ректоры: въ теченіе трехъ лѣтъ онъ вполнѣ развернулъ необыкновенную, можно сказать, политическую свою дѣятельность... Всегда готовый на обширные планы, онъ сильно поддерживалъ нѣмцевъ, когда задумали было вызвать новыхъ профессоровъ изъ Германіи»[1]). Понемногу открылись его торговыя спекуляціи, подрывавшія казну и состоявшія въ безпошлинномъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ, въ особенности венгерскаго вина. Наряжено было слѣдствіе и, въ 1813 году, Стойковичъ былъ уволенъ. Онъ умеръ въ С.-Петербургѣ, въ 1832 году[2]).

10) Совершенно другой типъ представлялъ скромный и весьма трудолюбивый Фердинандъ Ивановичъ Гизе (Giese), состоявшій, съ открытія университета, адъюнктомъ, а впослѣдствіи профессоромъ химіи. Онъ излагалъ спеціальный, приспособленный

1) Роммель, въ русскомъ изданіи Балясная, на стр. 69—71.

2) См. о немъ статью П. Лавровскаго: «Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго Университета. I. А. И. Стойковичъ»; въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. ист. и др. росс. при Моск. Унив., 1873, кн. II, смѣсь, стр. 1—37.

къ промышленности и искусствамъ курсъ химіи, слѣдуя Гмелину и собственнымъ сочиненіямъ, и сверхъ того занималъ слушателей своихъ разборомъ новѣйшихъ химическихъ теорій. Съ 1811 года, когда другой химикъ, проф. Шнаубертъ, оставилъ службу при Харьковскомъ университетѣ, Гизе одинъ преподавалъ всѣ части этой науки, до своего перемѣщенія въ Дерптъ, въ концѣ 1814 года. Онъ умеръ въ Митавѣ, 22 мая 1821 года.— Въ томъ, что П. И. Кеппенъ съ успѣхомъ занимался химіею, удостовѣряетъ то обстоятельство, что, во время пребыванія его въ университетѣ, проф. Гизе предлагалъ ему мѣсто лаборанта, отъ котораго П. И. однакоже долженъ былъ отказаться, такъ какъ онъ тогда уже занимался преимущественно науками политическими.

При такомъ составѣ преподавателей въ первое десятилѣтіе Харьковскаго университета и при тѣхъ многообъемлющихъ научныхъ интересахъ, которыми отличался Петръ Ивановичъ съ самой юности своей, нельзя удивляться тому, что онъ успѣлъ пріобрѣсти весьма богатый запасъ частію довольно разнообразныхъ свѣдѣній, которыя однакоже связывались усердно изучавшеюся имъ философіею, служащею для всѣхъ ихъ какъ-бы общимъ звеномъ. Мы увидимъ, что П. И., и по своемъ переселеніи въ Петербургъ, съ увлеченіемъ занимался этою основою всѣхъ наукъ. Изъ выше изложеннаго явствуетъ, что нѣсколько изъ его профессоровъ были отлично подготовлены по философіи; такъ именно Шадъ, Якобъ, Швейкартъ и Лангъ[1]); да и весь строй нойко (нравственно)-политическаго факультета да-

---

1) Ср. также статью проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго: «Матеріалы для исторіи Харьковскаго Университета. — Вліяніе натурфилософіи Шеллинга»; въ Запискахъ Имп. Харьк. Унив., 1893 г., кн. 3, стр. 25 — 36. — Здѣсь разбираются двѣ рѣчи, относящіяся къ самому раннему періоду существованія университета: 1) проф. Коритари: «De nexu studii Medicinae cum studio Philosophiae» (въ 1807 г.) и 2) адъюнкта Громова: «Объ общихъ органическихъ силахъ и постепенномъ отношеніи ихъ между собою» (въ 1815 г.).

валъ много простора этой наукѣ наукъ, гоненіе на которую послѣдовало у насъ лишь сорокъ лѣтъ спустя. По этому понятно, что П. И., въ своихъ первыхъ юношескихъ (не напечатанныхъ) этюдахъ (о которыхъ рѣчь впереди) старался связывать философію какъ съ политическою экономіею, такъ и съ законовѣдѣніемъ. Съ другой стороны, благодаря главнѣйше лекціямъ профессоровъ Успенскаго и Рижскаго, вниманіе юноши было обращено на исторію и древности Россіи, на памятники русской словесности и на развитіе отечественнаго языка. Уже въ самомъ выборѣ прослушанныхъ имъ лекцій мы видимъ зародышъ того многосторонняго изученія Россіи, которому П. И. предался впослѣдствіи и служилъ всю жизнь свою.

Въ періодъ пребыванія П. И-ча въ Харьковскомъ университетѣ палъ славный для Россіи 1812 годъ, и это обстоятельство, въ связи съ гуманными и въ лучшемъ смыслѣ либеральными преобразованіями, которыми отличалось первое десятилѣтіе царствованія императора Александра I, — безъ сомнѣнія, содѣйствовало въ сильной степени развитію въ юношѣ того горячаго и благороднаго патріотизма, которымъ П. И. отличался въ теченіе всей своей жизни. Патріотизмъ этотъ проявился, между прочимъ, въ тѣсной и искренней дружбѣ его съ товарищемъ по университету Василіемъ Фотіевичемъ Титаревымъ. Они вмѣстѣ мечтали о благѣ возлюбленнаго отечества и дали другъ другу клятвенное обѣщаніе посвятить ему всю жизнь и всѣ силы свои. Въ періодъ кратковременной разлуки (въ октябрѣ 1813 г.) П. И. пишетъ своему другу и напоминаетъ ему, что ихъ свела и связала эта чистая любовь къ отечеству, отдаленная отъ всякихъ мелочно-эгоистическихъ цѣлей; что та-же любовь и одинаковое пламенное желаніе принести пользу Россіи, подстрекали обоихъ къ основательному изученію юридико-политическихъ наукъ. И тутъ-же онъ восторженно восклицаетъ: «О, дабы на вѣки насъ связывало это благородное и возвышенное чувство! Тебѣ, любимый мой, моя дружба, а отечеству моя жизнь!» — Столь-же восторженно отвѣчаетъ Титаревъ: «Письмо твое при-

вело меня въ восхищеніе. Достохвальное намѣреніе твое—содѣйствовать по возможности распространенію благосостоянія любезнаго отечества нашего — возбудило во мнѣ духъ неослабный къ сопутствію тебя во всѣхъ дѣяніяхъ твоихъ... Богъ будетъ намъ помощникомъ, правосудіе защитою, торжество духа наградою». Не обождавъ этого сочувственнаго отвѣта, П. И., во второмъ письмѣ своемъ, развиваетъ цѣль и задачи настоящей переписки съ другомъ; и тутъ-же пытается дать отвѣты на имъ-же поставленные вопросы: Что есть право? Что такое—политика? И что—философія? Отвѣты эти снабжены разными ссылками на Шеллинга, Руссо и другихъ мыслителей. Въ третьемъ письмѣ къ своему другу П. И. разбираетъ вопросъ, почему они оба рѣшились стать государственными людьми, а не учеными; или-же: зачѣмъ они избрали *дѣятельность*, а не *знаніе?* Онъ старается объяснить это тѣмъ, что они оба желаютъ принести непосредственную пользу своимъ собратьямъ и что, при всемъ уваженіи къ возвышеннымъ цѣлямъ ученаго сословія, благо или внѣшнее счастіе ближнихъ можетъ быть обосновано и увеличено только при благоустроенныхъ государственныхъ порядкахъ, къ улучшенію которыхъ они и должны стремиться.

Изъ дальнѣйшаго жизнеописанія Петра Ивановича каждый убѣдится, что онъ сдержалъ данное въ торжественную минуту слово и исполнилъ честно свое обѣщаніе; любимому же имъ другу Титарѣву помѣшали въ томъ ранняя его смерть, о который говорено будетъ въ слѣдующей главѣ. Въ томъ, что П. И. ошибся въ своемъ призваніи, которое все болѣе и болѣе увлекало его въ священный кругъ науки, никто не станетъ винить двадцатилѣтняго юношу!

Рано пробудилась въ П. И-чѣ любовь къ путешествіямъ, которую онъ сохранилъ до старости лѣтъ. Въ періодъ своего университетскаго пребыванія онъ почти ежегодно, въ лѣтнее каникулярное время, посѣщалъ различныя мѣстности южной Россіи. Въ 1810 году онъ, въ сообществѣ товарища-студента Ѳед. Ив. Сорокина (впослѣдствіи учителя въ Курскѣ), въ теченіе авгу-

ста мѣсяца, посѣтилъ Одессу, проѣхавъ туда черезъ Екатеринославъ, Елисаветградъ и Николаевъ, а обратно черезъ Кременчугъ и Полтаву. Въ 1811 году П. И., въ сопровожденіи тогдашняго Харьковскаго студента Ив. Ник. Лобойко, проѣхалъ черезъ Изюмъ и Святогорскій монастырь въ Купянскъ; по близости этого города они провели нѣсколько времени у помѣщиковъ Мечникова и Гессъ-де-Кальве́; у этого послѣдняго, извѣстнаго музыканта, П. И. встрѣтился съ проф. Лангомъ, съ которымъ и вернулся, черезъ Чугуевъ, въ Харьковъ. Въ 1812 году П. И. сдавъ кандидатскій экзаменъ, поѣхалъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Лангомъ, въ Херсонскую губернію, въ имѣніе г-жи Стратемировичъ (близъ Елисаветграда), гдѣ гостилъ и Гессъ-де-Кальве́. Отсюда они, большимъ обществомъ, отправились въ Умань и посѣтили знаменитый Софіевскій садъ, устроенный графомъ Феликсомъ Потоцкимъ[1]). Въ сообществѣ проф. Ланга П. И., черезъ Полтаву, возвратился въ Харьковъ. Въ 1813 г. П. И., вмѣстѣ съ своимъ братомъ Карломъ, совершилъ лишь небольшую поѣздку въ Валки и Ахтырку, гдѣ они, для матери своей купили двадцать душъ крѣпостныхъ[2]).

Все остальное время 1813 года П. И. посвятилъ какъ приготовленію къ экзамену на степень магистра, такъ и самому экзамену и писанію диссертаціи. Диссертація эта, оставшаяся не напечатанною, написана по нѣмецки и носитъ заглавіе: «Über die vom Staate zu leistende Entschädigung der Kriegsschäden». Напечатаны только латинскіе къ ней тезисы: «Theses ex Dissertatione: De reparatione damni per bellum illati a civitate ipsa

1) Объ этой поѣздкѣ сохранился сочиненный П. И-чемъ рукописный романъ, состоящій изъ ряда писемъ, въ которыхъ переплетено пережитое съ придуманнымъ. («Wahrheit und Dichtung»). Въ этомъ романѣ весьма замѣтно вліяніе Гётескаго «Вертера».

2) Для объясненія такой покупки слѣдуетъ замѣтить, что родъ Кеппенъ, въ 1811 году, былъ внесенъ въ дворянскую родословную книгу Слободско-Украинской (Харьковской) губерніи. — Законъ о непродажѣ людей безъ земли вышелъ позже.

praestanda». (Charcoviae. MDCCCXIV. 4⁰). Поводомъ къ избранію предмета ея, безъ сомнѣнія, была война 1812 года, веденная противъ Наполеона въ предѣлахъ самой Россіи.

ГЛАВА III.

Первое пребываніе въ С.-Петербургѣ: 1814—1821 г.

Послѣ защиты своей магистерской диссертаціи, въ мартѣ 1814 года, снабдившись свидѣтельствомъ отъ правленія Харьковскаго университета, выданнымъ 14 апрѣля, Петръ Ивановичъ готовился въ дальній путь: на службу въ С.-Петербургъ. Мужъ его тетки, Николай Максимовичъ Яновскій, начальникъ отдѣленія въ почтовомъ департаментѣ, на запросъ матери П. И-ча, изъявилъ полную готовность не только помѣстить его въ своей семьѣ и заботиться первое время о немъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, но и опредѣлить его въ почтовомъ департаментѣ, съ жалованьемъ, на первый случай, въ 500—600 руб. асс. [1]).

19-го апрѣля 1814 г. П. И., наконецъ, въ сопровожденіи своего брата Ѳедора, двинулся въ путь. Въ началѣ мая путешественники, проѣхавъ черезъ Бѣлгородъ, Обоянь, Курскъ и Орелъ, достигли Тулу. Сюда оба брата прибыли больными, и П. И., снабженный, со стороны Н. М. Яновскаго, рекомендательными письмами, обратился къ Тульскому губернскому почтмейстеру, надворному совѣтнику Ивану Савичу Бабаеву съ просьбою объ отысканіи для него комнаты. На это г. Бабаевъ 9-го мая отвѣтилъ ему письмомъ въ которомъ значилось, м. пр., слѣдующее: .... «Итакъ, вмѣсто того, чтобы пріискивать вамъ квартиру, кои здѣсь непомѣрно дороги, да и едва ли гдѣ, кромѣ трактира, можно сыскать одну комнату, я прошу васъ пожаловать прямо ко мнѣ и

---

1) Изъ сохранившагося письма его, отъ 20 февраля 1814 года.

постараюсь доставить вамъ всевозможное спокойствіе». П. И. съ удовольствіемъ принялъ такое любезное приглашеніе и, вмѣстѣ съ братомъ, переселился 10-го мая къ доброму почтмейстеру. Болѣзнь, которою были одержимы оба брата, оказалась весьма опаснымъ пятнистымъ тифомъ [1]), отъ котораго младшій братъ Ѳедоръ умеръ черезъ четыре дня, т. е. 14-го мая. П. И. также былъ при смерти боленъ и долгое время лежалъ въ безпамятствѣ.

Въ письмѣ къ своей матери, писанномъ въ іюлѣ 1814 года, П. И. описываетъ, что онъ чувствовалъ во время безпамятства, и называетъ это состояніе чуднымъ: какъ онъ лежалъ, свободный отъ всѣхъ земныхъ думъ, и былъ переносимъ въ невѣдомыя райскія области, гдѣ его обдавали нѣжные, сладкіе голоса и чудесныя мелодіи. Когда же онъ просыпался и, при слабомъ открытіи глазъ, узнавалъ окружающіе предметы, то этому вовсе не радовался и желалъ поскорѣе впасть опять въ безпамятное состояніе. — Такъ онъ пробылъ у человѣколюбиваго Бабаева [2]) до 6-го іюня, когда наконецъ былъ въ состояніи отправиться въ дальнѣйшій путь. Черезъ разрушенную Москву, гдѣ онъ провелъ недѣльку, Тверь и Новгородъ, П. И. проѣхалъ въ С.-Петербургъ, куда прибылъ 22-го іюня.

Здѣсь встрѣтилъ его радушно Н. М. Яновскій, въ домѣ котораго П. И. и поселился, и гдѣ онъ прожилъ до февраля

---

1) Въ одномъ мѣстѣ своихъ набросокъ П. И. называетъ болѣзнь «Fleckfieber», въ другомъ же «Faulfieber». Очень можетъ быть, что зародышъ этой болѣзни оба брата схватили еще въ Харьковѣ, гдѣ весною и лѣтомъ 1814 года свирѣпствовала тифозная эпидемія, отъ которой многіе убѣгали изъ Харькова, какъ напр. профессора Роммель и Дегуровъ, между тѣмъ какъ проф. Шмерфельдъ былъ похищенъ ею. См. автобіографію Роммеля, въ русскомъ изданіи Балясного; стр. 98. Впрочемъ, и въ самой Тульской губерніи, въ то время, могли существовать еще остатки тифозной эпидеміи, свирѣпствовавшей тамъ въ 1812 и 1813 годахъ. См. объ этой послѣдней — статью доктора Герцога (Herzog): «Über die Typhusepidemie von 1812 und 1813 in den Gouvernements Tula und Kaluga», въ «Russische Sammlung für Naturwissenschaft und Heilkunst», Bd. I, 1816, S. 265—307.

2) Каждый разъ, когда П. И. впослѣдствіи проѣзжалъ черезъ Тулу, напр. въ 1821 и 1829 г., онъ посѣщалъ своего благодѣтеля Ивана Савича и въ своихъ путевыхъ дневникахъ съ благодарностью вспоминалъ о добротѣ его сердца.

1816 года, имѣя все время даровую квартиру и даровой столъ. Онъ жилъ тутъ въ одной комнатѣ съ двумя сыновьями Николая Максимовича и впослѣдствіи всегда, съ искреннею и глубокой признательностью, вспоминалъ о времени, проведенномъ въ домѣ Н. М. Яновскаго. Николай Максимовичъ вовсе не чуждался наукъ, которыми, напротивъ, съ любовью занимался: онъ авторъ извѣстнаго «Словотолкователя» [1]). Также и его домъ былъ посѣщаемъ нѣкоторыми учеными и другими интересными личностями. Въ письмѣ своемъ къ матери, вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ, П. И. говоритъ, что онъ особенно охотно бесѣдуетъ со старцемъ Василіемъ Павловичемъ Двигубскимъ (братомъ извѣстнаго Московскаго профессора), весьма уважаемымъ всею семьею Яновскаго.

3 іюля 1814 г. П. И. былъ опредѣленъ въ Почтовомъ Департаментѣ канцелярскимъ чиновникомъ, съ жалованіемъ въ 600 руб. асс., а 26 марта слѣдующаго года произведенъ въ младшіе помощники столоначальника, съ увеличеніемъ жалованья на 150 рублей. Понятно, что П. И., пріобрѣвшій степень магистра правъ и жаждавшій привести въ исполненіе разные задуманные имъ научные планы, не могъ удовольствоваться канцелярскою службою въ департаментѣ, и что онъ всѣми силами старался найти себѣ болѣе подходящія занятія. Однако-же, не смотря на всѣ усилія и на нѣкоторую протекцію, ему не удавалось получить мѣсто, которое было-бы ему болѣе по сердцу; такъ что онъ, до исхода 1821 года (т. е. до выѣзда за границу) состоялъ чиновникомъ Почтоваго Департамента, хотя, какъ мы увидимъ, съ 1819 года, условія его службы измѣнились значительно къ лучшему.

Другое семейство, обласкавшее П. И-ча, въ первые годы его пребыванія въ Петербургѣ принадлежало бывшему Харьковскому профессору Якобу, который, какъ мы видѣли, былъ

---

1) Н. М. Яновскій скончался въ Одессѣ, 3 марта 1826 года, на пути къ Кавказскимъ цѣлительнымъ водамъ.

вызванъ въ С.-Петербургъ для занятій по Министерству Финансовъ. Въ семьѣ этого друга своего отца, П. И. бывалъ очень часто; здѣсь онъ встрѣчалъ новый годъ и чувствовалъ себя какъ дома. Съ самимъ профессоромъ онъ совѣтовался какъ по предмету своей службы, такъ, въ особенности, по занимавшимъ его, въ то время, политико-экономическимъ и философскимъ вопросамъ. Съ дочерьми-же [1]) онъ посѣщалъ Эрмитажъ и другіе музеи или, въ лѣтнее время, отправлялся на Крестовскій островъ (любимое его мѣстопребываніе) или въ другія окрестности Петербурга. Въ домѣ Якоба П. И. имѣлъ случай познакомиться со многими выдающимися учеными и сановниками. Изъ первыхъ назовемъ, напр., академиковъ Шторха и Круга, Раупаха, Гуммеля и др.; изъ послѣднихъ—барона Розенкампфа.

Профессору Якобу П. И. обязанъ также знакомствомъ съ домомъ извѣстнаго ученаго Ѳедора Павловича Аделунга, который былъ воспитателемъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича.

Рѣдкое образованіе и гуманность Аделунга привлекали къ нему П. И-ча въ сильной степени. Пользуясь гостепріимствомъ и благосклонностью его, П. И. имѣлъ случай видѣть въ его домѣ многихъ людей знаменитыхъ, особенно иностранныхъ путешественниковъ и дипломатовъ. Въ этомъ-же домѣ, въ лицѣ единственной дочери, Александры Ѳедоровны, онъ нашелъ себѣ впослѣдствіи и подругу жизни, женившись на ней въ 1830 году.

Но въ то время, когда онъ познакомился съ Ѳ. П. Аделунгомъ, въ 1815 году, П. И. мечталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы пріискать себѣ такую службу, которая отвѣчала-бы его наклонностямъ. Въ наброскахъ его (изъ 1815 и 1816 г.) очень часто встрѣчаются свѣдѣнія объ усиліяхъ его получить болѣе

1) Съ дочерью Якоба, Терезою, которая вышла замужъ за извѣстнаго путешественника по Палестинѣ и писателя Эдв. Робинсона, въ Нью-Іоркѣ, П. И. до послѣднихъ лѣтъ своихъ состоялъ въ перепискѣ. Она въ литературномъ мірѣ извѣстна подъ именемъ Тальфи (Talvj), какъ талантливая переводчица сербскихъ народныхъ пѣсенъ; псевдонимъ этотъ составленъ изъ начальныхъ буквъ ея имени: Therese Augusta Ludovica von Jakob.

подходящее мѣсто. Такъ, напр., въ маѣ 1815 года, онъ ходатайствовалъ о причисленіи его, со стороны Министерства Финансовъ, къ ликвидаціонной комиссіи, учрежденной при Вѣнскомъ Конгрессѣ; но Министръ финансовъ Гурьевъ, на запросъ, сдѣланный ему объ этомъ со стороны фельдмаршала Барклая-де-Толли, отвѣтилъ, что онъ не располагаетъ подходящими чиновниками. Въ январѣ 1816 г. помѣщикъ Жеребцовъ предлагалъ П. И-чу быть его спутникомъ въ путешествіи въ Парижъ; но на предложенное имъ вознагражденіе П. И. не счелъ возможнымъ согласиться.

Въ мартѣ 1816 г., П. И. пережилъ жестокое горе—смерть своего сердечнаго друга В. Ф. Титарева, который за годъ передъ тѣмъ поселился также въ Петербургѣ. Онъ тяжко заболѣлъ въ январѣ 1816 г.; въ февралѣ П. И., вмѣстѣ съ Н. М. Лонгиновымъ, обратился къ доктору Штофрегену, лейбъ-медику Ея Величества, который, посѣтивъ больного, тотчасъ призналъ состояніе его безнадежнымъ. Около 20-го марта Василій Фотіевичъ скончался. Трогательно читать тѣ строки, которыя посвятилъ ему П. И. во время болѣзни и вслѣдъ за его смертію. Онѣ сохранились въ оставшихся по немъ бумагахъ и озаглавлены: «Умирающій другъ» и «Небо и земля».

Онъ начинаетъ словами Оссіана: «Завтра ты прійдешь, другъ мой, и не найдешь меня»,—каковыя слова слышались ему каждый разъ, когда онъ навѣщалъ своего любимца. «Распростертый на смертномъ одрѣ, въ цвѣтѣ весны[1]), лежишь ты, другъ моей юности! Обезсиленно твое тѣло, но велика и смѣла душа твоя! Остались тебѣ полное сознаніе и способность говорить: изъ устъ твоихъ льются еще нѣжныя слова; скоро я ихъ больше не услышу! Радости юности нашей, которыми мы по-братски дѣлились, куда вы дѣвались? Прощайте, идеалы нашей будущей полезной дѣятельности! Сколько лѣтъ мы сообща работали и мечтали: и одно мгновеніе должно все это разрушить!»...

1) В. Ф. Титаревъ умеръ 23-хъ лѣтъ отъ роду.

Такъ П. И. сожалѣлъ и плакалъ о другѣ своей юности. В. Ф. Титаревъ похороненъ на Охтенскомъ кладбищѣ, возлѣ брата своего, скончавшагося въ тѣхъ-же самыхъ юныхъ лѣтахъ. На надгробномъ камнѣ былъ вырѣзанъ слѣдующій стихъ, сочиненный Ѳ. Н. Глинкою:

Двухъ братьевъ, двухъ друзей, сокрывшая могила
У дружбы и родства ихъ рано отняла:
Мольба родителей косы не отвела,
И смерть въ разсвѣтѣ дней двѣ жертвы поразила.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ (т. е. съ августа 1814 г.) П. И., по два дня въ недѣлю, занимался, безъ всякаго за то вознагражденія, переводомъ статей изъ нѣмецкихъ газетъ, въ особенности-же изъ «Hamburger Zeitung», для министра юстиціи Дм. Прок. Трощинскаго. Обремененный другими работами, П. И., лишь въ апрѣлѣ 1816 года, отказался отъ означеннаго занятія, которое отнимало у него очень много времени.

Въ первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ П. И., съ особенною любовью, занимался философіею, въ связи съ политическими и юридическими вопросами.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда (въ іюлѣ 1814 г.) онъ начерталъ планъ «Обсужденія нѣкоторыхъ учрежденій; ихъ выгоды и невыгоды, и средства къ устраненію этихъ послѣднихъ». Въ этомъ (далѣе не разработанномъ) проектѣ говорится главнѣйше о невыгодахъ слишкомъ большого размноженія дворянства.

Въ 1815 году П. И. разработалъ двѣ статьи, оставшіяся не напечатанными: 1) «Die Ideal-Welt» (міръ идеаловъ), въ каковой статьѣ онъ старался уяснить себѣ связь, существующую между чувственнымъ и духовнымъ міромъ. Въ ней особенно замѣтно вліяніе Мендельсона, Шеллинга, Окена и Шиллера [1]).

---

1) П. И. долго колебался, какое заглавіе дать этой статьѣ, пока наконецъ, прежде задуманныя заглавія: «Bild des Schöpfungs-Alls», «Wesenkette» или «Naturring» не замѣнилъ вышеприведеннымъ.

2) «Beherzigung einiger Grundsätze der Politik, mit steter Hinsicht auf Russlands gegenwärtige Lage». (Соображенія о нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ политики, въ особенности, по отношенію къ нынѣшнему положенію Россіи). Статью эту[1]) П. И. передавалъ для прочтенія профессору Якобу и академику Шторху, которые сообщили ему нѣсколько на нее замѣчаній, касающихся какъ формы изложенія, такъ и содержанія ея. Обѣ эти статьи доказываютъ въ молодомъ авторѣ обширность взглядовъ, хотя, конечно заключаютъ въ себѣ многое юношески-незрѣлое; онѣ отличаются нѣсколько напыщеннымъ, частію-же изысканнымъ слогомъ. Во второй изъ названныхъ статей прорываются пламенный патріотизмъ и любовь къ обожаемому монарху, только-что вернувшемуся въ отечество, по освобожденіи Европы отъ ига Наполеона. Этотъ періодъ стремленій П. И-ча, какъ въ научномъ такъ и въ общественномъ отношеніи, можно назвать его «Sturm- und Drang-Periode». Въ послѣднемъ отношеніи любопытна слѣдующая выдержка изъ письма его къ Ег. Ѳед. Зальфельду (въ Житомирѣ) [2]): «Пожелайте мнѣ, дабы я поскорѣе былъ исторгнутъ изъ того политическаго смертельнаго сна, въ который я нынѣ погруженъ, и обращенъ къ полезной дѣятельности. По-истинѣ душа моя стремится къ болѣе содержательному кругу дѣятельности, и мнѣ стыдно передъ самимъ собою, что я на столько бездѣятельно провожу свои годы молодости»...

Благодаря близкимъ отношеніямъ своимъ къ выше упомянутымъ тремъ домамъ (Яновскаго, Якоба и Аделунга), П. И. успѣлъ познакомиться съ большинствомъ тогдашнихъ представителей науки и словесности. Сообща со многими изъ нихъ онъ участвовалъ въ учрежденіи Вольнаго общества любителей россійской словесности, Высочайше утвержденнаго 1-го февраля 1816 года. По § 2-му устава этого общества (Высочайше

---

1) Первоначально статья эта была озаглавлена: «Beherzigung bei der Rückkehr Alexanders I in seine Staaten».

2) Писано въ маѣ 1815 года.

утвержденнаго 19-го января 1818 г.), цѣль его состояла въ чтеніи и строгомъ разборѣ сочиненій и переводовъ, доставляемыхъ въ оное членами и посторонними лицами. Всѣ роды наукъ, словесности и изящныхъ искусствъ входили въ составъ упражненій онаго.—Будучи признанъ въ засѣданіи 21 марта 1816 г., членомъ общества, П. И., въ тотъ-же день, сдѣлалъ въ немъ сообщеніе о четырехъ философскихъ системахъ: эмпиризмѣ, матеріализмѣ, идеализмѣ и скептицизмѣ. А 9-го мая того-же года онъ былъ избранъ въ *дѣйствительные* члены общества [1]) и прочелъ тогда-же защиту метафизическаго изслѣдованія изъ писемъ Мендельсона объ ощущеніяхъ, а также собственное стихотвореніе «Воспоминаніе». 5-го іюня П. И. сдѣлалъ въ обществѣ сообщеніе «О верховномъ законѣ природы», какъ правилѣ для политика. Чтеніе это должно было составить введеніе къ двумъ другимъ сообщеніямъ: «О познаніи отечества» и «Объ особенныхъ обязанностяхъ политика и объ опредѣленіи понятія политики».

Мнѣ неизвѣстно, состоялись-ли эти послѣднія два сообщенія [2]). Вообще П. И. принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества и былъ, вслѣдъ за поступленіемъ въ оное, избранъ членомъ цензурнаго комитета общества; а когда, 10-го октября 1816 г., составъ комитета былъ подвергнутъ новой баллотировкѣ, онъ одинъ изъ прежнихъ членовъ онаго остался таковымъ. Вслѣдъ затѣмъ цензурный комитетъ поручилъ ему составленіе правилъ для изданія журнала общества.

Составленныя секретаремъ общества Никитинымъ и Боровковымъ правила для общества были, по просьбѣ ихъ, приведены въ систему П. И-чемъ и утверждены обществомъ 17 ноября; а въ декабрѣ мѣсяцѣ П. И. былъ занятъ, вмѣстѣ съ А. А. Никитинымъ, разработкою устава общества.

---

1) По § 26-му помянутаго устава, «въ дѣйствительные члены избираются за представленные обществу сочиненія или переводы достойные особеннаго уваженія».

2) Въ бумагахъ П. И-ча найдены мною только первое чтеніе, а также часть 3-го сообщенія.

Живой интересъ, который принималъ П. И. въ преуспѣяніи общества любителей россійской словесности, многочисленныя новыя знакомства съ литераторами и учеными, а также вынесенныя въ обществѣ впечатлѣнія отвлекли его отъ прежнихъ философскихъ и политическихъ умствованій и направили его на новыя поприща. Для издававшагося обществомъ «Соревнователя просвѣщенія и благотворенія» имъ было изготовлено нѣсколько переводовъ, извлеченій и рефератовъ, которые начали печататься съ 1818 года [1]. — Близкія отношенія къ этому обществу П. И. сохранилъ до самаго отъѣзда своего за границу, въ исходѣ 1821 года. Секретарь Никитинъ, письмомъ, помѣченнымъ 12-го октября 1821 г., выразилъ П. И-чу, отъ имени всѣхъ членовъ общества искренное соболѣзнованіе по поводу предстоящей долговременной разлуки съ нимъ.

При образованіи Комитета по ученой части Императорскаго Человѣколюбиваго общества, П. И., 15 февраля 1817 г., поступилъ въ оный членомъ-секретаремъ. Предсѣдательствовавшій въ обществѣ баронъ Фитингофъ, еще 15 декабря 1816 г., навѣстилъ П. И-ча, будучи къ нему направленъ Ө. П. Аделунгомъ, и уговаривалъ его принять на себя означенное мѣсто секретаря. Съ свойственною ему любовію къ работѣ, П. И. тотчасъ-же занялся разработкою проекта устава помянутаго Комитета, удостоившагося Высочайшаго утвержденія 18-го января 1817 года. Будучи утвержденъ Совѣтомъ Имп. Человѣколюбиваго общества (въ мартѣ того-же года), уставъ этотъ былъ напечатанъ на нѣсколькихъ языкахъ. Въ томъ-же 1817 году П. И-чу было поручено Совѣтомъ этого общества «исправить слогъ и привести въ систематическій порядокъ» проектъ устава «Сословія для призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ», который былъ утвержденъ Совѣтомъ и также напечатанъ.

Хотя открывшаяся, такимъ образомъ, новая дѣятельность и удовлетворяла П. И-ча несравненно болѣе одной канцелярской,

---

1) Часть ихъ (напр. переводъ статьи Панснера объ относительной высотѣ Осташкова и Астрахани) была доложена обществу еще въ 1816-мъ году.

однакоже онъ, въ первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ, сильно горевалъ о родинѣ, съ которою были связаны свѣтлыя воспоминанія его дѣтства и юношества. Два раза, за это время, ему удалось побывать на родинѣ: въ 1815 и 1817 годахъ. О поѣздкѣ 1815 года не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній; извѣстно только, что П. И., черезъ Кіевъ и Черниговъ, проѣхалъ въ Харьковъ, и затѣмъ, черезъ Москву, вернулся въ Петербургъ.

Нѣсколько болѣе свѣдѣній сохранилось о путешествіи его, совершенномъ въ 1817 году: черезъ Витебскъ П. И. проѣхалъ снова въ Кіевъ, оттуда въ Одессу и Овидіополь, затѣмъ въ Харьковъ, и обратно, черезъ Москву. Любопытны и характеристичны для его тогдашняго душевнаго состоянія строки, набросанныя имъ передъ самымъ отъѣздомъ: «Наконецъ, я опять перерождаюсь въ человѣка, начинаю живѣе чувствовать и плѣняться предметами меня окружающими. Вотъ уже три года, какъ я пересталъ сладостно мечтать о будущемъ; блаженныя лѣта, проведенныя мною въ университетѣ исчезли. Какія возвышенныя мысли рождались тогда въ умѣ моемъ; каждая наука была для меня особеннымъ міромъ, въ которомъ я блаженствовалъ».

Среди прочихъ переводовъ и извлеченій, напечатанныхъ П. И-чемъ, въ 1818 году, въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», особенно выдается «Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ, въ Россійско-Императорскомъ титулѣ упоминаемой», — извлеченное изъ книги Лерберга: «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands». (St. Petersburg, 1816). Трудъ этотъ обратилъ на себя вниманіе государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцова, изъявившаго желаніе видѣть автора [1]). Способный молодой ученый понравился

---

1) Кажется, что при этомъ случаѣ П. И. впервые познакомился лично съ государственнымъ канцлеромъ. Изъ набросковъ его явствуетъ, что графъ Николай Петровичъ ранѣе зналъ о немъ. Въ началѣ октября 1816 года П. И. сообщилъ академику Кругу составленный имъ «планъ (Entwurf) введенія въ этнографію Кавказа»; планъ этотъ академикъ прочиталъ графу Румянцову,

славному меценату, привлекшему его впослѣдствіи въ свой знаменитый «кружокъ» ученыхъ, о которомъ рѣчь впереди. Графъ Николай Петровичъ отрекомендовалъ Кеппена министру внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлеву[1], въ вѣдомствѣ котораго состоялъ въ то время и почтовый департаментъ. Такимъ образомъ П. И. лично сталъ извѣстенъ своему главному начальнику, который вскорѣ потомъ опредѣлилъ его при себѣ чиновникомъ особыхъ порученій и назначилъ вторымъ редакторомъ основанной имъ «Сѣверной Почты», перваго въ Россіи оффиціальнаго повременнаго изданія[2]. П. И. глубоко чтилъ Осипа Петровича, который, по его предложенію, былъ избранъ попечителемъ Вольнаго Общества любителей россійской словесности; и еще сорокъ лѣтъ спустя, при празднованіи своего 50-ти лѣтняго юбилея, П. И. какъ объ О. П. Козодавлевѣ, такъ и о графѣ Румянцовѣ, вспомнилъ какъ о своихъ благодѣтеляхъ.

Проникнутый желаніемъ при исполненіи означенной должности редактора, принести дѣйствительную пользу своему отечеству, П. И. признавалъ необходимымъ ближе ознакомиться съ Россіею, и съ этой цѣлью просилъ графа Румянцова объ исходатайствованіи ему дозволенія съѣздить на кавказскія воды. Графъ Румянцовъ съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу и, въ 1819 году, П. И-чу было поручено Министромъ внутреннихъ дѣлъ обревизовать почтовыя станціи по Бѣлорусскому тракту, до Крыма и Кавказа, и обратно[3]. Считаемъ необходимымъ

которому онъ понравился. — Тутъ-же П. И. сообщаетъ, что графъ дозволилъ ему пользоваться своею библіотекою, и что Кругъ разрѣшилъ ему пользованіе оставшимися бумагами Лерберга.

1) Біографія О. П. Козодавлева, происходившаго изъ Мекленбургской благородной фамиліи Косъ-фонъ-Даленъ, составляетъ VI-й выпускъ Исторіи Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова. (Спб., 1882).

2) Въ послужномъ спискѣ П. И. Кеппена значится, что онъ 14-го мая 1819 года былъ помѣщенъ на вакансію Переводчика.

3) Въ послужномъ спискѣ Кеппена, по этому поводу, значится, что П. И-чу было поручено сдѣлать осмотръ почтовыхъ станцій по Бѣлорусскому и другимъ трактамъ, и именно: черезъ Псковъ, Полоцкъ, Витебскъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Кіевъ, Харьковъ, Таганрогъ, Черкасскъ до Астрахани, а оттоль чрезъ Георгіевскъ, Тамань, Феодосію, Симферополь до Одессы, чрезъ

остановиться нѣсколько на этомъ путешествіи [1]), совершенномъ П. И-чемъ въ сопровожденіи пріятеля своего Ив. Андр. Гарижскаго, вмѣстѣ съ которымъ онъ разработалъ какъ упомянутое извлеченіе изъ книги Лерберга, такъ и извлеченіе изъ сочиненія Ѳ. П. Аделунга о заслугахъ Екатерины Великой по сравнительному языкознанію.

14-го мая [2]) наши путешественники пустились въ путь, который сначала пролегалъ чрезъ Нарву и Гдовъ въ Изборскъ; здѣсь были имъ осмотрѣны какъ развалины крѣпости такъ и другія достопамятныя древности, какъ-то церкви, «литовскія могилы» и др. Затѣмъ они отправились въ Псковъ, куда, помимо оффиціальнаго порученія, влекло ихъ преимущественно желаніе познакомиться съ высокочтимымъ тамошнимъ архіепископомъ (впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ) Евгеніемъ, который принялъ молодыхъ людей весьма благосклонно и бесѣдовалъ съ ними подробно какъ о своихъ сочиненіяхъ, такъ и о предстоящемъ ихъ путешествіи. Во Псковѣ-же они присутствовали при крестномъ ходѣ, о коемъ сообщили особую статью Министру Внутреннихъ дѣлъ, для «Сѣверной Почты». Отсюда они, чрезъ Островъ, проѣхали въ Полоцкъ, гдѣ посѣтили іезуитскую академію, съ ея знаменитою библіотекою. Затѣмъ они побывали въ Витебскѣ и, черезъ Оршу (откуда посѣтили «Борисоглѣбскій камень») и Могилевъ, направились въ Гомель, лѣтнее мѣстопребываніе канцлера графа Румянцова, куда прибыли 2 іюня. Здѣсь они, будучи радушно приняты графомъ, осмотрѣли всѣ

Полтаву, Курскъ и Москву до С.-Петербурга. Къ этому прибавлено, что П. И. означенное порученіе исполнилъ въ точности и къ удовольствію начальства. Онъ обревизовалъ болѣе 320 станцій.

1) Матеріалами служатъ: путевой дневникъ П. И-ча (къ сожалѣнію неполный) и представленная имъ графу Румянцову краткая записка объ этой поѣздкѣ.

2) Т. е. въ тотъ самый день, когда П. И. былъ утвержденъ въ новой должности. Странно какъ число это повторяется въ знаменательныхъ событіяхъ въ жизни его: 14-го-же мая (1808 г.) скончался отецъ его, 14-го же мая (1814 г.) умеръ и братъ его Ѳедоръ, когда П. И. самъ лежалъ, при смерти больной, въ одной съ нимъ комнатѣ.

общеполезныя заведенія, устроенныя его попеченіемъ, въ томъ числѣ Ланкастерское училище (подъ руководствомъ англичанина Герда), строившійся лицей, больницу и пр. Въ разговорахъ съ графомъ, П. И. и спутникъ его имѣли случай коснуться разныхъ вопросовъ по древностямъ Россіи, имѣвшихъ общій для нихъ интересъ. Изъ Гомеля путешественники наши, черезъ Черниговъ и село Стольное (имѣніе графа И. А. Безбородко, гдѣ они занимались копированіемъ тамъ Ольвійскихъ древностей), проѣхали въ Кіевъ, а оттуда, черезъ Нѣжинъ и Бѣлавежу, въ Харьковъ, гдѣ П. И. провелъ нѣсколько дней, въ кругу своихъ родныхъ. Затѣмъ путь ихъ пролегалъ, чрезъ Изюмъ, Бахмутъ, Таганрогъ[1]) и Ростовъ, въ Георгіевскъ. Въ Константиногорскѣ и Кисловодскѣ они пользовались цѣлительными водами. Возвратясь въ Черкасскъ, П. И. отсюда одинъ отправился, чрезъ Ростовъ и Азовъ, въ Екатеринодаръ, а затѣмъ, черезъ Темрюкъ, въ Тамань. Въ деревнѣ Акденисовкѣ онъ списалъ двѣ греческія надписи, недавно предъ тѣмъ тамъ открытыя; а на Таманскомъ полуостровѣ посѣтилъ какъ блеваки, т. е. грязные вулканы, такъ и *пекло*, т. е. колодцы, изъ которыхъ почерпается нефть.

Переправившись черезъ «Воспоръ», П. И. побывалъ въ Керчи, гдѣ посѣтилъ разрытыя г. Дюбрюксомъ могилы. Въ Ѳеодосіи онъ осмотрѣлъ основанный Броневскимъ музей и затѣмъ проѣхалъ въ Симферополь, гдѣ запасся бумагами, нужными для проѣзда по южному берегу Крыма, посѣщеніе котораго онъ началъ съ Ѳеодосіи, куда возвратился изъ Симферополя. Черезъ Отузъ[2]) П. И. проѣхалъ въ Судакъ, посѣтилъ Алушту,[3]) Никитскій садъ, Алупку и Симеисъ, откуда перевалилъ, черезъ Яйлу,

---

1) О Таганрогѣ И. А. Грижскій помѣстилъ статью въ «Соревнователѣ просвѣщенія» (Труды Вольн. Общ. любит. росс. слов.), 1819 г., ч. VII, стр. 331—343.

2) Начиная отъ Отуза, и до самаго Севастополя, П. И. совершилъ поѣздку верхомъ.

3) Не доѣзжая Алушты, П. И. пробылъ дней пять въ Кючюкъ-Узенѣ, имѣніи отставного полковника П. Ег. Штеге, съ семействомъ котораго онъ посѣтилъ Туакскую пещеру, описанную имъ впослѣдствіи.

въ Байдарскую долину; затѣмъ онъ побывалъ въ Балаклавѣ, въ монастырѣ Св. Георгія и осмотрѣлъ развалины древняго Корсуня. Изъ Севастополя онъ посѣтилъ Инкерманскія пещеры, а затѣмъ, черезъ Бахчисарай (откуда посѣтилъ Джуфутъ-кале), проѣхалъ въ Симферополь, гдѣ провелъ двое сутокъ съ Хр. Хр. Стевеномъ. — При посѣщеніи южнаго берега Крыма П. И. не могъ надивиться прелестямъ тамошней природы, о которыхъ съ восхищеніемъ упоминаетъ въ своемъ путевомъ дневникѣ.

Изъ Симферополя П. И., черезъ Перекопъ и Бериславъ, проѣхалъ въ Херсонъ, гдѣ посѣтилъ гробницы Потемкина и друга страждущихъ Говарда, и далѣе до Николаева. По близости этого города онъ осмотрѣлъ слѣды Ольвіи, гдѣ онъ побывалъ и въ 1817 году, и сдѣлалъ инструментальную съемку[1]) не только городской крѣпости (акрóполя), гдѣ находились храмы, общественныя зданія и памятники, но и окрестностей города, съ рѣчною пристанью на р. Бугѣ. Составивъ вслѣдъ затѣмъ статью объ этихъ изслѣдованіяхъ, П. И. препроводилъ ее, вмѣстѣ съ планомъ Ольвіи, на разсмотрѣніе архіепископа Евгенія, который сообщилъ ему свои замѣчанія[2]). Затѣмъ П. И. отправился въ Одессу, гдѣ отъ г. Бларамберга получилъ еще нѣсколько Ольвійскихъ надписей. Одессу онъ оставилъ лишь около половины ноября и, на обратномъ пути въ Харьковъ, занимался этимологическими замѣчаніями, преимущественно о (татарскихъ) названіяхъ рѣкъ южной Россіи; нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній помѣщены въ вышеупомянутой запискѣ, которую П. И. представилъ, въ началѣ 1820 года, канцлеру графу Румянцову. Черезъ Елисаветградъ онъ проѣхалъ въ свой родной Харьковъ, гдѣ занялся сводкою данныхъ, собранныхъ о древней Ольвіи, при чемъ убѣдился, что городъ этотъ былъ главнымъ посредни-

1) Здѣсь отлично пригодились ему практическія познанія, пріобрѣтенныя въ Харьковской губернской чертежной.

2) Письмо П. И. Кеппена, съ подстрочнымъ описаніемъ приложеннаго плана, а также отвѣтъ и замѣчанія архіепископа Евгенія напечатаны въ статьѣ Н. Мурзакевича: «Митрополитъ Евгеній и академикъ Кеппенъ», въ Зап. Одесск. Общ. ист. и древн., т. VIII. 1872, стр. 404—411.

комъ въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіею, и что жители его ѣзжали даже за Уральскія горы. Тутъ-же онъ составилъ вышеозначенную статью объ Ольвіи. Изъ Харькова П. И. спѣшилъ безостановочно обратно въ Петербургъ.

Еще во время своего пребыванія на Кавказскихъ водахъ, П. И. былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти своего покровителя министра Козодавлева[1]). Это обстоятельство, конечно, должно было повліять на его служебныя отношенія. — Возвратясь въ Петербургъ лишь въ декабрѣ 1819 г., по совершеніи примѣрно 8000 верстъ, П. И. въ 1820 году не путешествовалъ, а провелъ лѣто въ деревнѣ Емельяновкѣ, близъ Екатерингофа. Онъ продолжалъ помѣщать свои статьи въ «Соревнователѣ просвѣщенія», издававшемся Вольнымъ Обществомъ любителей россійской словесности. Въ 1819 г., въ ч. V-ой, появились тутъ его «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи»; въ 1820 г. — донесеніе, представленное Обществу о трудѣ Ѳ. П. Аделунга: «Обозрѣніе всѣхъ языковъ и нарѣчій»; а въ 1821 г. его «Описаніе Туакской пещеры въ Крыму», посѣщенной въ путешествіе 1819 года.

Но, помимо привязанности своей къ Обществу любителей россійской словесности, въ дѣятельности котораго, съ самаго его основанія, П. И. принималъ столь живое участіе, ему, какъ уже сказано выше, посчастливилось попасть въ знаменитый «кружокъ канцлера Румянцова», т. е. въ тотъ свободный кружокъ людей русской науки, который сгруппировался вокругъ славнаго мецената. Къ этому небольшому кружку принадлежали, между прочими, К. Ѳ. Калайдовичъ и П. М. Строевъ, въ Москвѣ, А. Н. Ермолаевъ и А. Х. Востоковъ, въ Петербургѣ[2]). Въ то самое время, когда наука въ Россіи стонала, съ одной стороны, подъ обскурантизмомъ и гоненіемъ полновластнаго Магницкаго,

1) О. П. Козодавлевъ скончался 24 іюня 1819 г., на 65-мъ году отъ рожденія.

2) См. объ этомъ «Кружкѣ» любопытную главу, въ книгѣ А. А. Кочубинскаго: «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». (Одесса, 1887—88); стр. 37—215.

Рунича и подобныхъ людей тьмы, съ другой-же стороны, подъ коснѣющимъ вліяніемъ отсталой Россійской Академіи, съ ея этимологизирующимъ президентомъ Шишковымъ, — маленькій частный кружокъ Румянцова одинъ преслѣдовалъ истинныя научныя цѣли, и «члены его, скромно, въ тиши кабинета, полагали краеугольный камень отечественной наукѣ славянской филологіи»[1]). Въ томъ, что П. И., уже въ 1819 году, является въ этомъ кружкѣ близкимъ человѣкомъ, свидѣтельствуетъ письмо графа Румянцова отъ 2-го мая, къ преосвященному Евгенію, которому онъ рекомендуетъ Петра Ивановича слѣдующими строками: «Позвольте мнѣ поручить особенному покровительству вашему г. Кеппена: онъ того достоинъ по просвѣщенію своему и по нравственности; жаль, что здоровье имѣетъ слабое и несогласное съ рвеніемъ учености»[2]). Архіепископъ Евгеній, у котораго, какъ мы видѣли, дѣйствительно побывалъ П. И., при своемъ проѣздѣ черезъ Псковъ, отвѣтилъ, что онъ нашелъ Кеппена «достойнымъ любви за страстную охоту къ русской словесности и исторіи».

Между тѣмъ реакція въ высшихъ правительственныхъ сферахъ все болѣе усиливалась; рука-объ-руку съ угнетающими мѣропріятіями Магницкаго, все болѣе развивался духъ мистицизма, особенно покровительствуемый министромъ народнаго просвѣщенія княземъ А. Н. Голицынымъ (съ 1816 по 1824 г.) и проявившійся, между прочимъ, въ учрежденіи многочисленныхъ библейскихъ обществъ. Это было то время, когда злосчастная участь постигла только-что открытый С.-Петербургскій университетъ[3]) лишившійся своихъ лучшихъ профессоровъ,— время ханжества, лицемѣрія и обскурантизма... П. И. никакъ

1) Въ привед. мѣстѣ, стр. 68.

2) См. «Переписка митрополита Евгенія съ графомъ Румянцовымъ». (Воронежъ, 1868. 4⁰), стр. 19 и 20.

3) Объ этомъ грустномъ эпизодѣ сл. пространныя сообщенія въ вышеприведенной книгѣ М. И. Сухомлинова, на стр. 254—397; а также въ исторической запискѣ о С.-Петербургскомъ Университетѣ, — въ Чтеніяхъ Моск. Общ. истор. и древн. Росс., 1862 г, кн. III.

не могъ мириться съ такимъ направленіемъ, которое было ему рѣшительно не по сердцу [1]). Къ тому-же, лишившись въ министрѣ Козодавлевѣ своего покровителя, онъ рѣшился оставить службу и искалъ случая для переселенія, на нѣкоторое время, за границу, куда его давно уже влекла сильная жажда къ усовершенствованію себя въ наукахъ и, въ особенности, къ изученію западного славянства, съ цѣлію лучшаго пониманія исторіи своего роднаго отечества и языка. А потому онъ былъ душевно радъ, когда молодой любознательный дворянинъ, А. С. Березинъ, пригласилъ его сопутствовать ему въ путешествіи за границу. Но объ этомъ впереди.

Готовясь къ этому дальнему и продолжительному путешествію, П. И. желалъ сперва еще обозрѣть сѣверозападныя и прибалтійскія области. Судя по одному мѣсту въ письмѣ графа Румянцова къ преосв. Евгенію [2]), а также по отмѣткѣ въ путевомъ дневникѣ П. И-ча (о донесеніи, представленномъ графу Николаю Петровичу), можно догадываться, что настоящее путешествіе совершилъ онъ по порученію (а, можетъ быть, и на средства) канцлера. На эту мысль наводитъ и довольно своеобразное начальное направленіе принятаго имъ пути, а именно, вверхъ по Невѣ, на Новую и Старую Ладогу, а затѣмъ въ Тихвинъ [3]), куда, повидимому, онъ ѣздилъ по желанію графа Румянцова, за справками о разныхъ надгробныхъ камняхъ и другихъ древностяхъ. — П. И. выѣхалъ изъ Петербурга

---

1) «Настоящая дѣйствительность была такъ безотрадна, что люди, питавшіе какой нибудь общественный интересъ и какое нибудь патріотическое увлеченіе, отворачивались отъ этой дѣйствительности, не подававшей никакихъ надеждъ и никакой опоры для благородныхъ и великодушныхъ порывовъ». Изъ этой характеристики А. Н. Пыпина означеннаго времени тьмы («Времена реакціи», въ «Вѣстникѣ Европы», 1869 г., № 12), становится понятнымъ тогдашнее душевное настроеніе П. И-ча.

2) См. въ выше приведенной «Перепискѣ», стр. 44. — Кочубинскій (въ привед. мѣстѣ, стр. 198, въ выноскѣ) замѣчаетъ: «Кеппенъ ѣхалъ во Псковъ на археологическую экскурсію для канцлера» и проч.

3) Или *Тихфинъ*, какъ значится въ путевомъ дневникѣ, а также на старинныхъ картахъ.

31-го мая и путевой дневникъ свой начинаетъ слѣдующими словами: «Наконецъ я дышу свободнѣе! Должности сданы, — я пишу, не соблюдая никакихъ формъ. Пишу для себя и для друзей моихъ то, что кажется мнѣ занимательнымъ». Въ этихъ словахъ слышится искренняя радость П. И-ча, каждый разъ овладѣвавшая имъ, когда ему удавалось высвободиться изъ угнетавшей его чиновничьей атмосферы: наконецъ-то онъ имѣлъ возможность писать то, что его дѣйствительно «занимаетъ», а не то, что только начальствомъ приказано, и не придерживаясь закоснѣлыхъ канцелярскихъ формъ...

Осмотрѣвъ древности въ окрестностяхъ села Успенскаго (Старой Ладоги), П. И. побывалъ у А. Р. Томилова, у котораго изучалъ разныя монеты, найденныя въ тѣхъ мѣстахъ подъ мхомъ и свидѣтельствующія о значительной торговлѣ, которую древніе Ладожане производили съ разными иноземными народами,—между прочимъ монеты англійскія, ганзейскія и греческія. Изъ Тихвина, гдѣ имъ также осмотрѣны были замѣчательнѣйшія древности, П. И. отправился въ Новгородъ и дорогою посѣтилъ Грузино, извѣстное помѣстье графа Аракчеева, гдѣ онъ въ особенности любовался превосходными дорогами и отличными крестьянскими избами[1]). Въ Новгородѣ П. И. пробылъ пять дней (отъ 8 до 13 іюня) и осмотрѣлъ внимательно, частью вмѣстѣ съ Ходаковскимъ, почти всѣ тамошніе монастыри, церкви и другіе памятники старины, о которыхъ въ его путевомъ дневникѣ находятся довольно подробныя указанія. Затѣмъ П. И. посѣтилъ Псковъ, гдѣ нѣсколько дней (отъ 15 до 20 іюня) провелъ у архіепископа Евгенія, «ученѣйшаго россійскаго іерарха, коего благосклонности онъ обязанъ любопытнѣйшими о Россіи свѣдѣніями». Отъ него-же П. И. получилъ драгоцѣнный подарокъ, — пергаментный листокъ русской псалтыри XI вѣка[2]).

---

1) «Можетъ быть лучшими во всей Россіи», какъ значится въ путевомъ дневникѣ.

2) Весьма любопытно, что этотъ самый листокъ, который П. И. сообщилъ своему другу Востокову, былъ поводомъ къ сближенію нашего знаменитаго

Вмѣстѣ съ В. Г. Анастасевичемъ[1]), онъ посѣтилъ между прочимъ, то мѣсто за рѣкою Великою, гдѣ Ходаковскій нашелъ городище. Затѣмъ П. И. побывалъ въ Изборскѣ и въ Печерскѣ, гдѣ точно также занимался осмотромъ разныхъ древностей.

Вечеромъ 21-го іюня П. И. переѣхалъ границу Лифляндіи, благословенныя нивы которой превосходятъ плодородностію своею поля Псковскія. «Вотъ Вифляндія» восклицаетъ ямщикъ его, а по нашему Неметщина или Чухонщина». Проѣхавъ Нейгаузенъ, П. И. остановился въ Маріенбургѣ, владѣтель котораго, тайный совѣтникъ баронъ Б. И. Фитингофъ[2]) принялъ его весьма радушно и показалъ ему свой прекрасный паркъ, со многими иноземными деревьями, свои коллекціи и библіотеку. Слѣдующею станціею былъ Дерптъ, гдѣ П. И. прожилъ цѣлую недѣлю, которую провелъ въ поучительныхъ бесѣдахъ съ тамошними учеными,—хотя многіе изъ профессоровъ, по случаю лѣтнихъ вакацій, были въ отлучкѣ. Особенно пріятное впечатлѣніе произвело на него согласіе, которое, сколько онъ могъ замѣтить, существовало въ то время между Дерптскими профессорами. Изъ Дерпта П. И. отправился въ Ревель, а затѣмъ, черезъ Перновъ, въ Ригу. Горько жалуется онъ въ своемъ дневникѣ на тогдашнее устройство почтовыхъ сообщеній въ Лифляндіи, на тамошнія почтовыя станціи и, въ особенности, на грубость станціонныхъ смотрителей, которыхъ онъ называетъ привилегированными дворянствомъ грабителями.

Въ Ригѣ П. И. главнѣйше побывалъ у почтеннаго старца Бротце и посвятилъ нѣсколько дней внимательному осмотру его коллекцій, собранныхъ въ теченіе 50-ти лѣтъ и состоявшихъ преимущественно изъ разныхъ грамотъ и другихъ документовъ, касающихся исторіи Прибалтійскихъ губерній и сношеній ихъ

грамматика и палеографа, сначала съ преосвященнымъ Евгеніемъ, а затѣмъ съ канцлеромъ графомъ Румянцовымъ. См. объ этомъ въ выше приведенной книгѣ Кочубинскаго, на стр. 154 и 198.

1) Съ Анастасевичемъ П. И. познакомился уже въ 1816 г. у Лобойко.

2) Подъ вѣдѣніемъ его П. И. служилъ въ Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ.

съ Россіею; частью бумаги эти были списаны въ Кенигсбергскомъ архивѣ[1]). Ознакомившись съ другими достопримѣчательными учрежденіями Риги, П. И., на нѣсколько дней, проѣхалъ въ Митаву, гдѣ онъ, какъ членъ Курляндскаго Общества наукъ и художествъ, особенно интересовался осмотромъ музея этого общества; по нѣскольку часовъ онъ посвятилъ также посѣщенію богатой библіотеки тамошней гимназіи, а также картинныхъ галлерей г. фонъ-деръ-Роопа и рейхсграфа фонъ-Медема. При выѣздѣ изъ предѣловъ Лифляндіи, П. И-чемъ снова овладѣли патріотическія чувства. Вотъ, что онъ отмѣчаетъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ: «Это Россія, говорилъ я самъ себѣ, и безъ сожалѣнія разставался съ холмистыми и живописными видами Лифляндіи»... Въ Полоцкѣ П. И. осмотрѣлъ каѳедральную Базиліанскую церковь Св. Софіи и лежащій за Двиною Борисоглѣбскій монастырь; отсюда онъ съѣздилъ также въ деревню Бездѣдовили (въ 20 верстахъ отъ Полоцка, по ту сторону Двины), гдѣ списалъ надпись на каменномъ крестѣ. Чрезъ Опочку и Островъ онъ проѣхалъ въ Псковъ, куда прибылъ 31 іюля; а отсюда возвратился въ Петербургъ.

Въ настоящее путешествіе, сопровождавшееся почти безпрерывными дождями; П. И. успѣлъ навести справки и сдѣлать наблюденія по весьма разнообразнымъ предметамъ, интересовавшимъ его помимо древностей, на которыя онъ обращалъ особенное вниманіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его путевой дневникъ, въ который занесено множество, частію очень мѣткихъ замѣчаній и соображеній. Здѣсь мы находимъ замѣтки напр. о нарѣчіяхъ эстонскаго, латышскаго и русскаго языковъ; что касается этого послѣдняго, то изъ нарѣчій его, употребительныхъ въ Новгородской и Псковской губерніяхъ, выводится любопытное заключеніе о ходѣ и направленіи славянскаго переселенія, а также о вѣроятной исходной области его. Рядомъ съ такими этнографи-

---

1) О занятіяхъ и коллекціяхъ г. Бротце напечатана статья въ «Rigaische Stadt-Blätter», 1820, № 42.

ческими замѣтками, находятся соображенія о томъ, что огромныя области сѣверной Россіи были нѣкогда покрыты моремъ, и, на основаніи названій урочищъ, высказывается догадка о весьма позднемъ стокѣ водъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Тутъ-же мы встрѣчаемъ замѣтки о древнихъ русскихъ деньгахъ; о періодахъ исторіи художествъ въ Россіи; объ исторіи Новгорода, Пскова, Ревеля, Риги; о богомольцахъ (пилигримахъ); и пр.

Заканчивая настоящую главу, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ другихъ интересахъ Петра Ивановича въ первый періодъ его пребыванія въ Петербургѣ[1]). Намъ уже извѣстна разносторонность его научныхъ интересовъ. Въ первые годы по пріѣздѣ въ столицу, онъ усердно занимался собираніемъ насѣкомыхъ, преимущественно-же жуковъ. Онъ завелъ знакомства съ тогдашними наиболѣе выдающимися энтомологами, какъ-то съ Геннингомъ и Гуммелемъ[2]); у нихъ онъ видѣлъ и знаменитаго Г. Фишера-фонъ-Вальдгейма, изъ Москвы, съ которымъ П. И. былъ уже ранѣе знакомъ. Въ своемъ дневникѣ за 1815 и 1816 годы онъ неоднократно упоминаетъ о своей охотѣ до жуковъ; тетка его Е. С. Яновская писала разнымъ лицамъ въ Астрахань, въ Одессу и въ другія мѣста о присылкѣ насѣкомыхъ, а П. И. пріобщалъ къ этимъ письмамъ наставленія о сохраненіи и пересылкѣ ихъ. Въ виду этой страсти, онъ тогда-же былъ избранъ членомъ Московскаго Общества испытателей природы. Живо заинтересовался П. И. также ученіемъ

---

1) Слѣдуетъ очень сожалѣть о томъ, что сохранились собственные его наброски только за 1815, 1816 и частію за 1817 годъ; такъ что о Петербургской жизни его за послѣдующіе годы нѣтъ почти никакихъ указаній.

2) Этотъ послѣдній (Arved David Hummel), родомъ изъ Швеціи, извѣстный авторъ изданія «Essais entomologiques», служилъ въ тайной полиціи. П. И. узналъ объ этомъ лишь случайно, когда онъ, пообѣдавъ съ Гуммелемъ вчетверомъ у хорошаго своего знакомаго, былъ позванъ къ тогдашнему шефу жандармовъ Фоку, который сдѣлалъ ему замѣчаніе по поводу сказаннаго имъ на означенномъ обѣдѣ.

о животномъ магнетизмѣ, которое въ то время надѣлало много шуму; совмѣстно съ Ѳед. Ник. Глинкою (авторомъ писемъ о магнетизмѣ) и Ив. Ник. Лобойко, онъ читалъ рукопись объ этомъ предметѣ доктора Лихтенштедта[1]); ходилъ нарочно въ Обуховскую больницу, чтобы присутствовать при магнетизированіи одержимыхъ падучею болѣзнію, и пр. Начиная съ 1814 года П. И. собиралъ ревностно матеріалы къ сочиненію о названіяхъ рѣкъ[2]); изъ набросковъ его явствуетъ, что собираніе этихъ матеріаловъ составляло его самое любимое занятіе, и что онъ надѣялся вывести изъ нихъ любопытныя заключенія о первобытныхъ переселеніяхъ народовъ. Много П. И. занимался также изученіемъ о «переходѣ буквъ» (звуковъ) которому онъ (по замѣчанію, записанному въ 1820 году) придавалъ немалое значеніе[3]). При своихъ разнообразныхъ научныхъ интересахъ, П. И. былъ большой любитель музыки и другихъ искусствъ: часто онъ посѣщалъ концерты, эрмитажъ и пр.

Неоднократно онъ, въ 1815 году, ходилъ въ механическій заводъ англичанина Берда (Baird), гдѣ въ то время строился первый въ Россіи пароходъ[4]).

Изъ окрестностей Петербурга П. И. наиболѣе любилъ Крестовскій островъ и Парголово. Съ своими пріятелями Гижицкимъ (племянникомъ графа Безбородко) и И. А. Гарижскимъ, а также съ своимъ братомъ Карломъ, который нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ въ Петербургѣ, П. И., въ лѣтнее время совершалъ довольно большія прогулки пѣшкомъ, такъ напр. въ Парголово, въ Царское («Сарское») Село и т. д.; 21-го іюля

---

1) Нѣсколько статей этого автора по сказанному предмету, появились и въ печати; такъ напр.: «Untersuchungen über den thierischen Magnetismus», von I. R. Lichtenstädt. (St. Petersburg, 1816. 8⁰).

2) Матеріалы эти не были разработаны и хранятся въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ.

3) «Ich finde diese Arbeit nicht für unbedeutend, indem der Sprachforscher hier allein eine Richtschnur bei seinen etymologischen Untersuchungen findet», — значится въ его набросках.

4) «Ein Schiff, das durch Dämpfe getrieben werden soll».

1816 г. онъ вмѣстѣ съ братьями Карломъ и Иваномъ, ходилъ пѣшкомъ въ Петергофъ, чтобы на слѣдующій день видѣть тамошнюю знаменитую иллюминацію; вечеромъ они вернулись въ Петербургъ на баркасѣ, который при сильной бурѣ чуть-чуть не потонулъ.

Изъ близкихъ къ П. И-чу лицъ за этотъ періодъ времени, слѣдуетъ назвать еще доктора Карла Ив. Ниппа[1]), а также Востокова, съ которымъ онъ былъ очень друженъ.

ГЛАВА IV.

Путешествіе за границу и пребываніе тамъ: 1821—1824 г.

Мы уже упомянули о томъ, что Петръ Ивановичъ давно, давно жаждалъ побывать въ западной Европѣ и познакомиться съ западно-славянскимъ міромъ. Уже въ 1815 году онъ старался получить временную должность въ Германіи; но неоднократно повторенныя попытки[2]) оказались всѣ тщетными. Наконецъ, нашелся такой случай, который П. И-чу былъ вполнѣ по сердцу. Любознательный и симпатичный юноша, отставной подпоручикъ Алексѣй Сергѣевичъ Березинъ[3]) «намѣреваясь ѣхать въ чужія края не съ тѣмъ, чтобы холоднымъ взоромъ пробѣгать встрѣчающіеся города и рѣдкости, но, останавливаясь въ нихъ,

1) Имя его упоминается нерѣдко въ перепискѣ Востокова съ Кеппеномъ. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, П. И., въ мартѣ 1823 года, получилъ вѣсть о смерти г. Ниппа, памяти котораго онъ въ своемъ дневникѣ посвятилъ нѣсколько задушевныхъ строкъ. Онъ называетъ его здѣсь сердечнымъ другомъ своимъ, который зналъ всѣ тайны души его, и былъ его врачемъ не только тѣлеснымъ, но и душевнымъ.

2) Такъ, напр., въ 1820 году Ѳ. П. Аделунгъ рекомендовалъ Кеппена А. Л. Нарышкину, собиравшемуся за границу. Вмѣсто П. И-ча, былъ приглашенъ В. К. Кюхельбекеръ.

3) Когда, гдѣ и при какомъ случаѣ П. И. познакомился и сошелся съ А. С. Березинымъ, объ этомъ у меня нѣтъ подъ рукою никакихъ свѣдѣній.

пользоваться особеннымъ произведеніемъ каждаго относительно наукъ и художествъ»[1]), обратился къ П. И-чу съ приглашеніемъ быть его спутникомъ или, лучше сказать, менторомъ въ дальнемъ путешествіи, которое должно было распространиться на Австрію, Италію, Швейцарію, Францію, Англію, Бельгію, Голландію и Германію, и продолжительность котораго была расчитана на 3 или 4 года. 22-го мая 1821 года были заключены, въ маклерской конторѣ, условія, въ которыхъ, между прочимъ, оговорено, что г. Березинъ обязуется платить Кеппену по 933 руб. сер. ежегодно и взять на свое иждивеніе квартиру и столъ для него. П. И., съ своей стороны, обязался быть спутникомъ г. Березина и участникомъ въ ученыхъ его на пути упражненіяхъ. Въ письмѣ къ П. И-чу, Алексѣй Сергѣевичъ поясняетъ, что главнымъ предметомъ ихъ общихъ занятій будетъ, въ каждомъ государствѣ, исторія его, «такъ какъ нельзя знать народъ, не зная его исторіи». Свое письмо г. Березинъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Желательно было-бы, чтобы мы сошлись другъ съ другомъ; но повѣрьте мнѣ, что я употреблю съ своей стороны всѣ средства, могущія заставить Васъ не раскаяваться, предпринявъ со мною путешествіе сіе».

Отъѣздъ изъ Петербурга долженъ былъ послѣдовать позднею осенью, и было условлено, что путешественники встрѣтятся, въ опредѣленное время, въ Кіевѣ и оттуда уже будутъ продолжать путь вмѣстѣ.

Возвратясь въ Петербургъ изъ своей поѣздки по Прибалтійскимъ губерніямъ, П. И. началъ серьезно готовиться въ дальній заграничный путь. Вотъ что писалъ онъ самъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ: «Посѣтивъ могилу своего друга (Титарева) и сдѣлавъ въ пять дней болѣе 120 прощальныхъ визитовъ, я сталъ окончательно распоряжаться своими дѣлами. Оставляя столицу и отечество года на четыре, надлежало расторгнуть всѣ прежнія связи. Разлука, особливо, долговременная, сходствуетъ съ кон-

---

1) Такъ значится въ письмѣ г. Березина къ П. И. Кеппену.

чиною, и воспоминанія о прошедшемъ подобны тѣмъ сновидѣніямъ, которыя, по мнѣнію Гамлета, мы можемъ имѣть уснувши безпробудно. Боязнь забыть что-нибудь при отъѣздѣ, по крайней мѣрѣ, столько же основательна, какъ и забота, чтобы ничто не тревожило насъ послѣ смерти. — Все готово: но все еще я не получалъ отправленія.

Повинуясь принятымъ формамъ, жду терпѣливо, — и вотъ уже получаю отпускъ. Теперь простите дражайшіе моему сердцу; я долго, долго съ Вами не увижусь! Бѣгая изъ дому въ домъ, прощаніе казалось мнѣ комедіею, — въ коей я имѣлъ непріятную обязанность играть роль трагическую... Безконечныя хлопоты притупили память и чувства; я прикладывался къ добрымъ пріятелямъ, къ знакомымъ, къ несноснымъ мнѣ лицамъ — почти съ одинаковымъ расположеніемъ, или, лучше сказать, почти безъ всякаго расположенія. Думалъ о дорогѣ, а говорилъ — Богъ знаетъ о чемъ. Отдохнувъ нѣсколько дней, пришлось разставаться съ ближайшими друзьями и родственниками, для которыхъ однихъ, кажется, я теперь оставался еще въ живыхъ.... Сердце во мнѣ не умерло; оно обливалось кровію.... Все минуло! Храни Васъ Богъ всесильный. Не забывайте Вамъ преданнаго!»

Наконецъ, 29-го октября, П. И. тронулся въ путь. «Только что сѣлъ я въ повозку», пишетъ онъ далѣе, «и сталъ предаваться думамъ о разлукѣ, — какъ вдругъ еще останавливаетъ меня запросъ по дѣламъ, касавшимся до одной изъ прежнихъ должностей. «Баронъ Васъ проситъ»... «Барону мое почтенье; въ дѣлахъ Вы все найдете»... Ямщикъ ударилъ по лошадямъ и я, не оглядываясь назадъ, поскакалъ по Новгородской дорогѣ».

Но П. И. ошибался, полагая, что онъ отнынѣ остался въ живыхъ для однихъ лишь друзей и родственниковъ. Въ немъ принимали живое участіе многіе ученые, въ томъ числѣ и оба знатные члены Румянцовскаго кружка, которые высоко цѣнили въ немъ духъ предпріимчивости и любовь къ наукѣ. Тогда-же графъ Румянцовъ спѣшитъ извѣстить преосв. Евгенія, что

«добрый и трудолюбивый Кеппенъ, по условію для себя выгодному, отправился путешествовать по Европѣ съ однимъ юнымъ россійскимъ дворяниномъ» [1]). «Порадовался и Евгеній новый вѣсточкѣ и добрыми пожеланіями сопровождалъ смѣлый и любопытный шагъ въ жизни предпріимчиваго Кеппена» [2]). «Добрый путь доброму Кеппену на чужбину», писалъ онъ Анастасевичу. «Онъ *тощъ* не возвратится къ намъ, но воспользуется больше своего Телемака» [3]). Мы увидимъ, что Евгеній въ расчетѣ своемъ не ошибся...

Уѣзжая за границу, П. И., зная, насколько тамошніе славянскіе ученые интерссуются русскими древностями, желалъ точнѣе изучить богатые памятники старины, хранящіеся преимущественно въ Новгородѣ, Москвѣ и Кіевѣ, и потому рѣшился устроить свой путь такъ, чтобы еще побывать въ этихъ городахъ. Съ другой стороны, въ виду предстоявшей продолжительной разлуки съ отчизною, онъ хотѣлъ проститься съ матерью, проживавшею въ Харьковѣ. И такъ, путь имъ и былъ намѣченъ.

Въ Новгородѣ П. И. внимательно осматривалъ тѣ церкви и монастыри, которые онъ не успѣлъ посѣтить лѣтомъ, и снова побывалъ въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ, по просьбѣ Ѳ. П. Аделунга [4]), занялся изученіемъ нѣкоторыхъ подробностей на Корсунскихъ воротахъ. Проѣхавъ Тверь, П. И. остановился на станціи Городнѣ, въ древней церкви которой ему удалось открыть Корсунскую живопись подъ обѣлью и штукатуркою. Отсюда онъ ѣхалъ нѣкоторое время берегомъ Волги, и тутъ-же задается вопросомъ о названіи этой рѣки, которое онъ сопоставляетъ съ словомъ *влага* [5]). Въ Москвѣ, «по которой онъ

1) Переписка Евгенія; стр. 48.

2) Кочубинскій, въ привед. мѣстѣ, стр. 199.

3) Письмо отъ 28 октября 1821 г. См. «Древняя и Новая Россія», 1881 г., стр. 295.

4) Аделунгъ подготовлялъ въ то время свое извѣстное сочиненіе: Die Korssünschen Thüren in der Kathedralkirche zur Heil. Sophia in Nowgorod. (Berlin, 1823. 4°.

5) Замѣтимъ, мимоходомъ, что догадка эта едва-ли основательна, и что названіе Волги, повидимому финское (всего скорѣе, черемисское).

десять дней безъ памяти бродилъ, бросаясь изъ конца въ конецъ, тьма древностей, по всѣмъ церквамъ разсыпанныхъ, на каждомъ шагу его останавливала». По пріѣздѣ своемъ, онъ тотчасъ побывалъ у М. Т. Каченовскаго, съ которымъ «битыхъ пять часовъ съ ряду толковалъ о старинѣ». Вскорѣ П. И. познакомился и сошелся съ К. Ѳ. Калайдовичемъ[1]), который посвятилъ ему нѣсколько дней, объѣзжая, вмѣстѣ съ нимъ, тѣ мѣста, гдѣ хранятся древніе русскіе памятники. Онъ-же познакомилъ П. И-ча съ А. Ѳ. Малиновскимъ и съ графомъ Ѳ. А. Толстымъ. Первый изъ нихъ дозволялъ ему пользоваться подлинными древними грамотами Московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ, а графъ Толстой вызвался напечатать, на свой счетъ, изготовленный П. И-чемъ Списокъ русскимъ памятникамъ, изданіе котораго принялъ на себя К. Ѳ. Калайдовичъ. Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣ церкви и библіотеки, имъ осмотрѣнныя; замѣтимъ только, что онъ до такой степени былъ погруженъ все время въ размышленія и мечтанія о древностяхъ, что, сколько разъ проѣзжая мимо Минина и Пожарскаго, не замѣчалъ этого превосходнаго памятника, пока, наконецъ, не отправился нарочно къ нему. — Между тѣмъ наступила зима, и П. И., 15 ноября, на саняхъ выѣхалъ изъ Москвы. Въ Серпуховѣ предстоявшая переправа черезъ Оку заставила его ночевать. Ледъ только что сталъ; пришлось лошадей перевезти порознь, сани перетащить людьми, а П. И. самъ пѣшкомъ переправился на Тульскій берегъ. Въ Тулѣ онъ посѣтилъ своего благодѣтеля Бабаева, у котораго въ 1814 году пролежалъ нѣсколько недѣль въ пятнистой горячкѣ. «Вотъ и Медвянка[2]), первое малороссійское селеніе. Отсюда все принимаетъ иной видъ. Земля дѣлается классической». Въ этихъ словахъ путевого дневника слышится восторженный украинскій патріотъ. Во время ѣзды по Малороссіи, П. И. отмѣчалъ раз-

1) П. И. съ нимъ давно уже, т. е. съ 1813 года, состоялъ въ перепискѣ. См. П. Безсоновъ: К. Ѳ. Калайдовичъ. Біографическій очеркъ. П.

2) Обоянскаго уѣзда Курской губерніи.

личныя подробности о распространеніи «могилъ» (кургановъ), каменныхъ бабъ, валовъ и шляховъ (дорогъ)[1]). Слишкомъ недѣлю онъ провелъ затѣмъ въ Харьковѣ, въ кругу своихъ ближайшихъ родныхъ, и 3-го декабря выѣхалъ оттуда въ Кіевъ.

Черезъ Ахтырку, Ромны, Батуринъ, Бѣлу-вѣжу и Борзну П. И. проѣхалъ въ с. Стольное (о которомъ упомянуто уже выше), а затѣмъ черезъ Седневъ и Бѣлицу въ Гомель, чтобы проститься съ канцлеромъ графомъ Румянцовымъ, который при отъѣздѣ подарилъ ему золотые часы. Вернувшись въ Бѣлицу, гдѣ, торопясь перемѣнить лошадей и ѣхать въ Кіевъ, для скорѣйшаго свиданія съ А. С. Березинымъ, онъ узналъ, что этотъ послѣдній только-что расположился ночевать тамъ-же въ почтовой гостинницѣ.

Такимъ образомъ они уже изъ Бѣлицы предприняли вмѣстѣ путешествіе въ чужіе края, въ коляскѣ, принадлежавшей г. Березину. Черезъ Черниговъ они проѣхали въ Кіевъ, куда прибыли 13 декабря и гдѣ остались недѣли двѣ, усердно посѣщая тамошніе многочисленные памятники старины и другія достопримѣчательности этой древнѣйшей русской столицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ П. И. занимался послѣднею редакціею и чтеніемъ своего Списка русскимъ памятникамъ, который тамъ вновь переписывался, для отсылки въ Москву. По приглашенію Кіевскаго и Галицкаго митрополита Серапіона[2]), П. И. былъ въ лѣтнемъ жилищѣ его въ Кіево-Печерской Лаврѣ, на засѣданіи библейскаго общества. Разумѣется, что наши путешественники побывали также какъ въ ближнихъ, такъ и въ дальнихъ пещерахъ,

---

1) При этомъ П. И. упоминаетъ о статьяхъ своихъ: 1) о дорогахъ по древней Россіи; 2) о валахъ, стѣнахъ, окопахъ и рвахъ.

2) Г. Кочубинскій замѣчаетъ (въ привед. мѣстѣ, стр. 199, въ выноскѣ), что старикъ Кеппенъ, въ своей автобіографіи, ошибочно показалъ, что онъ въ Кіевѣ получилъ напутное благословеніе друга своего, митрополита Евгенія, который прибылъ въ Кіевъ только 11 *апрѣля* 1822 года. Дѣйствительно, въ бытность П. И-ча въ Кіевѣ, тамошнимъ митрополитомъ былъ Серапіонъ, а не Евгеній; но П. И. могъ получить отъ этого послѣдняго благословеніе въ Кіевѣ-же не словесно, а *письменно*, изъ Пскова.

да и вообще все время провели съ большою для себя пользою. Мы и здѣсь, конечно, не можемъ слѣдить за всѣми ихъ странствованіями[1]).

На пути отъ Кіева до границы П. И., помимо обычныхъ замѣчаній наблюдательнаго путешественника, внесъ въ свой дневникъ очень любопытныя наблюденія и соображенія о прежнихъ морскихъ берегахъ Россіи, а также о вліяніи этихъ послѣднихъ на переселенія народовъ. Проѣзжая по Волыни, П. И. наполняетъ свой дневникъ историческими и статистическими данными объ этой области. Путь пролегалъ черезъ Житомиръ и Новоградъ-Волынскій въ Острогъ, гдѣ путешественники остановились; сказавъ о холодной комнатѣ въ плохой гостинницѣ, П. И. продолжаетъ: «На другой день ласковый пріемъ преосвященнаго Епископа Волынскаго Стефана (Романовскаго) и архимандрита Іеронима (Визерскаго) согрѣлъ насъ». Въ Кременцѣ П. И. ознакомился съ лицеемъ и принадлежащими къ нему музеями, библіотекою, ботаническимъ садомъ и пр. Наконецъ, они доѣхали до пограничнаго мѣстечка Радзивилова, отсюда переѣхали границу и остановились въ Бродахъ. Тутъ снова у П. И-ча прорывается чувство безпредѣльнаго патріотизма, выразившееся, въ путевомъ дневникѣ, въ слѣдующихъ словахъ: «Одинъ шагъ, и я за предѣлами русскаго міра! Разстался съ милою отчизною на долго... Вдали отъ родины, кто не станетъ считать часовъ своей разлуки?..»

Въ Бродахъ П. И. забывалъ, что находится за границею: на улицахъ всѣ крестьяне говорили по малороссійски, такъ что онъ легко ихъ понималъ, между тѣмъ какъ Русняки съ трудомъ постигали то, что онъ старался имъ объяснить малороссійскимъ нарѣчіемъ, которымъ говорятъ въ Украйнѣ. При этомъ случаѣ П. И. внесъ въ свой дневникъ нѣкоторыя замѣчанія о малороссійскихъ, и вообще о славянскихъ нарѣчіяхъ, — м. пр. на основаніи изслѣдованій гг. Бандтке и Добровскаго. Переѣхавъ

1) Описаніе всего видѣннаго въ Кіевѣ занимаетъ въ дневникѣ П. И-ча 35 страницъ въ 4⁰.

затѣмъ р. Бугъ (притокъ Вислы), П. И. нѣсколько страницъ посвящаетъ вопросу о происхожденіи названія этой рѣки. При въѣздѣ во Львовъ (Лембергъ) «аттака безбожныхъ таможенныхъ досмотрщиковъ» стоила нашимъ путешественникамъ нѣсколько флориновъ; не взирая на то, у П. И-ча распечатали два письма, въ числѣ коихъ одно слѣдовало къ дамѣ. Во Львовѣ были посѣщены всѣ церкви и другія достопримѣчательныя хранилища древностей; между прочимъ, у г. Гриневецкаго П. И. познакомился съ грамотою, пожалованною Галицкимъ княземъ Львомъ Даниловичемъ Лаврову монастырю, въ исходѣ XIII-го столѣтія. Черезъ Перемышль (Пржемысль) и Тарновъ П. И. проѣхалъ въ Бохнію и Величку, гдѣ имъ внимательно и подробно были осмотрѣны соляные рудники.

Затѣмъ путешественники наши побывали въ Краковѣ (1—13 февраля 1822 года), а оттуда проѣхали въ Вѣну. Какимъ путемъ они слѣдовали и когда туда пріѣхали [1]), объ этомъ, а также о первыхъ мѣсяцахъ, проведенныхъ въ Вѣнѣ, не сохранилось никакихъ начертаній: въ путевомъ дневникѣ П. И-ча между пребываніемъ въ Краковѣ и отъѣздомъ изъ Вѣны въ Венгрію, къ сожалѣнію, замѣчается большой пробѣлъ [2]).

Благодаря рекомендательнымъ письмамъ своихъ друзей и покровителей, въ томъ числѣ Ѳ. П. Аделунга, П. И. вскорѣ сошелся въ Вѣнѣ со многими выдающимися учеными и литераторами, какъ-то съ оріенталистомъ Гаммеромъ (Hammer), славистами Копитаромъ и Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, съ исторіографомъ барономъ Гормайромъ (Hormayr), съ графомъ Оссолинскимъ, графомъ Майлатомъ и другими; впослѣдствіи къ этимъ послѣднимъ присоединились еще знаменитый Фр. Шлегель и его супруга, дочь Мозеса Мен-

1) Г. Кочубинскій (въ привед. мѣстѣ, стр. 200) говоритъ, что П. И прибылъ въ Вѣну въ мартѣ 1822 г. Однакоже у меня сохранился отвѣтъ Ѳ. П. Аделунга на письмо П. И-ча, писанное изъ Вѣны 23-го февраля.

2) Изъ позднѣйшихъ путевыхъ записокъ явствуетъ, что П. И. проѣхалъ черезъ Ольмюцъ, гдѣ въ библіотекѣ обратилъ вниманіе на абиссинскія рукописи; а затѣмъ, проѣзжая близъ Аустерлица, осмотрѣлъ поле битвы.

дельсона, извѣстная писательница Каролина Пихлеръ, баронъ Меднянскій, и др. Въ бесѣдахъ съ этими крупными представителями науки и литературы, а также въ частыхъ посѣщеніяхъ какъ научныхъ такъ и художественныхъ учрежденій Вѣны, въ томъ числѣ и славившихся тамошнихъ театровъ, быстро пролетѣли мѣсяцы, которые П. И. посвятилъ приготовленіямъ къ задуманному имъ путешествію по Венгріи и Трансильваніи. Особенно оживленны были его сношенія съ Копитаромъ, съ которымъ онъ часто видѣлся и нерѣдко проводилъ вечера въ любимой его гостинницѣ «у бѣлаго волка», на «Alter Fleischmarkt». Копитаръ тотчасъ сообщилъ своему «учителю», знаменитому слависту Іос. Добровскому, о пріѣздѣ Кеппена и о привезенныхъ имъ русскихъ книгахъ и палеографическихъ снимкахъ, приглашая его пріѣхать на короткое время въ Вѣну, «ad pervidenda collectanea Köppenii»[1]). Въ то же время П. И. оживленно переписывался съ отечественными друзьями, напр. съ Ѳ. П. Аделунгомъ, Ал. Хр. Востоковымъ и другими. Озабочиваясь изданіемъ своего «Списка русскимъ памятникамъ», которое принялъ на себя Калайдовичъ, и желая дополнить палеографическую таблицу, которую онъ предполагалъ приложить къ означенному «Списку», П. И. (письмомъ отъ 12 (24) апрѣля 1822 г.) обратился къ Востокову съ просьбою о доставленіи Калайдовичу facsimile съ азбуки Остромирова Евангелія крупнаго и мелкаго письма. Это обстоятельство подало Ал. Хр-чу пріятный случай вступить съ Калайдовичемъ въ переписку[2]).

Готовясь къ поѣздкѣ по Венгріи, А. С. Березинъ слушалъ лекціи у профессора Шольца, который показалъ ему способъ

---

1) См. письмо Копитара къ Добровскому, отъ 25 (13) марта 1822 г.; въ изданномъ В. Ягичемъ «Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar». (Berlin, 1885); стр. 466—467.

2) См. письмо Востокова къ Калайдовичу, отъ 17 іюня 1822 г., въ изданной И. Срезневскимъ «Перепискѣ А. Х. Востокова» (Спб., 1873), на стр. 30—32.—Изъ отвѣтнаго письма Калайдовича (тамъ-же, стр. 32) видно, что начертанія письменъ Остромирова Евангелія пришли, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, такъ какъ «Списокъ русскимъ памятникамъ» въ то время былъ уже отпечатанъ.

дѣлать барометрическія измѣренія. Были куплены необходимые для того инструменты, измѣрены для пробы высоты двухъ окрестныхъ горъ: Каленберга и Леопольдъ-Берга, а также башни Св. Стефана. Заручившись рекомендательными письмами (въ особенности, со стороны графа Майлата) и получивъ паспорты изъ Венгерской Канцеляріи, пропускной видъ (Passirschein) изъ полиціи и дозволеніе на отпускъ почтовыхъ лошадей изъ Тайной Полиціи (Geheime Ober-Polizei-Direction), наши путешественники, въ томъ числѣ и приглашенный г. Березинымъ живописецъ Монъ, оставили Вѣну 6 мая (24 апрѣля), съ цѣлію ознакомиться съ Венгріею и Трансильваніею, т. е. съ странами, въ то время, для Русскихъ почти невѣдомыми.

Изъ Пресбурга П. И. завернулъ въ Неутрскій Комитатъ, для посѣщенія барона Меднянскаго, хорошо знакомаго съ бытомъ тамошнихъ Словаковъ, во многомъ напоминавшимъ бытъ Малороссіянъ. Здѣсь П. И. имѣлъ отличный случай ознакомиться съ важнѣйшею литературою о Венгріи и получить драгоцѣнныя указанія относительно дальнѣйшаго путешествія по этой странѣ. Посѣтивъ берега Нейзидельскаго озера, П. И. побывалъ въ Эденбургѣ, гдѣ навѣстилъ естествоиспытателя барона Очкай (Ocskay), съ которымъ обозрѣлъ близлежащія каменноугольныя копи; отъ него-же онъ узналъ нѣкоторыя подробности о распредѣленіи по Венгріи Словаковъ. Затѣмъ П. И. посѣтилъ городъ Штейнъ-амъ-Ангеръ (Stein am Anger, по венгерски Szombathely), древнюю Сабарію, гдѣ имъ осмотрѣны были многочисленныя римскія древности. 5 (17) мая наши путешественники прибыли къ берегу озера Балатонъ, въ Кестель (Keszthely), гдѣ посѣтили «Георгиконъ», т. е. училище сельскаго домоводства, учрежденное графомъ Фестетичемъ (Fesztetits); между примѣчательностями въ саду этого заведенія П. И. называетъ дерево *Ailanthus glandulosa*, которое впослѣдствіи стало столь извѣстнымъ. Весьма любезно провожалъ ихъ самъ директоръ училища, проф. Либбальдъ (Liebbald), которому П. И. обязанъ былъ многими любопытными свѣдѣніями о природѣ и сельскомъ

хозяйствѣ тамошней мѣстности. Отсюда П. И. посѣтилъ гору Св. Георгія, на сѣверномъ берегу Балатона, и Фюредъ, славящійся своими минеральными водами. Ночью на 13 (25) мая онъ прибылъ въ Пештъ.

Здѣсь, въ столицѣ Венгріи, путешественники пробыли до 31 мая (12 іюня) и успѣли ознакомиться со всѣми ея достопримѣчательностями. П. И. завелъ тутъ много цѣнныхъ знакомствъ, изъ которыхъ назовемъ: проф. Шедіуса (L. v. Schedius), Горвата (Steph. v. Horváth), Ковачича (Jos. Nic. Kovachich), Якшича, славянскаго евангелическаго священника Коллара (Joh. Kollar) и Палацкаго (Franz Palacký). Съ ними онъ оживленно бесѣдовалъ о древностяхъ Венгріи, римскихъ и славянскихъ; о нарѣчіяхъ венгерскихъ, нѣмецкихъ и славянскихъ, и о многихъ другихъ научныхъ предметахъ. Неоднократно онъ посѣщалъ Венгерскій національный музей, съ его богатою библіотекою. Изъ всѣхъ памятниковъ старины, хранящихся въ музеѣ, любопытнѣе всѣхъ былъ для него большой барельефъ, представляющій Митраса (Миѳру)[1]. П. И. работалъ прилежно какъ здѣсь, такъ и въ университетской библіотекѣ. Но помимо науки, онъ не упускалъ изъ виду и другихъ достопримѣчательностей Пешта; такъ онъ посѣтилъ засѣданіе Комитатскаго Собранія («нѣчто подобное англійскому парламенту или палатѣ депутатовъ во Франціи»). Нѣсколько разъ онъ ходилъ въ Офенъ, осматривалъ тамошнюю обсерваторію и пр. 31 мая (12 іюня) наши путешественники оставили Пештъ и направились въ Славонію. Они сначали ѣхали правымъ, возвышеннымъ берегомъ Дуная, который (какъ замѣчаетъ П. И. въ своемъ дневникѣ), «безъ сомнѣнія былъ нѣкогда берегомъ внутренняго моря, покрывавшаго всѣ равнины Венгріи и стекшаго въ Черное море Дунайскимъ русломъ»[2]. Обширныя равнины эти напоминали ему южную Россію, съ которою Венгрія дѣйствительно имѣетъ много

1) Впослѣдствіи П. И., въ Трансильваніи, имѣлъ случай познакомиться еще съ нѣсколькими памятниками Миѳры.

2) Извѣстно, что такое толкованіе нынѣ признается всѣми геологами.

сходства. 3 (15) іюня П. И. остановился въ Финфкирхенѣ, гдѣ осмотрѣлъ епископскую библіотеку и другія учрежденія. А. С. Березинъ отправлялся отсюда на двѣ горы, гдѣ дѣлалъ барометрическія измѣренія, между тѣмъ какъ П. И. одновременно производилъ подобныя же наблюденія въ самомъ городѣ[1]). Съ тамошнимъ жителемъ графомъ Брайда наши путешественники съѣздили въ Шиклошъ, близъ коего было сраженіе освободившее Венгрію отъ турецкаго владычества. Переправившись отсюда черезъ быструю Драву, они вступили въ Славонію.

Дальнѣйшій путь пролегалъ чрезъ Нашичъ и Пожегу сперва въ пограничную крѣпость Бродъ (на р. Савѣ), а затѣмъ въ Эссегъ, стоящій на мѣстѣ древней Мурсіи, и далѣе, черезъ Бачскій Комитатъ, въ Новый Садъ (Neusatz), гдѣ П. И. на этотъ разъ не засталъ Шафарика, учителя[2]) тамошней сербской гимназіи. Отсюда онъ отправился въ Карловичь (Карловацъ), къ пребывавшему тамъ православному митрополиту Стефану Стратемировичу[3]), у котораго осматривалъ собраніе древнихъ грамотъ и библіотеку. По совѣту преосвященнаго, П. И., съ своимъ спутникомъ, объѣхалъ многочисленные православные монастыри, лежащіе на Фрушка-горѣ и осмотрѣлъ древности въ нихъ находящіяся[4]). Въ монастырѣ Шишатовацѣ онъ познакомился съ архимандритомъ Лукьяномъ Мушицкимъ, «сербскимъ Горацiемъ», (по словамъ Вука Стефановича), который занимался и русскою словесностію. Черезъ Петервардейнъ П. И. возвратился въ Новый Садъ, гдѣ посѣтилъ Шафарика, тогда еще мало извѣстнаго геніальнаго ученика Добровскаго, съ кото-

---

1) Такія соотвѣтственныя наблюденія производились ими въ разныхъ мѣстахъ.

2) П. И., въ своемъ дневникѣ, называетъ его директоромъ гимназіи.

3) Это тотъ самый ученый мужъ, которому Шлецеръ посвятилъ вторую часть своего «Нестора». Изъ его сочиненій замѣчательна статья о Днѣпровскихъ порогахъ, напечатанная въ изданномъ Эверсомъ продолженіи Собранія русской исторіи Миллера.

4) Описанію этого странствованія по монастырямъ (съ 1 по 3 іюля н. ст.) П. И., въ своемъ дневникѣ, посвятилъ 22 страницы.

рымъ онъ впослѣдствіи близко сошелся и велъ многолѣтнюю переписку. Въ ночь на 5-е іюля (23 іюня) П. И. проѣхалъ въ Землинъ, т. е. къ тогдашней турецкой границѣ.

Не получивъ разрѣшенія на посѣщеніе Бѣлграда, наши путешественники, по утру 25 іюня (7 іюля) сѣли на судно и отправились внизъ по Дунаю, въ Оршову. Расположившись на палубѣ или на крышѣ каюты, они любовались тихоструившимся Дунаемъ и разнообразіемъ его береговъ, «изъ коихъ сербскіе вообще пріятнѣе цесарскихъ». Въ Панчовѣ, гдѣ судно причалило, была неожиданная остановка, такъ какъ люди разбѣжались. Здѣсь-же одинъ изъ сербовъ подошелъ къ судну и изъявилъ желаніе поговорить на единѣ съ П. И-чемъ, который и вышелъ къ нему на берегъ. Тогда сербскій патріотъ, зная, что имѣетъ дѣло съ Русскимъ, сталъ шептать ему: «Смотрите на ту плодоноснѣйшую, богатѣйшую землю; она имѣетъ все, кромѣ порядочнаго правленія. Христіане тамъ въ угнетеніи... Отъ Петервардейна до Оршовы все радо сбросить съ себя иновѣрческое иго; всѣ и самый князь, готовы освободиться, — но не знаемъ, какъ и что начать. Россія въ бездѣйствіи.... Сербія имѣетъ 70 полковъ[1]), каждый до 2000 человѣкъ и около 40,000 чел. единовѣрныхъ прійдетъ къ нимъ на помощь изъ Австрійскихъ владѣній»... И т. д.

При всемъ состраданіи къ бѣдствовавшему единоплеменному народу, П. И. долженъ былъ молчать. Въ своемъ дневникѣ онъ замѣтилъ: «Сербъ говорилъ какъ патріотъ... Я самъ можетъ быть на твоемъ мѣстѣ, чувствовалъ то-же самое... Да хранитъ Богъ Россію!»

Миновавъ Семендрію (съ правой), Уйпаланку и Молдаву (съ лѣвой стороны), наши путешественники проплыли мимо Бабакайской скалы, высунувшейся отвѣсно изъ воды; при проѣздѣ мимо нея купцы обыкновенно бросали въ воду деньги. Отсюда начинаются прекраснѣйшіе виды, безпрестанно мѣняющіеся,

---

1) Это преувеличено. Вскорѣ послѣ этой встрѣчи, П. И. слышалъ отъ Вука Стефановича (Караджица), что Сербія имѣла, въ то время, лишь около 30-и полковъ.

такъ какъ Дунай протекаетъ здѣсь между высокими горами. Затѣмъ слѣдовали Голумбацкія пещеры, столь извѣстныя вылетаніемъ изъ нихъ опасныхъ для скота Голумбацкихъ комариковъ. Взявъ лоцмана въ Любковѣ, путешественники проѣхали благополучно пороги, а затѣмъ посѣтили Ветеранскую пещеру. Ниже этой послѣдней, въ глухомъ безлюдномъ мѣстѣ, они впервые нарушили карантинныя правила и вышли на сербскій берегъ, гдѣ отыскали такъ назыв. Траянову таблицу, т. е. камень съ надписью временъ Императора Траяна. Наконецъ 29 іюня (11 іюля) они прибыли въ Оршову.

Здѣсь путешественники кончили свое плаваніе, покинули Дунай и обратились къ сѣверу, — сперва въ Мегадію, къ такъ назыв. Геркулесовымъ ваннамъ. Подъѣзжая ночью къ этому мѣсту, они любовались блуждащими огнями, которые испускали изъ себя отличной величины свѣтляки, *Luciola Mehadiensis* Fald. (*Mingrelica* Mén.). Осмотрѣвши, на другой день, знаменитый сѣрный источникъ (Herkulesbad), текущій въ р. Черную, которая въ этомъ мѣстѣ очень рѣдко замерзаетъ, а также окрестныя пещеры, П. И. ознакомился еще съ остатками римскаго водопровода и списалъ нѣсколько древнихъ надписей. Дальнѣйшій путь пролегалъ черезъ Лугошъ въ Темешваръ. Дорогою П. И. получилъ письмо отъ Вука Стефановича, который приглашалъ его къ себѣ въ Паньево, гдѣ онъ проживалъ у г. Демелича, покровителя сербской литературы. Вмѣстѣ съ Вукомъ, съ которымъ П. И. сошелся еще въ Петербургѣ[1]), онъ посѣтилъ Темешваръ. Пріѣхавъ обратно въ Лугошъ, онъ отсюда, вмѣстѣ съ А. С. Березинымъ, отправился въ Трансильванію, въ которую они въѣхали пріятнѣйшею гористою и лѣсистою дорогою, ведущею вдоль р. Марошъ. Первая остановка была въ Девѣ, гдѣ П. И. побывалъ у г. Бая (Baja), вмѣстѣ съ которымъ отправился въ Надвагъ (Nagy-ag), для осмотра золотыхъ рудниковъ.

---

1) Въ своемъ дневникѣ П. И. замѣчаетъ, что «Вукъ все еще имѣетъ свою синюю овчинную шубу, въ которой пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ и которой одинъ клочекъ оставался у Ѳ. П. Аделунга».

Они посѣтили также Гуньядъ (Vajda Hunyad), съ его замкомъ, построеннымъ, въ XV столѣтіи, Іоганомъ Гуньядомъ (Hunyadi Janos)[1]). Отсюда П. И. еще проѣхалъ въ Гацегъ (Hatszeg) и въ прелестную Гацегскую долину, въ окрестностяхъ которой, въ то время, ходили еще на медвѣжью охоту и били сернъ.

Тутъ-же, по близости, онъ осмотрѣлъ развалины древней Дакійской столицы Сармесагетузы, называвшейся потомъ *Ulpia Trajana*, и списалъ нѣсколько сохранившихся тамъ римскихъ надписей. Возвратясь въ Гуньядъ, наши путешественники оттуда проѣхали прямо въ Карлсбургъ. Аббатъ Гене (Franz Xav. Hene), къ которому П. И. имѣлъ рекомендательное письмо отъ графа Ал. Бетлена (въ Вѣнѣ), показалъ ему всѣ достопримѣчательности этого города, въ томъ числѣ и свою собственную коллекцію списковъ и рисунковъ многихъ римскихъ камней, найденныхъ въ Трансильваніи. Но такъ какъ рисунки эти оказались довольно плохими, а въ надписяхъ П. И. находилъ опущенныя буквы, то онъ счелъ необходимымъ любопытнѣйшія изъ нихъ свѣрять съ подлинниками, находящимися въ тамошнемъ музеѣ, основанномъ графомъ Батьяни, и въ находящейся приономъ библіотекѣ. Здѣсь его особенно заинтересовали три изображенія Митры. Изъ Карлсбурга П. И. посѣтилъ еще Залатну, а оттуда базальтовую гору Детунату (dje Tunata, Donnersberg) и Абрудбанью, гдѣ имъ осмотрѣны были золотые рудники. Вернувшись въ Карлсбургъ, онъ на другой день, т. е. 21 іюля (2 августа), проѣхалъ въ Германштатъ.

Намѣреваясь остаться нѣсколько времени въ столицѣ Трансильваніи, П. И. счелъ долгомъ сдѣлать тотчасъ-же визитъ нашему генеральному консулу въ Букарештѣ, пребывавшему въ то время въ Германштатѣ, г. Пини, который принялъ нашихъ путешественниковъ очень любезно и пригласилъ ихъ еже-

1) Въ своемъ дневникѣ П. И. распространяется о добычѣ здѣсь желѣза, о выдѣлкѣ сабель, косъ и пр., но вовсе не упоминаетъ о нынѣ столь извѣстной минеральной водѣ, вывозимой оттуда въ огромномъ количествѣ; повидимому, источникъ ея тогда еще не былъ открытъ.

дневно у себя обѣдать. У него П. И. познакомился съ очень образованнымъ русскимъ, А. М. Спиридовымъ, много путешествовавшимъ по Европѣ. Съ нимп вмѣстѣ П. И. побывалъ у главнокомандующаго фельдмаршалъ-лейтенанта Шустека и у государственнаго казначея тайнаго совѣтника Мишке. Въ художественныхъ галлереяхъ, основанныхъ Брукенталемъ, который отъ низшаго состоянія дошелъ до управленія Трансильваніею, Петру Ивановичу, среди дошедшихъ до насъ остатковъ римскихъ колоній, удалось найти какъ неизданные до того памятники Митраса (Миѳры), такъ и единственную донынѣ извѣстную статую тройственной Гекаты, которую онъ, по возвращеніи въ Вѣну, описалъ въ особой статьѣ. Но среди серьезнаго изученія римскихъ древностей, П. И. не забывалъ свою родину и славянство. Получивъ отъ Калайдовича извѣщеніе, что «Списокъ русскимъ памятникамъ», составленный П. И-чемъ, отпечатанъ, онъ, въ отвѣтъ на его письмо, послалъ Калайдовичу статью о славянскихъ древностяхъ въ Сирміи, а именно о книгахъ древней печати въ монастыряхъ Фрушки-горы и въ Карловицѣ, о грамотахъ сербскихъ, волошскихъ, молдавскихъ и русскихъ, и пр. Нѣсколько дней (съ 8 (20) по 12 (24) августа) онъ посвятилъ составленію статьи о древностяхъ и художествахъ въ Россіи («Über Alterthum und Kunst in Russland»), которая затѣмъ была напечатана въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur.

Изъ путевого дневника П. И-ча видно, что онъ въ Германштатѣ, въ бесѣдахъ съ тамошними пріятелями, затрогивалъ еще разные другіе научные вопросы, съ которыми онъ старался ознакомиться и изъ мало доступныхъ книгъ. Къ такимъ вопросамъ принадлежатъ напр. слѣды Русскихъ въ Трансильваніи; венгерскія и нѣмецкія нарѣчія въ этой-же странѣ; о языкѣ Булгарскомъ; о происхожденіи и первобытной родинѣ Венгровъ; и пр. — Въ такихъ занятіяхъ быстро текли дни, и, пробывъ въ Германштатѣ ровно мѣсяцъ, наши путешественники 21-го августа (2 сентября) оставили столицу Трансильваніи, направляясь въ Клаузенбургъ.

Путь ихъ пролегалъ сперва чрезъ Карлсбургъ, гдѣ они достигли опять берега Мароша, а затѣмъ, вверхъ по этой рѣкѣ, въ Надьэньедъ (Nagy Enyed); здѣсь, при посѣщеніи библіотеки, П. И., между разными памятниками, нашелъ бѣло-мраморную плиту, съ изсѣченнымъ на ней Митрасомъ.

Достигнувъ Клаузенбурга путешественники наши перемѣнили сѣверное направленіе своего пути на почти западное и поѣхали на Грос-Вардейнъ. Не доѣзжая селенія Фекететё (Чернаго озера), они переѣхали Трансильванскую границу, взглянувъ еще назадъ на страну, въ которой съ удовольствіемъ провели ровно шесть недѣль. Пограничныя горы, черезъ которыя вела ихъ дорога, обитаемы Валахами, которые тутъ, повидимому, туземны. Осмотрѣвъ сѣрныя воды въ окрестностяхъ Грос-Вардейна и убѣдившись, что въ самомъ городѣ нѣтъ ничего достопримѣчательнаго, путешественники вскорѣ его оставили и направились въ Дебрецинъ. Тутъ они были опять среди степи, на которой кое-гдѣ видиѣлись могилы (курганы), какъ въ нашихъ южно-русскихъ степяхъ. Въ Дебрецинѣ они также не нашли ничего особенно интереснаго, почему на другой-же день отправились прямымъ и самымъ однообразнымъ путемъ въ Пештъ, куда имъ пришлось ѣхать цѣлыхъ два дня. Оставивъ вправо знаменитое поле Ракошъ, «гдѣ Венгры избираютъ (!) своихъ королей», путешественники, ночью на 1 (13) сентября, прибыли въ Венгерскую столицу.

Въ Пештѣ П. И. на этотъ разъ, провелъ только одинъ день; побывалъ у Горвата и Коллара, съ которыми подѣлился свѣдѣніями, пріобрѣтенными при поѣздкѣ по Трансильваніи; а также съѣздилъ въ Офенъ, гдѣ, въ книжной лавкѣ университетской типографіи, накупилъ довольно много книгъ, касающихся преимущественно славянъ Австрійской имперіи. Утромъ 2 (14) сентября П. И. оставилъ Пештъ и направился обратно въ Вѣну. Чрезъ Коморнъ и Рабъ онъ проѣхалъ сперва въ Мартинсбергъ, гдѣ посѣтилъ древнѣйшій въ Венгріи монастырь, а затѣмъ въ Пресбургъ, гдѣ побывалъ у профессора Г. Палковича (G. Pal-

kovics), словака, съ которымъ бесѣдовалъ какъ о словацкихъ, такъ и о другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Черезъ Геймбургъ П. И., 6 (18) сентября, возвратился въ Вѣну, гдѣ остановился въ гостинницѣ Императрицы Австрійской. Вскорѣ послѣ пріѣзда онъ окончательно отредактировалъ написанную еще въ Германштатѣ статью «Über Alterthum und Kunst in Russland». По окончаніи этой работы П. И. тотчасъ-же принялся за составленіе рецензіи сочиненія Рауль-Рошета: «Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien». Въ эту рецензію, надъ которою онъ проработалъ послѣдніе мѣсяцы 1822 года[1]), вошли и многія собственныя изслѣдованія, сдѣланныя на развалинахъ Ольвіи и въ другихъ мѣстахъ южной Россіи, — такъ что изъ этого составилась особая книжка, озаглавленная: «Alterthümer am Nordgestade des Pontus» (Wien, 1823. 8⁰). Книжку эту онъ посвятилъ государственному канцлеру графу Румянцову, считая ее важнѣе всего того, что онъ до тѣхъ поръ напечаталъ. Канцлеръ весьма характеристическимъ письмомъ благодарилъ за это посвященіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе, дабы П. И., вмѣсто греческихъ древностей, занялся бы болѣе славянскими. Справившись съ названною книжкою, которая вышла около 1-го марта 1823 г., П. И. принялся усердно за объясненіе таинственной Гекаты, со статуею которой онъ познакомился въ Германштатѣ, въ Брукентальскомъ музеѣ. Для этого пришлось ему прочитать множество книгъ, въ которыхъ говорится о мистеріяхъ; какъ-то символику Крейцера (Creuzer); Sainte-Croix «Recherches sur les mystères du paganisme»; Ouvaroff, «Essai sur les mystères d'Eleusis»; J. H. Voss «Über die Hekate. Zur Erklärung der Zauberidylle Theokrits»; и др. Сочиненіе Моне (Mone. «Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa»), которое Фр. Шлегель одобрялъ въ отношеніи къ сѣвернымъ преданіямъ, его вовсе не удовлетворило, такъ какъ въ немъ, по отношенію къ народамъ, все смѣшано. Шлегель

1) Она подписана: «Wien, im December 1822».

вызвался просмотрѣть корректурные листы статьи о Гекатѣ, первыя два отдѣленія которой П. И., 16-го апрѣля, передалъ барону Гормайру, для напечатанія въ издававшемся имъ журналѣ: Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst.

Сверхъ этихъ научныхъ занятій, П. И. не переставалъ интересоваться вопросомъ о *нарѣчіяхъ* славянскихъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ, употребительныхъ въ разныхъ областяхъ Австрійской имперіи. Такъ онъ съ пасторомъ Колларомъ (въ Пештѣ) велъ переписку о нарѣчіяхъ словацкаго, а съ г. Дебрентей (Gabriel v. Döbrentei) о нарѣчіяхъ венгерскаго языка; отъ барона Меднянскаго онъ получилъ свѣдѣнія о малоизвѣстномъ нѣмецкомъ нарѣчіи (Mundart der Habaner und Kritehayer deutschen Kolonisten). При возвращеніи въ Вѣну (изъ Венгріи) П. И., между прочимъ, нашелъ письмо отъ г. Беницкаго (въ Карловицѣ) со снимками съ такъ назыв. булгарской лѣтописи Даніила, о чемъ онъ, чрезъ Калайдовича, сообщилъ графу Румянцову[1]).

Знакомства съ учеными и писателями въ самой Вѣнѣ не мало споспѣшествовали расширенію научнаго кругозора П. И-ча. Онъ поддерживалъ оживленныя сношенія съ Копитаромъ, который снова пытался уговорить Добровскаго пріѣхать въ Вѣну, чтобы ознакомиться съ собраніемъ русскихъ древностей Кеппена. Копитаръ встрѣчалъ П. И-ча всегда очень дружелюбно, но это не мѣшало ему отзываться не совсѣмъ благопріятно о своемъ новомъ другѣ въ задушевной перепискѣ съ Добровскимъ[2]). Всего болѣе привлекало П. И-ча общество знаменитаго Фр. Шлегеля и его умной и высоко-образованной супруги; здѣсь онъ нерѣдко проводилъ вечера. По средамъ П. И. обыкновенно посѣщалъ извѣстнаго ботаника, барона Жакена (Jacquin), издавшаго м. пр. Antiquitates botanicae; а по воскрес-

---

1) См. Переписку митрополита Евгенія съ канцлеромъ графомъ Румянцовымъ; стр. 63.

2) См. Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar, herausg. von V. Jagić; p. 492.

нымъ днямъ онъ нерѣдко бывалъ у г-жи Пихлеръ (Caroline Pichler), извѣстной сочинительницы романовъ и повѣстей, о замѣчательной скромности и простотѣ которой П. И. упоминаетъ въ своемъ дневникѣ. Часто онъ видѣлся съ извѣстнымъ оріенталистомъ Гаммеръ (Joseph Hammer-Purgstall), усердію котораго въ научныхъ работахъ онъ не могъ надивиться[1]); съ нимъ онъ совершалъ небольшія экскурсіи въ прелестныя окрестности Вѣны, напр. въ Баденъ, гдѣ П. И. посѣщалъ и старца графа Оссолинскаго, почти лишеннаго зрѣнія. Не менѣе онъ сблизился и съ барономъ Іос. Гормайромъ, исторіографомъ Императорскаго Австрійскаго дома.

Изъ Русскихъ, которые или жили продолжительное время въ Вѣнѣ, или-же находились тамъ лишь проѣздомъ, П. И. познакомился съ довольно многими. Изъ нихъ назовемъ полковника Ив. Алексѣев. Стемпковскаго, съ которымъ П. И. много бесѣдовалъ о древностяхъ южной Россіи, о которыхъ Стемпковскій въ Парижѣ издалъ нѣсколько брошюръ (онъ былъ проѣздомъ изъ Парижа въ Одессу). Въ гостепріимномъ домѣ Павла Степ. Бутягина собирались въ то время почти всѣ Русскіе, проживавшіе въ Вѣнѣ; П. И. очень сблизился какъ съ нимъ самимъ, такъ и со всей его семьей, и часто проводилъ у него вечера. И послѣ отъѣзда г. Бутягина въ Подольскую губернію, П. И., въ сообществѣ барона Ром. Федор. Остенъ-Сакена[2]) и Алекс. Конст. Родофиникина, служившаго въ русскомъ посольствѣ, нѣсколько разъ обѣдалъ у его супруги. Въ домѣ Бутягина онъ познакомился также съ княгинею Куракиной и ея дочерью графиней Зотовой, съ которыми затѣмъ совершилъ нѣсколько экскурсій въ окрестности Вѣны.

Давно желая познакомиться съ почтеннымъ аббатомъ Іос.

---

1) Такъ напр., П. И. замѣчаетъ, что Гаммеръ прочиталъ отъ доски до доски большой арабскій словарь, на чтеніе котораго онъ употребилъ три года, посвящая ему ежедневно часа по три.

2) Баронъ Сакенъ былъ лишь проѣздомъ въ Вѣнѣ, возвращаясь въ Петербургъ изъ Италіи.

Добровскимъ, знаменитымъ отцомъ славянской словесности, П. И., 1 (13) мая (1823 г.) выѣхалъ въ Прагу. Онъ отправился въ дилижансѣ, который отходилъ туда трижды въ недѣлю. Путь лежалъ черезъ Знаимъ (Znaym), Иглавъ (Iglau) и Колинъ. Дорога не представляла красивыхъ видовъ и особенно интересныхъ мѣстностей. Рессоры экипажа были такъ плохи, что П. И. не былъ въ состояніи читать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнить данное Фр. Шлегелю обѣщаніе: прочесть 3-ью и 4-ую часть его сочиненій (Studium des classischen Alterthums), для извѣщенія въ русскомъ журналѣ объ этомъ новомъ изданіи его твореній.

Въ Прагѣ П. И. засталъ Палацкаго, съ которымъ видѣлся уже въ Пештѣ и въ Вѣнѣ, и съ нимъ отправился къ Добровскому, жившему въ Клейнзейте, по ту сторону рѣки, въ домѣ графа Ностица. Дорогою къ Добровскому Палацкій разсказалъ нѣсколько анекдотовъ, характеризовавшихъ необыкновенную доброту его сердца. Добровскій — роста довольно высокаго, сухощавый, сѣдой и нѣсколько согнутый—принялъ П. И-ча очень радушно и тотчасъ заговорилъ съ нимъ о вѣнскихъ славистахъ. Въ своихъ путевыхъ запискахъ П. И. отмѣтилъ, что для него прискорбно было слышать изъ устъ Добровскаго не совсѣмъ выгодное сужденіе о Копитарѣ, котораго онъ называлъ истиннымъ Краинцемъ, т. е. ненадежнымъ, приписывая ему-же рецензію о своей грамматикѣ, напечатанную Гриммомъ (въ Göttinger Gelehrte Anzeigen, 1823). П. И., по возможности, защищалъ Копитара [1]), которому какъ Добровскій, такъ и онъ самъ, обязаны за многія одолженія. «Одолженія его я не забуду», говорилъ аббатъ, «но для него, или вмѣстѣ съ нимъ, уже работать не стану. Онъ-то и Вука заставилъ писать нынѣшнія сербскія вещи, подъ тѣмъ предлогомъ (какъ сказано было въ бумагѣ, представленной полиціи), чтобы отдалить Сербовъ на всегда отъ Россіянъ. Копитаръ всегда вооружался противъ

1) Онъ не догадывался тогда, что «другъ» его Копитаръ, въ письмахъ къ Добровскому, отзывался о немъ-же нѣсколько презрительно.

всего русскаго». Какъ-бы для объясненія такого отзыва о Копитарѣ, П. И., въ своемъ дневникѣ, присовокупилъ: «Должно замѣтить, что Добровскому уже 70 лѣтъ[1]), что онъ привыкъ произносить рѣшительныя сужденія и не можетъ уже сносить противорѣчія». — Съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ Добровскій собраніе славянскихъ памятниковъ, привезенное П. И-чемъ, и дѣлалъ для себя отмѣтки. Этотъ послѣдній, съ тѣмъ-же вниманіемъ, знакомился съ рѣдкими старопечатными книгами на разныхъ славянскихъ языкахъ, находившимися въ библіотекѣ Добровскаго, въ которой онъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ, проводилъ многіе часы.

Другая личность, привлекшая Кеппена въ Прагу, былъ славистъ Вячеславъ Ганка, извѣстный издатель краледворской рукописи. Ганка, уже предувѣдомленный Копитаромъ о пріѣздѣ П. И-ча, принялъ его очень ласково и тотчасъ-же показалъ ему коллекціи народнаго музея, при которомъ онъ состоялъ хранителемъ. Съ Ганкою П. И. затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, состоялъ въ оживленной перепискѣ[2]), и лишь подъ старость лѣтъ, съ сокрушеніемъ сердца, пришлось ему убѣдиться въ нѣкоторыхъ недостойныхъ чертахъ этого своего «безцѣннѣйшаго» друга. Но тогда еще П. И. знакомство его почиталъ для себя «истиннымъ счастіемъ», какъ онъ выразился въ письмѣ къ Востокову[3]), въ которомъ, между прочимъ, значится: «о Ганкѣ я не имѣлъ того понятія, которое теперь только получилъ въ Прагѣ: онъ мастеръ своего дѣла». — Ганка подобно Добровскому въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, неусыпно разсматривалъ

---

1) Онъ родился въ 1753 году.

2) Подлинныя письма П. И-ча къ Ганкѣ хранятся въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ въ Прагѣ. Большинство ихъ отпечатано А. А. Кочубинскимъ, въ видѣ приложенія къ упомянутой его книгѣ: «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія»; на стр. CXVII—CXLIV. Письма-же Ганки къ Кеппену находятся въ матеріалахъ, завѣщанныхъ этимъ послѣднимъ Академіи Наукъ, и хранятся въ русскомъ отдѣленіи ея библіотеки.

3) Переписка А. Х. Востокова; стр. 55. — Письмо это отъ 12-го іюня 1823 г., изъ Варшавы.

русскіе памятники П. И-ча, который, въ своемъ дневникѣ, сознается, что въ Прагѣ на оные обратили большее вниманіе, чѣмъ въ Вѣнѣ. Ганка тотчасъ взялъ для списанія нѣкоторые болѣе замѣчательные образцы, въ томъ числѣ извѣстный намъ древній листокъ, подаренный Кеппену архіепископомъ Евгеніемъ (см. выше, на стр. 46). По поводу своего перваго свиданія съ Ганкою, П. И., въ своемъ дневникѣ, отмѣтилъ, что какъ *онъ,* такъ и Добровскій, а также и Копитаръ «всѣ очень большое имѣютъ почтеніе къ трудамъ Востокова». Изъ прочихъ ученыхъ, съ которыми П. И. имѣлъ совѣщанія въ Прагѣ, кромѣ уже названнаго Франца Палацкаго, слѣдуетъ упомянуть еще о профессорѣ Іос. Юнгманѣ, составителѣ обширнаго чешскаго словаря, и библіотекарѣ Францѣ Поссельтѣ [1]); въ сопровожденіи послѣдняго П. И. осматривалъ богатую библіотеку Пражскаго университета. Съ обоими онъ много толковалъ о языкѣ и литературѣ чеховъ.

Выше всѣхъ другихъ славистовъ П. И., по справедливости, ставилъ Добровскаго. Любопытно его нѣсколько наивное признаніе, высказанное въ дневникѣ слѣдующими словами: «Признаюсь, что при всемъ и великомъ уваженіи къ почтенному Александру Семеновичу Шишкову, я не могу не сказать самому себѣ, что Добровскій лучше всѣхъ нашихъ современниковъ знаетъ славянскій языкъ. Ему извѣстна большая часть существующихъ нынѣ нарѣчій и взаимное ихъ между собою отношеніе». Два обстоятельства вполнѣ извиняютъ П. И-ча въ такомъ сравненіи двухъ настолько противоположныхъ ученыхъ: [2]) во

---

1) Поссельтъ очень извинялся въ томъ, что, будучи избранъ членомъ-корреспондентомъ Ученаго Комитета Имп. Человѣколюбиваго Общества (въ С.-Петербургѣ), не могъ принять этого званія, такъ какъ не получилъ на то дозволенія со стороны Австрійскаго правительства.

2) По справедливому замѣчанію г. Кочубинскаго, сбивчивость понятій и изложенія составляетъ общую черту всѣхъ разсужденій Шишкова; между тѣмъ какъ Добровскій весьма успѣшно занимался строгою, научною этимологіею, т. е. тою наукою, которая служитъ не къ забавѣ, не къ удовлетворенію празднаго любопытства, но къ объясненію происхожденія языка и къ

первыхъ его глубокое уваженіе къ адмиралу Шишкову, который, по своимъ нравственнымъ качествамъ, таковое и вполнѣ заслуживалъ; и во вторыхъ то обстоятельство, что онъ не былъ лингвистъ.

Непосредственно послѣ приведенныхъ словъ, П. И., въ своемъ дневникѣ продолжаетъ: «При всемъ томъ Добровскій довольно скроменъ въ отношеніи къ такимъ предметамъ, которые остались имъ еще не опредѣленными; но отъ принятаго однажды мнѣнія его уклонить трудно». Это послѣднее замѣчаніе, повидимому, было сдѣлано подъ впечатлѣніемъ несочувственнаго отношенія Добровскаго къ изложенной ему П. И-чемъ теоріи перехода буквъ, въ соотвѣтствіи съ переходами тоновъ въ музыкѣ.

Помимо научныхъ занятій и бесѣдъ, П. И. не преминулъ познакомиться и съ другими достопримѣчательностями Праги. Въ сопровожденіи Добровскаго или Ганки, онъ осматривалъ церкви, монастыри, синагоги, еврейское кладбище, больницу милосердія (Spital der Barmherzigen Brüder), дворецъ Валленштейна, картинную галлерею, составленную любителями живописи изъ принадлежавшихъ имъ картинъ, и разныя другія достопримѣчательности. Въ университетской библіотекѣ П. И-ча заинтересовали книги съ рукописью Гусса, цѣлуемой протестантами; а также книга, въ которой представлено сожженіе Гусса, привязаннаго къ столбу, съ шапкою, на коей изображены черти: «Wie sich's gehört für einen Ketzer», замѣтилъ при этомъ, улыбаясь, Добровскій. П. И. засталъ Прагу весьма оживленною, такъ какъ въ бытность его (4 (16) мая) совершалось празднество Чешскаго патрона Іоанна Непомукскаго. Особенно много народа было на мосту со статуею патрона, надъ которою, для этого праздника, дѣлается покровъ — родъ часовни, а вся статуя украшается лампадами. Не безъинтересно еще замѣчаніе П. И-ча, что какъ въ самой Прагѣ, такъ и во всей Богеміи,

---

разрѣшенію труднѣйшихъ историческихъ проблемъ. См. объ этомъ любопытное изложеніе въ выше приведенной книгѣ А. А. Кочубинскаго, на стр. 19—36.

дома, принадлежащіе евреямъ, можно тотчасъ отличить отъ домовъ христіанъ: будучи свободны отъ постоя, но производя за то почти двойной платежъ податей, дома эти отъ прочихъ отличены римскими номерами, между тѣмъ, какъ на домахъ христіанъ номера выставляются арабскими цифрами.

Получивъ, при прощаніи, какъ отъ Добровскаго такъ и отъ Ганки, драгоцѣнные подарки (разные Fac simile и ихъ собственныя сочиненія), П. И., 10 (22) мая, оставилъ Прагу и отправился обратно въ Вѣну, куда прибылъ лишь 14 (26) числа. При въѣздѣ въ столицу, на таможнѣ, хотѣли отобрать у П. И-ча не только книги, но даже его дорожныя записки для отсылки въ цензуру; но, наконецъ умилостивились и дозволили ему съ Богомъ отправиться въ «Венгерскую корону», на старую квартиру.

Недѣли двѣ спустя послѣ его возвращенія П. И. взялъ паспортъ отъ Вѣнской миссіи для проѣзда въ Варшаву и обратно, и 30 мая (11 іюня) оставилъ Вѣну. Путь велъ черезъ Порлицъ (Погорлицъ), Бринъ [1]) (Brünn), Вишовъ, Олмицъ (Olmütz), Штернбергъ, Троповъ (Troppau), Тешенъ и Бѣлицу, гдѣ П. И. «не безъ прискорбія разстался съ Германіею и въѣхалъ въ Польшу».

Въ Краковѣ онъ побывалъ у профессора Бантке (Georg Samuel Bandtke), котораго, какъ обыкновенно, засталъ въ библіотекѣ; отъ него П. И. получилъ рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ Бреславцамъ. Посѣтилъ онъ также президента Водицкаго (Wodzicki), нашего резидента Зарѣцкаго (Zarzecki) и епископа Воронича (Woronicz).

Въ книжной лавкѣ Грабовскаго П. И. купилъ составленный Ганкою переводъ Пѣсни Игоря, чтеніе котораго очень занимало его на пути въ Варшаву. Путь этотъ пролегалъ черезъ Конское (Końskie), Старую весь и Рашинъ (Raszyn). Въ Варшаву П. И. прибылъ лишь 9 (21) іюня.

Тотчасъ-же послѣ своего пріѣзда П. И. послалъ свою визит-

---

1) Я пишу такъ, какъ имена эти значатся въ дневникѣ П. И-ча.

ную карточку Карлу Ив. Буссе, своему доброму Петербургскому знакомому, который немедленно навѣстилъ его, и тутъ-то пошли бесѣды о старинѣ и новостяхъ... На другой день П. И. посѣтилъ профессора и ректора Линде, извѣстнаго автора обширнаго польскаго словаря. Линде встрѣтилъ П. И-ча тѣмъ, что показалъ ему только-что оконченный переводъ исторіи россійской словесности Греча, къ которой онъ присовокупилъ и переводы статей Кеппена: «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи» и «Über Alterthum und Kunst in Russland». По этому поводу П. И. замѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Статься можетъ, что Линде могъ бы лучше употребить время, которое нужно было на приготовленіе сихъ переводовъ; но меня онъ этимъ по истинѣ обрадовалъ, сдѣлавъ мнѣ честь вовсе мною не ожиданную». П. И. охотно послѣдовалъ любезному приглашенію знаменитаго лексикографа посѣщать его какъ можно чаще и успѣлъ переговорить съ нимъ о многихъ интересовавшихъ его предметахъ. Между прочимъ, Линде предоставилъ П. И-чу право издать отдѣльно его «Grundsätze der Sprachforschung», находящіяся въ введеніи къ его словарю. Однажды Линде прочиталъ П. И-чу всю свою біографію, написанную имъ самимъ по требованію Брокгауза, издателя извѣстнаго Conversations-Lexicon. П. И. замѣчаетъ, что жизнеописаніе это любопытно потому, что читающій оное получаетъ, въ то же время, понятіе о ходѣ просвѣщенія, объ исторіи школъ и публичной библіотеки въ Польшѣ, и особенно въ самой Варшавѣ.

Въ сопровожденіи г-на Буссе, П. И. осматривалъ разныя достопримѣчательности Варшавы, въ томъ числѣ архивъ, который показывалъ ему графъ Іос. Сѣраковскій (Sierakowski), завѣдывавшій архивомъ; библіотеку графа Н. П. Новосильцова; національную публичную библіотеку, гдѣ П. И. нашелъ многое, его интересовавшее, о чемъ онъ распространяется въ своемъ дневникѣ. Здѣсь онъ познакомился съ библіотекаремъ Хлендовскимъ (Chłędowski), бывшимъ издателемъ литературнаго журнала, а также съ графомъ Тарновскимъ, который

пригласилъ его къ себѣ, для осмотра четырехъ замѣчательныхъ грамотъ XIV и XV вѣковъ, писанныхъ кирилловскими письменами. Получивъ на домъ эти грамоты, для списанія, П. И. изучалъ ихъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, вмѣстѣ съ Хлендовскимъ, сообщившимъ къ онымъ любопытныя примѣчанія. Емуже П. И. обязанъ интересными свѣдѣніями о разныхъ поселенцахъ въ Галиціи.

Нѣсколько разъ П. И. побывалъ у г. Веселовскаго, владѣльца весьма значительной и замѣчательной нумизматической коллекціи, среди которой академикъ Кёлеръ проводилъ цѣлые дни. П. И. отмѣтилъ о немъ слѣдующее въ своемъ дневникѣ: «Кто видитъ Веселовскаго въ первый разъ, занимающимся монетами, тотъ невольно вспомнитъ о Гарпагонѣ. Сухощавая его фигура, согбенный корпусъ, затруднительное передвиганіе ногъ, обутыхъ въ теплые сапоги; на немъ же длинная суконная фуфайка, голова почти безъ волосъ, лицо въ морщинахъ, руки сухія, осторожно вытягивающія ящички съ монетами, въ которыя вперлись глаза;... вотъ необыкновенная картина знающаго человѣка, который, оставшись не женатымъ, удалился отъ свѣтскаго образа жизни». Получить отъ него какую либо монету было совершенно невозможно, не смотря на то, что у него оказалось множество дублетовъ. Онъ накупилъ много монетъ въ Парижѣ, Лондонѣ и въ Италіи, и былъ въ сношеніи съ большею частію лучшихъ нумизматиковъ.

Съ своимъ пріятелемъ Буссе П. И. посѣтилъ и нѣкоторыя окрестности Варшавы: побывалъ въ Лазенкахъ, Бѣлянахъ и пр. Какъ въ Прагѣ, такъ и здѣсь онъ попалъ на народный праздникъ; а именно, наканунѣ Ивана Купала (23-го іюня н. ст.) на берегу Вислы и на мосту черезъ нее была большая толпа народа: дѣвушки бросали въ воду вѣнки, а юноши на лодкахъ гнались за ними и ловили ихъ; по судьбѣ вѣнка дѣвушки заключали о будущей своей судьбѣ.

25 іюня (7 іюля) П. И. оставилъ Варшаву, направляясь на Бреславль. Черезъ Блоню онъ отправился сперва въ Неборовъ,

имѣніе князя Радзивила, а отсюда въ близлежащую Аркадію, гдѣ находится камень съ неизвѣстною надписью, о которомъ въ своихъ сочиненіяхъ говорили г-жа Гутри[1]), А. Оленинъ[2]) и Риттеръ[3]). Бѣломраморный столбъ этотъ, найденный во времена Суворова, на берегу Кубани, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Екатеринодаръ, былъ посланъ въ С.-Петербургъ, къ князю Потемкину, а потомъ перевезенъ въ Аркадію княжною Еленою Радзивилъ. Въ своемъ дневникѣ П. И. тщательно срисовалъ изображенный на этомъ камнѣ крестъ и списалъ находящіяся на немъ надписи. Тутъ-же онъ высказываетъ свое убѣжденіе, что памятникъ этотъ никакъ нельзя отнести къ тѣмъ древнимъ до-Геродотовымъ временамъ, какъ полагали выше названные ученые, а что изъ одного изображенія большаго, а на немъ еще малаго креста, слѣдуетъ заключить, что самая глубокая древность этого памятника можетъ относиться лишь ко времени введенія на Кавказѣ христіанской вѣры. Списавъ еще нѣкоторыя римскія надписи, находившіяся тамъ-же на бѣломраморныхъ гробовыхъ плитахъ, а также полюбовавшись тамошнимъ, прекрасно разведеннымъ паркомъ, П. И., черезъ Ловичъ, отправился въ Калишъ, гдѣ его продержали около двухъ часовъ: въ самомъ городѣ три раза, а за городомъ два раза записали его паспортъ,—между тѣмъ какъ на пограничной прусской таможнѣ только взглянули на оный и, даже не записавъ его, отпустили П. И-ча безъ дальнѣйшихъ остановокъ.

Въ Бреславлѣ (Вратиславѣ), куда П. И. прибылъ 30 іюня (12 іюля), онъ, на другой-же день, осмотрѣлъ внимательно университетскую библіотеку, въ которой однако-же нашелъ мало славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Изъ универси-

---

1) M. Guthrie. A tour performed in the years 1795 and 1796 through the Taurida. (London, 1802); p. 413.

2) Письмо къ графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутараканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 г. (1806), стр. 34—36, и табл. VII.

3) C. Ritter. Die Vorhalle Europäischer Völkergeschichten vor Herodotus. (Berlin, 1820); p. 221—225.

тетскихъ профессоровъ П. И. видѣлся всего чаще съ Бюшингомъ (Joh. Gust. Büsching), который показалъ ему, между прочимъ, музей Силезскаго Общества, а также кабинетъ древностей при университетѣ; въ этомъ послѣднемъ вниманіе П. И-ча остановилось на руническомъ шестѣ (Runenstab), на ребрѣ котораго была надпись, очень сходная съ надписью на вышеупомянутомъ крестѣ, списанною имъ въ Аркадіи. Съ любопытствомъ осмотрѣлъ онъ также Редигерскую библіотеку при Елисаветской гимназіи, основанную магистратомъ еще въ 1557 году; здѣсь онъ видѣлъ нѣсколько рѣдкихъ славянскихъ старопечатныхъ книгъ.

6 (18) іюля П. И. выѣхалъ изъ Бреславля обратно въ Вѣну, черезъ крѣпость Глацъ, откуда завернулъ на минеральныя воды въ Кудовѣ, гдѣ посѣтилъ Петербургскихъ близкихъ знакомыхъ— семейства Вюрстъ и Лихтенштетъ. Затѣмъ онъ побывалъ еще на водахъ въ Рейнерцѣ и Ландекѣ, откуда, черезъ Іоганнесбергъ и Штернбергъ, направился въ Ольмюцъ. Посѣтивъ здѣсь библіотеку, П. И., черезъ Бринъ (Брюннъ), проѣхалъ въ Вѣну, куда возвратился вечеромъ 13 (25) іюля.

О своемъ дальнѣйшемъ житьѣ-бытьѣ въ Вѣнѣ, продолжавшемся до конца ноября ст. ст., П. И., въ своихъ путевыхъ запискахъ, не оставилъ почти никакихъ показаній. Сначала онъ еще помышлялъ о поѣздкѣ въ Италію съ своимъ другомъ А. С. Березинымъ, и съ этою цѣлію, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, занимался италіянскимъ языкомъ у учителя, приходившаго два раза въ недѣлю. Но денежныя дѣла молодого Березина приходили все въ большее и большее разстройство. Уже въ сентябрѣ 1822 г., за неимѣніемъ у него денегъ, П. И. вынужденъ былъ продать золотые часы, подаренные ему канцлеромъ графомъ Румянцовымъ (см. выше, стр. 56); кризисъ этотъ значительно усилился въ апрѣлѣ 1823 г., когда Алексѣй Сергѣевичъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, не былъ въ состояніи уплачивать хозяину «Венгерской короны», въ которой они квартировали. Неоднократно П. И. приходилось занимать деньги у г. Дири

(Diry), хозяина «Бѣлаго волка», т. е. той гостиницы, въ которой онъ часто обѣдалъ вмѣстѣ съ Копитаромъ. Наконецъ, когда П. И. уже отдалъ шубу свою, для прiисканiя ей покупщика, г. Березинъ получилъ изъ Россiи деньги. Однакоже разстройство по имѣнiю своего друга не дозволяло П. И-чу пользоваться долѣе его благорасположенiемъ, и они рѣшились разстаться [1]). Алексѣй Сергѣевичъ, въ октябрѣ 1823 г., готовился къ отъѣзду въ Италiю, а П. И. намѣревался объѣхать Германiю. Трогательны слова, написанныя Березинымъ въ альбомъ П. И-ча, наканунѣ своего отъѣзда, 26-го октября (7 ноября) 1823 года:... «Просьба одна—памяти Вашей прошу; мысль остаться живымъ въ оной—послѣднее желанiе по гробъ мой». Гробъ этотъ вскорѣ закрылъ бренные останки симпатичнаго юноши: онъ скончался въ августѣ 1824 года, въ Джирдженти (древнемъ Agrigentum, въ Сицилiи), гдѣ католики даже не хотѣли ему уступить мѣста на своемъ кладбищѣ [2]).

Во время послѣдняго своего пребыванiя въ Вѣнѣ, П. И-чу пришлось отразить жестокое нападенiе академика Кёлера (H. v. Köhler) на изданную имъ книгу о древностяхъ по сѣверному берегу Понта. Строгая и придирчивая критика «монософа» Кёлера (какъ П. И. обзываетъ его въ своемъ путевомъ дневникѣ), конечно, очень огорчила П. И-ча. Но онъ искусно отпарировалъ большинство замѣчанiй Кёлера, въ особой статьѣ озаглавленной «Nachhall vom Nordgestade des Pontus», въ которой П. И., между прочимъ, указалъ своему строгому критику, что и онъ самъ далеко не на столько непогрѣшимъ, какъ онъ о себѣ думаетъ.

---

1) Объ этомъ упоминаетъ и канцлеръ графъ Румянцовъ, въ письмѣ къ митрополиту Евгенiю отъ 4 декабря 1823 года: «Г. Аделунгъ пишетъ, что онъ къ февралю мѣсяцу ожидаетъ въ Петербургъ г. Кеппена. Онъ, кажется, вынужденъ къ скорому возвращенiю тѣмъ, что спутникъ его совершенно разстроилъ свои экономическiя дѣла. См. Переписку Евгенiя, стр. 88.

2) Составленный П. Кеппеномъ некрологъ А. С. Березина отпечатанъ въ издававшихся имъ «Библiографическихъ Листахъ», 1825 г., № 15, столб. 216—220. — Алексѣй Сергѣевичъ родился въ С.-Петербургѣ 12-го Февраля 1800 года.

Кромѣ этого отголоска (писаннаго въ октябрѣ 1823 г.), П. И. въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Вѣнѣ, разработалъ еще двѣ статьи: 1) Біографическій очеркъ С. Г. Линде; и 2) Извѣстіе о нѣкоторыхъ мало или вовсе неизвѣстныхъ древностяхъ, находящихся въ Венгріи, Трансильваніи и Польшѣ[1]).

Послѣ отъѣзда А. С. Березина въ Италію, П. И. оставался въ Вѣнѣ еще ровно мѣсяцъ, т. е. до 26 ноября (8 декабря) 1823 г. Наканунѣ отъѣзда П. И-ча Гаммеръ принесъ ему пакетъ изъ Парижа, а въ немъ письма Летронна, Газе, Мальтебрена и Рауль-Рошета, которые звали его въ Парижъ, для чего однако-же у него не доставало денежныхъ средствъ.

Сводя результатъ продолжительнаго пребыванія П. И-ча въ Вѣнѣ и поѣздокъ его по Австрійскимъ владѣніямъ, можемъ повторить то, что сказалъ объ этомъ А. А. Кочубинскій[2]), предпославшій упомянутое нами выше (на стр. 54) замѣчаніе митрополита Евгенія, что П. И. *тощъ* не возвратится: «Въ расчетѣ своемъ Евгеній не ошибся. Путешествіе энергическаго Кеппена по Австріи, по ея славянскимъ землямъ, составило извѣстнаго рода эпоху въ развитіи славяновѣдѣнія *у насъ*, съ многообразными послѣдствіями въ ближайшемъ и болѣе отдаленномъ будущемъ. Но оно было съ значеніемъ и для *нихъ*, самихъ славянъ Австріи. Кеппенъ *тощъ* не возвратился уже по тому одному, что, открывъ личныя знакомства съ выдающимися дѣятелями того времени среди австрійскихъ славянъ, онъ сталъ, вѣрный себѣ, энергическимъ посредникомъ между молодою наукою Россіи и славянскими учеными силами Австріи — словомъ и дѣломъ».

Наконецъ настадъ день отъѣзда изъ Вѣны въ Мюнхенъ, куда П. И. собирался съѣздить еще съ А. С. Березинымъ. По

1) Обѣ статьи (на нѣмецкомъ языкѣ) отпечатаны въ Вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur».

2) «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ»; стр. 199.

мнѣнію г. Кочубинскаго[1]), мысль свернуть и побывать самому въ Мюнхенѣ явилась у него, вѣроятно, подъ вліяніемъ бесѣды съ Добровскимъ, ведшимъ уже болѣе десяти лѣтъ переговоры съ Копитаромъ объ изданіи находящихся тамъ знаменитыхъ Фрейзингенскихъ отрывковъ. Считаемъ дѣйствительно весьма вѣроятнымъ, что желаніе познакомиться съ этимъ древнѣйшимъ памятникомъ словенской письменности, укрѣпило въ немъ намѣреніе посѣтить столицу Баваріи. 26 ноября (8 декабря) П. И. покинулъ Вѣну, побывавъ еще у Копитара, и на слѣдующій день былъ въ Мёлкѣ (Stift Mölk), гдѣ онъ посѣтилъ монастырь, одинъ изъ славнѣйшихъ Австріи. Затѣмъ онъ полъ-дня провелъ въ Линцѣ и лишь 2 (14) декабря, утромъ, прибылъ въ Ландсгутъ, гдѣ, въ тѣ времена, находился университетъ, съ нѣсколькими знаменитыми профессорами. Изъ нихъ П. И-ча особенно интересовали географъ Маннертъ и однофамилецъ его, философъ Фридрихъ Кеппенъ (Friedrich Köppen). Съ первымъ онъ много бесѣдовалъ о древней географіи и этнографіи Россіи, а со вторымъ старался, между прочимъ, удостовѣриться въ томъ, не состоятъ-ли они въ родствѣ, съ каковою цѣлью были сличаемы обоюдныя родословныя, которыя однакоже не привели къ желанному результату. Профессоръ Кеппенъ наружностію своею нѣсколько напоминалъ П. И-чу его покойнаго отца.

Въ своемъ путевомъ дневникѣ онъ отмѣтилъ по этому поводу слѣдующее: «Вообще, чѣмъ болѣе я ко всему присматривался, тѣмъ болѣе я вспоминалъ объ отцѣ моемъ и, оставивъ Ландсгутъ, мнѣ казалось, что я имѣлъ счастіе повидаться съ покойнымъ моимъ родителемъ»... Вмѣстѣ съ профессоромъ Шультесомъ (Schultes), преподавателемъ зоологіи и спеціальной терапіи, П. И. осмотрѣлъ университетскую библіотеку, заключавшую въ то время до 120,000 томовъ. Съ большимъ интересомъ онъ прослушалъ еще по одной лекціи у трехъ профессоровъ: Маннерта, Кеппена и Аста (по филологіи). Съ осо-

---

1) Въ привед. мѣстѣ, на стр. 201.

беннымъ уваженіемъ П. И. отзывается о старикѣ Маннертѣ, въ которомъ онъ нашелъ правдиваго, безпристрастнаго, къ тому же очень миролюбиваго ученаго [1]). Пробывъ три дня въ Ландсгутѣ, П. И. отправился въ Мюнхенъ, куда прибылъ вечеромъ 5 (17) декабря.

Не станемъ распространяться о житьѣ П. И-ча въ столицѣ Баваріи, въ которой онъ пробылъ слишкомъ двѣ недѣли [2]). Научныя его занятія наиболѣе сосредоточивались въ нумизматическомъ кабинетѣ и въ королевской библіотекѣ, содержавшей уже тогда до 400,000 томовъ. Здѣсь П. И. списалъ выше упомянутые «Фрейзингенскіе отрывки» (или «статьи»); открытые первоначально барономъ Аретиномъ въ весьма древней латинской рукописи, принадлежавшей нѣкогда Фрейзингенскому монастырю св. Корбиніана, въ Баваріи [3]). — Изъ выдающихся ученыхъ, съ которыми П. И. имѣлъ дѣло въ Баварской столицѣ, назовемъ профессора Тирша (F. W. Thiersch), съ которымъ онъ бесѣдовалъ объ устройствѣ училищъ, а также оберъ-библіотекаря Шерера, который подробно изложилъ ему свою теорію звуковъ, основанную на анатоміи и физіологіи органовъ рѣчи, и тогда-же высказалъ желаніе, дабы при изданіи сравнительныхъ словарей употреблена была установленная имъ общая азбука.

Утромъ 20 декабря 1823 г. (1 января 1824 г.) П. И. оставилъ Мюнхенъ и черезъ Аугсбургъ проѣхалъ въ Штутгартъ. Здѣсь онъ пробылъ четыре дня (съ 24-го по 28 декабря стар. ст.) и успѣлъ осмотрѣть наиболѣе примѣчательныя учрежденія; въ томъ числѣ королевскую библіотеку. Отсюда П. И., 28-го де-

1) Прочитавъ какъ статью Кёлера противъ П. И-ча, такъ и отвѣтъ сего послѣдняго, Маннертъ при прощаніи сказалъ ему. «Was mir besondere Achtung für Sie eingeflösst hat, ist Ihre Antwort an Köhler. Mir gefiel besonders die Festigkeit, die Sie darin zeigen. Aber Ihr Gegner, o! der ist ja ein ganzer Flegel!».

2) А не всю зиму съ 1823 на 1824 г., какъ ошибочно значится у Кочубинскаго (въ прив. мѣстѣ, на стр. 201).

3) Какъ мы увидимъ, П. И. впослѣдствіи издалъ эти знаменитые отрывки, съ объясненіями А. Х. Востокова.

кабря (9 января), отправился черезъ Лудвигсбургъ и Гейльброннъ въ Гейдельбергъ, гдѣ онъ (по его словамъ, въ автобіографической запискѣ) провелъ «едва-ли не интереснѣйшіе дни своего путешествія по чужимъ краямъ, въ бесѣдахъ съ ратоборствовавшими между собою первостепенными учеными Крейцеромъ (G. F. Creuzer) и Фоссомъ (J. H. Voss)». Съ Крейцеромъ, отличнымъ филологомъ и археологомъ, знаменитымъ авторомъ «символики и миѳологіи древнихъ народовъ», П. И. говорилъ преимущественно объ ольвійскихъ и другихъ монетахъ, найденныхъ въ южной Россіи. Особенно оживленно онъ бесѣдовалъ съ «грознымъ» Фоссомъ, очень извѣстнымъ переводчикомъ Гомера, перессорившимся въ то время почти со всѣми филологами.

Очень любопытны характеристики разныхъ ученыхъ, данныя Фоссомъ и записанныя П. И-чемъ въ своемъ дневникѣ[1]). Довольно высокій, сухощавый, 72-лѣтній старикъ принялъ его очень благосклонно и заставилъ его приходить къ себѣ нѣсколько дней сряду. Разговаривая, онъ неоднократно перемѣнялъ пару башмаковъ, которые ставилъ на печь, для согрѣванія ногъ. Перебравъ цѣлую массу ученыхъ, Фоссъ коснулся и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и пресловутой баронессы Крюденеръ, съ которою онъ столкнулся гдѣ-то на водахъ; о ней онъ замѣтилъ, что побесѣдовавъ съ нею часа два или три (причемъ она говорила почти все время одна), онъ изъ всего ея разговора ничего не понялъ и вынесъ лишь убѣжденіе, что «у нея что-то было уже не въ порядкѣ». — Изъ прочихъ ученыхъ, съ которыми П. И. познакомился въ Гейдельбергѣ, слѣдуетъ назвать профессора минералогіи и геологіи Леонгарда (K. C. v. Leonhard), къ которому онъ сходилъ по порученію г. Панснера (въ С.-Петербургѣ), а также проф. богословія Паулуса (H. E. G. Paulus) и проф. исторіи Моне (Fr. J. Mone), того самаго, коего «исторія язычества въ сѣверной Европѣ» П. И. нѣкогда

1) Здѣсь посвящено этимъ бесѣдамъ цѣлыхъ 14 страницъ.

мало удовлетворила (см. выше, на стр. 68); онъ самъ сознавался, что недоволенъ тѣмъ, что писалъ о славянскомъ баснословіи, и жаловался, что не имѣлъ нужныхъ источниковъ для отдѣлки этой статьи[1]).

2 (14) января 1824 г. П. И. оставилъ прекрасный Гейдельбергъ и отправился въ Мангеймъ, гдѣ его, между прочимъ, поразило горячее воспоминаніе о Зандѣ, убійцѣ Авг. Коцебу: такъ, напр., одна старуха хвалилась, что она имѣетъ кусочекъ дерева, окропленный его кровію, и что не отдала его Гейдельбергскимъ студентамъ, предлагавшимъ ей порядочную сумму за такую «святыню»; молодыя Мангеймскія дѣвушки долго носили при себѣ волоса Занда, обагренные его кровію..[2]). Не заставъ въ Мангеймѣ извѣстнаго палеографа Коппа (Ulr. Friedr. Kopp), П. И. вскорѣ проѣхалъ въ Майнцъ, гдѣ онъ побывалъ у профессора Лене (Lehne), извѣстнаго по своимъ собраніямъ тамошнихъ (большею частію римскихъ) древностей. Тутъ-же онъ повидался съ г. Фаберомъ (Theodor v. Faber)[3]), съ которымъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ. Фаберъ разсказалъ ему свои многочисленныя похожденія, когда онъ былъ еще французскимъ солдатомъ, а затѣмъ два года въ плѣну у Австрійцевъ, какъ ему удалось бѣжать и возвратиться во Францію, и т. д. По его словамъ, онъ первый писалъ противъ Наполеона и предсказалъ ему его судьбу; впослѣдствіи онъ успѣлъ возобновить сношенія съ Россіею, своею родиною (онъ родился въ Ригѣ, въ 1768 году), и былъ призванъ въ Вильно профессоромъ, но, по приглашенію князя Чарторыйскаго, тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, тотчасъ-же отправился въ С.-Петербургъ.

---

1) Впослѣдствіи, въ Касселѣ, П. И. говорилъ о Моне съ Як. Гриммомъ, по мнѣнію котораго, упомянутое сочиненіе его, въ отношеніи къ нѣмецкимъ древностямъ, вовсе не годится. По замѣчанію Гримма, Моне не безъ дарованій, но Крейцеръ слишкомъ торопилъ его,—вотъ отчасти причина неудачи.

2) Извѣстно, что Зандъ (Karl Ludw. Sand) казненъ въ Мангеймѣ 20-го мая 1820 года.

3) См. его біографію въ Recke und Napiersky, Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon. Bd. I, p. 543—545.

Онъ-же подалъ первую мысль объ изданіи здѣсь французской газеты, подъ названіемъ «Conservateur impartial». Послѣ Тильзитскаго мира, Фаберъ, по желанію французскаго посольства, долженъ былъ удалиться въ Лифляндію; но впослѣдствіи, при перемѣнившихся отношеніяхъ Россіи къ Франціи, онъ въ 1811 году, издалъ свои «Прогулки по Петербургу»[1]), чѣмъ опять обратилъ на себя вниманіе русскаго правительства, которое призвало его къ арміи. О Московскомъ пожарѣ Фаберъ первый сообщилъ бывшему при нашей арміи министру Штейну, который сначала встревожился, но тутъ-же замѣтилъ: «тѣмъ лучше; теперь мы навѣрно одержали верхъ».

Изъ Майнца П. И. проѣхалъ во Франкфуртъ на Майнѣ. Здѣсь онъ, по рекомендаціи г-на Фабера, посѣтилъ только что названнаго, знаменитаго прусскаго министра барона Штейна, который долго бесѣдовалъ съ нимъ о Россіи и, между прочимъ, не одобрялъ военныхъ поселеній.

Далѣе П. И. побывалъ у тайнаго совѣтника Гернинга (v. Gerning), имѣвшаго большія собранія разныхъ рѣдкостей и описавшаго древности окрестностей Франкфурта, въ особенности такъ назыв. *Pfahlgraben*[2]), который, по его мнѣнію, древнѣе пребыванія въ сихъ мѣстахъ Римлянъ. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности этого города, въ томъ числѣ знаменитую «Аріадну» Даннекера и зданіе «Römer», въ которомъ происходила коронація германскихъ императоровъ, П. И., 9 (21) января, отправился, черезъ Гисенъ и Марбургъ, въ Кассель, куда прибылъ лишь на слѣдующій день, вечеромъ. Здѣсь онъ поспѣшилъ къ своему бывшему учителю въ Харьковскомъ университетѣ, профессору Роммелю, съ которымъ вспоминалъ старыя времена и много бесѣдовалъ о древностяхъ южной Россіи и Кавказа. Наиболѣе выдающимся ученымъ, съ которымъ П. И. познакомился въ Касселѣ, былъ знаменитый германистъ Якобъ Гриммъ, со-

1) Bagatelles. Promenades d'un Desoeuvré dans la ville de St. Pétersbourg.

2) Не есть-ли это первое упоминаніе сдѣлавшихся впослѣдствіи столь знаменитыми свайныхъ построекъ (Pfahlbauten)?

стоявшій библіотекаремъ при тамошней библіотекѣ и любезно показавшій П. И-чу всѣ достопримѣчательныя славянскія рукописи и книги, хранящіяся въ этомъ учрежденіи. Осмотрѣвъ также и тамошнюю картинную галлерею, а также «кабинетъ антиковъ», П. И., 14 (26) января, отправился въ Геттингенъ.

Здѣсь П. И. имѣлъ случай завести въ высшей степени интересныя знакомства съ тремя профессорами Геттингенскаго университета: со старикомъ Эйхгорномъ (Joh. Gottfr. Eichhorn), отличнымъ оріенталистомъ и историкомъ, съ Гэреномъ (Arn. Herm. Ludw. Heeren), очень извѣстнымъ авторомъ классическаго сочиненія «Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt», и, наконецъ, съ знаменитымъ естествоиспытателемъ Блуменбахомъ (Joh. Friedr. Blumenbach). У этого послѣдняго П. И. познакомился съ докторомъ Пертцомъ (G. H. Pertz), котораго давно зналъ по разсказамъ Копитара и Горвата; встрѣтивъ другъ друга какъ старые знакомые, они вскорѣ сблизились. П. И. посѣтилъ въ Геттингенѣ еще г-жу Родде, дочь знаменитаго исторіографа Авг. Шлецера, очень ученую даму, владѣтельницу весьма значительной библіотеки.—Въ ночь на 19 (31) января П. И., вмѣстѣ съ г. Пертцомъ, отправился обратно въ Кассель[1]), а 21 января (2 февр.) проѣхалъ, черезъ Эйзенахъ, въ Готу. Здѣсь онъ побывалъ у извѣстнаго филолога, романиста Якобса (Chr. Fr. Wilh. Jacobs) и у историка Укерта (Fr. Aug. Ukert), который показалъ ему хранимыя въ тамошней библіотекѣ двѣ русскія грамоты (одна царя Алексѣя Михаиловича, другая царей Іоанна и Петра Алексѣевичей); Укертъ познакомилъ П. И-ча съ Гоффомъ (K. E. Ad. v. Hoff), авторомъ весьма важнаго сочиненія объ измѣненіяхъ земной поверхности[2]), которое Блуменбахъ

1) Въ письмѣ къ П. И-чу, отъ 8 (20) мая 1825 г., Пертцъ съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаетъ объ этой поѣздкѣ. Къ письму этому было приложено объявленіе на подписку «Monumenta historica Germaniae», которые Пертцъ тогда только началъ издавать.

2) Geschichte der durch Überlieferung nachgewiesenen natürlichen Veränderungen der Erdoberfläche. (5 Bde. Gotha, 1822—1841).

ему очень хвалилъ. Побывавъ еще въ нумизматическомъ кабинетѣ, гдѣ ему удалось точнѣе опредѣлить нѣкоторыя боспорійскія монеты, П. И., 25 января (6 февр.) отправился, черезъ Эрфуртъ, въ Веймаръ.

Въ Веймарѣ, въ то время, жилъ еще Гёте, и вокругъ его былъ собранъ цѣлый кружокъ его почитателей и обожателей, какъ мужчинъ такъ и дамъ. Со многими изъ нихъ П. И-чу удалось познакомиться, частію уже въ самый день своего пріѣзда. По своемъ прибытіи въ Веймаръ, онъ посѣтилъ оберъ-консисторіальрата Гюнтера (W. Chr. Günther), который пригласилъ его идти съ нимъ къ одному изъ своихъ пріятелей, г-ну Конта (Conta), гдѣ въ этотъ день собиралось общество («Theegesellschaft»). Тутъ П. И. познакомился, м. пр., съ извѣстною писательницею Іог. Шопенгауеръ (Johanna Schopenhauer, матерью знаменитаго философа Артура Шопенгауера), которая была центромъ литературнаго кружка, посѣщаемаго и самимъ Гёте, — а также съ ея дочерью Adele, которая, по словамъ Веймарцевъ, была чуть-ли не еще остроумнѣе своей матери, но высказывала убѣжденіе, что женщины не должны авторствовать [1]). Тутъ-же П. И. познакомился еще съ г. Струве, нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Веймарскомъ дворѣ, съ докторомъ Фрорипомъ (Fr. Ludw. v. Froriep), извѣстнымъ издателемъ журнала: «Notizen aus dem Gebiete der Natur-und Heilkunde», завѣдывавшимъ тамошнимъ «Landes-Industrie-Comptoir», и съ нѣкоторыми другими. — Съ Гюнтеромъ П. И., на другой день, посѣтилъ библіотеку, гдѣ въ то время царствовалъ Фульпіусъ [2]) (Chr. Aug. Vulpius), шуринъ Гёте и авторъ извѣстнаго разбойничьяго романа «Rinaldo Rinaldini»; о немъ П. И., въ своемъ путевомъ дневникѣ, отозвался, что «на бѣду этотъ авторъ иногда запиваетъ, и сужденія

1) Однакоже впослѣдствіи она измѣнила такому убѣжденію: въ 1844 и 1845 г. напечатаны нѣсколько ея разсказовъ и романовъ.

2) Такъ пишетъ П. Кеппенъ; обыкновенно-же выговариваютъ: Вульпіусъ.

его о древностяхъ, коими онъ теперь преимущественно занимается, иногда также походятъ на — странности. Увѣряютъ, что великій герцогъ запретилъ ему упиваться до обѣда, когда онъ самъ иногда посѣщаетъ библіотеку».

Жаждавши повидать славнѣйшаго германскаго поэта и Веймарскаго министра въ его домашней обстановкѣ, П. И. добился аудіенціи у Гёте. По совѣту Гюнтера, онъ предварительно вручилъ статьи свои его сыну, тайному каммеррату Гёте. Тотъже Гюнтеръ и другіе его Веймарскіе знакомые предупреждали П. И-ча, что пріемъ будетъ зависѣть отъ комнаты, въ которой Гёте рѣшится его принять. На бѣду онъ принялъ П. И-ча въ комнатѣ, гдѣ онъ соблюдалъ этикетъ («wo er in der Schnürbrust erscheint»), и былъ сухъ и молчаливъ. Съ уныніемъ П. И. замѣчаетъ, въ своемъ дневникѣ, про это свиданіе: «Все зависитъ отъ его минутнаго расположенія. До сего времени я зналъ только свободнаго поэта, высокочтимаго автора, — а теперь я видѣлъ предъ собою человѣка, зависящаго отъ случая, отъ пищи, желудка, сна и пр.». Однакоже, едва-ли можно винить славнаго поэта, если вспомнить, какъ надоѣдали ему многочисленные докучливые посѣтители... За такую неудачу П. И. былъ вознагражденъ необыкновенно милостивымъ и почетнымъ пріемомъ при Веймарскомъ дворѣ. По настоянію г. Струве, нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, П. И. явился къ Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, супругѣ наслѣднаго великаго-герцога Карла-Фридриха, и былъ принятъ весьма ласково Ея Высочествомъ, которая много разспрашивала его о его путешествіяхъ, была знакома съ его письмомъ къ Калайдовичу, напечатаннымъ въ «Сѣверномъ Архивѣ», и пригласила его представиться ея мужу, а затѣмъ быть у нея на вечерѣ. Тутъ П. И. былъ представленъ гофмаршаломъ великому герцогу Карлу Августу (знаменитому покровителю и другу Гёте) и его супругѣ. На другой день П. И. былъ приглашенъ къ обѣду у великаго герцога Карла Августа, гдѣ онъ долженъ былъ занять мѣсто подлѣ самого великаго герцога, который много разспрашивалъ его о Венгріи и Трансиль-

ваніи и, въ разговорахъ своихъ, коснулся, между прочимъ, и причинъ низкаго стоянія воды въ Каспійскомъ морѣ. При прощальной аудіенціи у Великой Княгини Маріи Павловны, Ея Высочество вручила П. И-чу письмо говоря: «Вы не просили у меня рекомендаціи къ моей матушкѣ (вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ), но я сама приготовила Вамъ ее»... Нѣсколько разъ П. И. побывалъ у г-жи Шопенгауеръ, проводя время въ бесѣдѣ какъ съ нею самою, такъ и съ ея весьма обходительною дочерью. Вообще, въ Веймарѣ, были заведены имъ многочисленныя знакомства. На вечерѣ у г. Струве П. И. познакомился, м. пр., съ г. Фрейгангомъ, нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Лейпцигѣ. А наканунѣ своего отъѣзда, онъ, къ крайнему своему удивленію, встрѣтился на улицѣ съ Вукомъ Стефановичемъ, который, съ первымъ томомъ своихъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, явился въ Веймаръ, для поднесенія его Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ.

Пробывъ въ Веймарѣ болѣе недѣли, П. И., 3 (15) февраля отправился въ Іену. Здѣсь онъ нѣсколько разъ видѣлся съ своимъ несчастнымъ Харьковскимъ учителемъ, профессоромъ философіи Шадъ[1]). Первое появленіе его тронуло П. И-ча до слезъ. Онъ много разсказывалъ о томъ, какъ его везли изъ Россіи, изъ которой онъ былъ удаленъ по причинѣ, оставшейся ему неизвѣстною. Не взирая на прежнія несчастія, онъ былъ бы радъ возвратиться въ Россію, куда желалъ-бы отправить и своего единственнаго сына, которому въ то время, было 22 года отъ роду. При отъѣздѣ П. И-ча изъ Іены, добрый старикъ проводилъ его, въ дилижансѣ, до первой станціи, откуда пѣшкомъ возвратился домой. — Изъ другихъ ученыхъ, съ которыми П. И. успѣлъ познакомиться въ Іенѣ, слѣдуетъ назвать знаменитаго естествоиспытателя Окена (Lorenz Oken), латиниста Эйхштета (H. K. A. Eichstädt) и оріенталиста Козегартена (J. G. L.

1) Позволяемъ себѣ указать на то, что выше было сказано о жизни и печальной участи этого бѣглаго монаха. См. стр. 13.

Kosegarten). — Изъ Іены П. И. направился въ Геру, куда его влекло желаніе повидаться съ проживавшимъ долгое время въ С.-Петербургѣ издателемъ журнала «Journal von Russland» (съ 1794 по 1796 г.), оберъ-консисторіальратомъ Буссе (Joh. Heinr. Busse) и его семействомъ[1]). Отсюда П. И., черезъ Альтенбургъ, проѣхалъ въ Лейпцигъ, куда прибылъ 9 (21) февраля. Тутъ онъ представился славному еллинисту Герману (J. G. J. Hermann), съ которымъ бесѣдовалъ о своемъ сочиненіи о Гекатѣ, и познакомился, м. пр., съ извѣстнымъ филологомъ, историкомъ и критикомъ Дан. Бекомъ (Chr. Dan. Beck). П. И. посѣтилъ также нашего генеральнаго консула Фрейганга, который отличаясь набожностью и мистическимъ направленіемъ, много говорилъ о своемъ истинно-христіанскомъ расположеніи, о томъ, что онъ до глубины души проникнутъ истиною вѣры, и проч. На это П. И. далъ ему характеристическій отвѣтъ: «Я не принадлежу ни къ какой сектѣ, простой гражданинъ, люблю отечество, вѣренъ царю, и ненавижу ханжество. Тѣ, которые столько твердятъ о вѣрѣ, рождаютъ подозрѣніе»...

11 (23) февраля П. И. проѣхалъ въ Галле, гдѣ, по настоятельному приглашенію профессора Якоба, бывшаго своего Харьковскаго учителя, поселился въ его домѣ и воспользовался гостепріимствомъ его и его семейства въ теченіе почти 10 дней. Младшая дочь Тереза, въ то время много занималась поэзіею: переводила сербскія пѣсни Вука Стефановича, участвовала въ «Literarisches Conversations-Blatt», издававшемся Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и пр. Весьма обрадовало П. И-ча письмо къ нему митрополита Евгенія, которое было привезено сюда Вукомъ Стефановичемъ. Въ Галле П. И. познакомился со многими учеными. Первый визитъ онъ сдѣлалъ извѣстному лингвисту и грамматику, профессору Фатеру (Joh. Sev. Vater), состоявшему въ оживленной перепискѣ съ Ѳ. П. Аделунгомъ; онъ благода-

1) Съ сыномъ его, К. И. Буссе, П. И. видѣлся въ Варшавѣ, о чемъ упомянуто выше, на стр. 76.

рилъ какъ его самого, такъ и жену его, за милости, оказанныя профессору Шадъ, когда онъ, въ самомъ несчастномъ положеніи, прибылъ изъ Россіи въ Кенигсбергъ. Вука Стефановича, который, въ это время, также былъ въ Галле, П. И. засталъ за корректурою послѣднихъ листовъ сербской грамматики. Затѣмъ онъ побывалъ у профессора богословія Нимейера (Aug. Herm. Niemeyer), канцлера тамошняго университета,— необыкновенно бодраго, 70-ти лѣтняго старца, завѣдывавшаго замѣчательнымъ сиротскимъ домомъ. Изъ прочихъ ученыхъ, съ которыми П. И. познакомился въ Галле, назовемъ: обоихъ издателей извѣстной энциклопедіи, Эрша (Joh. Sam. Ersch) и Грубера (Joh. Gottfr. Gruber); историка Крузе (F. K. Herm. Kruse), впослѣдствіи профессора Дерптскаго университета. Очень интересно было знакомство съ романистомъ Лафонтеномъ (Aug. Heinr. Jul. Lafontaine), къ которому повелъ П. И-ча проф. Якобъ.— Любопытны замѣтки П. И-ча о тогдашней студенческой жизни: то было время гоненій, которымъ подвергались университеты, вскорѣ послѣ убіенія Коцебу фанатикомъ Зандомъ. Такъ, въ бытность П. И-ча въ Галле, доценту Шюцу было запрещено чтеніе лекцій, а нѣсколько студентовъ были отвезены въ Берлинъ и посажены въ тюрьму. Частое подобное отправленіе студентовъ подало поводъ къ слѣдующей надписи, прибитой въ университетѣ на черной доскѣ: «Кому угодно вѣрно и съ провожатыми ѣхать въ Берлинъ, можетъ адресоваться къ N. (имя полицейскаго). Отправленіе бываетъ каждыя сутки, въ ночное время». При университетѣ состоялъ попечитель (или директоръ), поставленный отъ правительства для надзора за поведеніемъ учащихъ и учащихся.

Лишь 21 февраля (4 марта) П. И. простился съ своими гостепріимными хозяевами и проѣхалъ черезъ Лейпцигъ и Мейсенъ въ Дрезденъ. Здѣсь П. И. познакомился съ двумя извѣстными поэтами, къ которымъ имѣлъ рекомендательныя письма отъ г. Герстенберга, въ Веймарѣ, а именно съ Тидге (Chr. Aug. Tiedge) и Тикомъ (Ludw. Tieck). Къ Тику П. И. кромѣ

гого имѣлъ еще рекомендательное письмо отъ своего петербургскаго знакомца, В. Кюхельбекера, о которомъ какъ Тикъ такъ и Тидге вспоминали съ удовольствіемъ, но боялись за него, по случаю свободныхъ его рѣчей [1]). Изъ прочихъ лицъ, съ которыми П. И. успѣлъ познакомиться въ Дрезденѣ, назовемъ еще археолога Бёттигера (K. Aug. Böttiger) и знаменитаго композитора Вебера (Karl Maria v. Weber); послѣдній жаловался на то, что въ С.-Петербургѣ давали его «Фрейшица», не заплативъ ему ничего: партитуру будто тайно достали отъ какого-то другого театра. Онъ говорилъ П. И-чу, что сочиняетъ новую португальскую оперу «Die drei Pintos», что заставило его много заниматься испанскою музыкою; онъ увѣрялъ, что есть старыя мелодіи, общія нѣсколькимъ народамъ, какъ напр.: «Es ritten drei Reiter zum Thore hinaus», — каковой мотивъ онъ нашелъ какъ въ древнихъ испанскихъ, такъ и въ древнихъ норвежскихъ пѣсняхъ [2]).

Понятно, что П. И. наслаждался въ Дрезденѣ тамошними богатыми художественными собраніями: знаменитою уже въ то время картинною галлереею, кабинетами антиковъ, и пр. Въ библіотекѣ его, м. пр., очень заинтересовали оригинальные рисунки, сдѣланные живописцемъ, который сопровождалъ посланника Мейерберга въ Россію, въ 1661 году.

Въ Дрезденѣ П. И. прожилъ слишкомъ десять дней и 8 (20) марта, отправился, съ кучеромъ-мошенникомъ, въ Бер-

1) На сколько опасеніе это было основательно, явствуетъ изъ того, что Вильгельмъ Кюхельбекеръ впослѣдствіи примкнулъ къ тайному обществу и участвовалъ въ возстаніи 14 декабря 1825 года, во время котораго онъ обратилъ оружіе на Великаго Князя Михаила Павловича. — Симпатичная личность Кюхельбекера, близкаго друга Пушкина и Грибоѣдова, высказалась въ его дневникѣ, напечатанномъ въ «Русской Старинѣ», 1875, 1883 и 1884 гг.; а участіе его въ возстаніи 14 декабря описано имъ самимъ, тамъ-же, 1873 г., т. VII, стр. 466—471.

2) Замѣтимъ, отъ себя, что такое любопытное открытіе, вѣроятно, можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что Норманны, во время своего пребыванія въ Испаніи, могли сообщить тамошнему населенію подобные мотивы, которые затѣмъ могли укорениться и передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе.

линъ, куда прибылъ лишь 11 (23) числа, пробывъ въ пути $3\frac{1}{2}$ дня, — между тѣмъ, какъ нынѣ это путешествіе, по желѣзной дорогѣ, продолжается лишь $3\frac{1}{2}$ часа!

Наиболѣе интереснымъ знакомствомъ, заведеннымъ П. И-чемъ въ Берлинѣ, является знаменитый географъ Риттеръ (Karl Ritter), съ которымъ онъ уже ранѣе состоялъ въ перепискѣ.

Затѣмъ, изъ выдающихся ученыхъ, П. И. познакомился съ археологомъ Бёкомъ (Aug. Böckh), съ которымъ онъ много бесѣдовалъ объ Ольвійскихъ древностяхъ; Бёкъ показалъ ему первые листы своего собранія греческихъ надписей («Corpus inscriptionum graecarum») и просилъ у П. И-ча позволенія воспользоваться снимками съ такихъ надписей, изготовленными имъ въ южной Россіи; просьба эта, конечно, была удовлетворена. Оба, Риттеръ и Бёкъ, однажды пришли къ П. И-чу, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ обѣду въ такъ назыв. «Gesetzlose Gesellschaft», т. е. собраніе ученыхъ, неимѣвшее особаго устава. Здѣсь, кромѣ разныхъ военныхъ особъ, П. И. засталъ много выдающихся ученыхъ, въ томъ числѣ извѣстнаго лингвиста Боппа (Franz Bopp), основателя сравнительнаго языкознанія, и знаменитаго геолога Буха (Leop. v. Buch).

Разумѣется, что П. И. не пропустилъ случая посѣтить въ престольномъ градѣ Пруссіи также разныя научныя и художественныя учрежденія. Въ кабинетѣ антиковъ онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Левецовымъ, разсматривалъ преимущественно Ольвійскія, Пантикапейскія и др. монеты, а также разныя глиняныя вазы и другія вещи, хранившіяся тамъ подъ названіемъ «славянскихъ» древностей. Въ королевской библіотекѣ П. И., подъ руководствомъ гг. Удена (Wilh. Uhden) и Бутмана, осмотрѣлъ египетскіе папирусы, южно-американскіе рисунки (доставленные А. Ф. Гумбольдтомъ), китайскія живописи и пр.

Разставаясь съ Берлиномъ, П. И. записалъ въ свой дневникъ общее впечатлѣніе, произведенное на него Прусскою столицею, которая понравилась ему несравненно менѣе «прекрасной, безцѣнной» Вѣны. И женщины, и одежды ихъ въ Берлинѣ показа-

лись ему менѣе привлекательными; а рѣчь Берлинцевъ онъ называлъ «утонченнымъ, несноснымъ нарѣчіемъ нѣмецкаго языка». «Объ окрестностяхъ Берлина и говорить нечего: въ самомъ городѣ единообразіе, а за городомъ пустыня. Впрочемъ, образованности здѣсь больше, нежели гдѣ-либо».

Въ полдень 23 марта (4 апрѣля) П. И. оставилъ Берлинъ, въ тяжелой почтовой повозкѣ, въ которой сидѣнья, будучи подвѣшены, качались и били то объ одну сторону, то о другую. Четверо сутокъ съ половиною П. И. тащился, при такой обстановкѣ, отъ Берлина до Данцига, куда, наконецъ, прибылъ въ ночь на 28-ое марта (9 апрѣля). Въ Данцигѣ П. И. былъ принятъ съ отверстыми объятіями нашимъ генеральнымъ консуломъ Гейдекеномъ (Karl von Heydeken) [1], который обладалъ значительною нумизматическою коллекціею. Выѣхавъ 1 (13) апрѣля изъ Данцига и посѣтивъ Маріенбургъ, П. И. 3 (15) числа прибылъ въ Кенигсбергъ. Здѣсь онъ поспѣшилъ къ прежнему своему учителю, бывшему профессору Харьковскаго университета Швейкарту, съ которымъ много говорилъ о Харьковцахъ. Въ своемъ путевомъ дневникѣ П. И. замѣчаетъ по этому поводу: «Сплыло то время, когда я, съ незабвеннымъ Титаревымъ, будучи отданъ подъ присмотръ Швейкарту, у него въ комнатѣ, для магистерскаго экзамена, долженъ былъ писать рѣшенія предложеннымъ письменно вопросамъ!». Швейкартъ познакомилъ П. И-ча съ профессоромъ Фойхтомъ (Joh. Voigt), извѣстнымъ авторомъ исторіи Пруссіи, который затруднялся показать П. И-чу состоящій въ его вѣдѣніи архивъ, не имѣя на то разрѣшенія прусскаго правительства. Всѣ болѣе новыя дѣла, начиная съ половины XVI-го вѣка, особенно на иностранныхъ языкахъ, запрещено было вовсе показывать. При всемъ томъ Фойхтъ, рѣшился предъявить П. И-чу тѣ грамоты, съ которыхъ Карамзинъ имѣлъ списки.

---

1) О немъ П. И. помѣстилъ краткій некрологъ въ «St. Petersburg. Zeitung», 1835, № 226.

Пробывъ два дня въ Кенигсбергѣ, П. И. 5 (17) апрѣля, оставилъ этотъ городъ и проѣхалъ въ дилижансѣ, черезъ Инстербургъ и Тилзитъ, въ Мемель. Въ Полангенѣ 9 (21) апрѣля, П. И., вступилъ опять въ предѣлы своего отечества и затѣмъ, черезъ Митаву, возвратился въ С.-Петербургъ.

ГЛАВА V.

Снова въ С.-Петербургѣ: 1824—1827 г.

Возвратясь въ С.-Петербургъ, полный надеждъ и литературныхъ плановъ, П. И. жаждалъ дѣятельности, при которой онъ могъ-бы, какъ можно лучше, примѣнить богатыя свѣдѣнія, почерпнутыя имъ во время слишкомъ двухлѣтнихъ путешествій и жизни за границею; онъ предполагалъ, въ то время, надолго остаться въ столицѣ, гдѣ могъ располагать неисчерпаемыми литературными источниками, необходимыми при разработкѣ задуманныхъ имъ разнообразныхъ научныхъ трудовъ [1]).

Почти съ самымъ возвращеніемъ П. И-ча въ С.-Петербургъ, по времени, совпало увольненіе отъ должности Министра Народнаго Просвѣщенія князя А. Н. Голицына и назначеніе министромъ адмирала Александра Семеновича Шишкова. Извѣстно, какъ привѣтствовалъ Пушкинъ это назначеніе послѣдовавшее 15-го мая 1824 года. Нужно было ожидать, что духъ мистицизма и обскурантизма вскорѣ уступитъ новому свѣжему духу, и что дни владычества Магницкихъ, Руничей и другихъ подобныхъ гонителей просвѣщенія сочтены... Всѣмъ извѣстна характеристика Шишкова, сообщенная С. Т. Аксаковымъ въ его «Семейной Хроникѣ»: «Шишковъ имѣлъ одну цѣль—общую

---

1) Сначала П. И. остановился у дяди своего, знакомаго намъ Н. М. Яновскаго, затѣмъ поселился въ отдѣльной квартиркѣ, на Б. Мѣщанской (нынѣ Казанской), въ домѣ Кракау, подъ № 45, а въ исходѣ сентября 1825 г. переѣхалъ на Петербургскую сторону.

пользу; но для достиженія этой святой цѣли никакихъ уступокъ не дѣлалъ. Никогда Шишковъ для себя ничего не искалъ, ни одному царю не льстилъ [1]). Убѣжденія Шишкова были часто ошибочны, но всегда честны»...

Петру Ивановичу, преслѣдовавшему точно также одну лишь пользу горячо любимаго отечества, суждено было стать близкимъ къ Шишкову человѣкомъ. 8-го декабря 1824 года опъ былъ опредѣленъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, для исполненія особыхъ порученій министра; а 2-го января 1825 г. назначенъ дѣлопроизводителемъ комитета для составленія проекта общаго устава учебныхъ заведеній. По ходатайству Шишкова, Высочайшимъ указомъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату 19-го марта 1825 г., повелѣно зачесть въ службу время нахожденія его въ отставкѣ съ 9 января 1822 по 8 декабря 1824 года. Въ своей автобіографической запискѣ П. И. замѣчаетъ, что ему удалось быть первымъ, которому такимъ образомъ зачтено въ службу время частнаго путешествія по чужимъ краямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его Величеству угодно было пожаловать ему денежный подарокъ въ 2000 рублей. Благодаря такой щедрой наградѣ, П. И. успѣлъ поправить свои финансы, сильно потрясенные заграничнымъ путешествіемъ и долговременнымъ пребываніемъ въ отставкѣ. По поводу упомянутаго назначенія, канцлеръ графъ Румянцовъ, отъ 5-го мая 1825 г., писалъ П. И-чу:

«Кой-часъ вамъ довѣрено трудиться при начертаніи проекта общаго устава для учебныхъ заведеній, и кой-часъ въ Комитетѣ, составленномъ для сего, засѣдаетъ А. В. Казадаевъ [2]), я спокоенъ»

Дѣйствительно, была причина нѣсколько безпокоиться о результатахъ дѣятельности Комитета по составленію проекта общаго устава для учебныхъ заведеній, такъ какъ въ числѣ

---

1) Въ этомъ отношеніи особенно знаменательно письмо Шишкова, обращенное къ Императору Александру I-му.

2) Тайный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Казадаевъ.

трехъ членовъ этого Комитета засѣдалъ также составившій себѣ печальную извѣстность М. Л. Магницкій. Старшимъ членомъ въ Комитетѣ былъ тайный совѣтникъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ, который въ немъ и предсѣдательствовалъ. Лѣтомъ 1825 г. Магницкому повелѣно было осмотрѣть Казанскій учебный округъ, и, на мѣсто его, членомъ Комитета назначенъ былъ Ив. Ив. Мартыновъ. Комитетъ этотъ состоялъ при Главномъ Правленіи училищъ. (О дѣятельности его будетъ сказано ниже).

Одновременно П. И. поступилъ и въ редакцію Коммерческой Газеты, которая начала выходить съ 1-го января 1825 года. Въ бумагахъ П. И-ча, а также въ самой газетѣ, я не нашелъ никакихъ указаній относительно принятія имъ кратковременнаго участія въ означенной редакціи. Въ письмѣ графа Румянцова къ П. И-чу, отъ 5-го мая 1825 г., значится по этому поводу: «Коммерческая газета конечно приноситъ пользу; но не всю ту, которую отъ нея бы ожидать можно было. И кажется нечего вамъ тужить, что вы удалились изъ числа редакторовъ ея».

Вѣроятно, еще въ бытность свою за границею, П. И. задумалъ издавать журналъ, подъ заглавіемъ «Библіографическіе Листы». Представленіе Исправлявшаго должность Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа Рунича, о дозволеніи П. И. Кеппену издавать Библіографическіе Листы, помѣчено 24 окт. 1824 г., а согласіе Министра Народнаго Просвѣщенія на изданіе ихъ послѣдовало 30 октября [1]). О нихъ упоминается также въ письмѣ П. И-ча къ канцлеру графу Румянцову, отъ 27 того-же октября [2]). Объявленіе объ изданіи этого журнала помѣчено 20-ымъ ноября того-же года. Въ этомъ объявленіи, между прочимъ, значится слѣдующее: «Желая знакомить любителей просвѣщенія со всѣми новыми произведеніями отечественной литературы и художествъ, ниже-подписавшійся рѣшился изда-

1) Изъ архивнаго дѣла Министерства Народнаго Просвѣщенія 1824 г., подъ № 117.

2) Черновая хранится. при письмахъ государственнаго канцлера къ П. И-чу, въ Библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ.

вать съ наступающаго года *Библіографическіе Листы.* Главное назначеніе сихъ листовъ состоитъ въ томъ, чтобы сообщать полныя заглавія новыхъ книгъ, на разныхъ языкахъ въ Россіи издаваемыхъ, и предлагать краткое изложеніе ихъ содержанія. По мѣрѣ возможности къ сему присовокупляемы будутъ и сужденія о достоинствѣ ученыхъ произведеній. На новыя географическія карты, планы и картины также обращаемо будетъ вниманіе. Изъ музыкальныхъ сочиненій до свѣдѣнія публики будутъ доводимы только тѣ, которыя печатаны въ Россіи. По части иностранной литературы предложатся извѣстія только о важнѣйшихъ предметахъ, особливо же о такихъ, которые относятся непосредственно къ Россіи»[1])...

Такъ какъ, въ то время, цензура состояла въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, то П. И., какъ служившій въ этомъ вѣдомствѣ, имѣлъ возможность знакомиться тамъ-же съ большинствомъ новыхъ появленій русской литературы. Онъ самъ замѣчаетъ[2]), что, въ теченіе 1825 года, изъ числа 600 новыхъ сочиненій, ему удалось видѣть въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія до 500. По распоряженію начальника Главнаго Штаба, барона Ив. Ив. Дибича (впослѣдствіи, фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго), издателю «Листовъ» были доставляемы «свѣдѣнія обо всѣхъ вновь выходящихъ при Военно-топографическомъ Депо картахъ, планахъ, книгахъ и рисункахъ, съ приложеніемъ краткихъ записокъ о томъ, чѣмъ ново-изданные отличаются отъ прежнихъ, или что служило поводомъ къ ихъ изданію»[3]). — Сообщая любопытныя свѣдѣнія о повременныхъ изданіяхъ въ Россіи и переходя, затѣмъ, къ своему собственному журналу, П. И. замѣчаетъ[4]): «Если мы свое изданіе теперь уже не осмѣлимся ставить на ряду съ нѣмецкими литературными вѣ-

---

1) Подписка принималась въ книжной лавкѣ Л. Л. Свѣшникова, въ Гостиномъ дворѣ, по Невскому проспекту, подъ № 16.

2) Въ Библіогр. Листахъ, столб. 639, въ выноскѣ.

3) Тамъ-же столб. 45.

4) Тамъ-же, столб. 16—17.

домостями, то по крайней мѣрѣ смѣемъ ласкать себя надеждой, что просвѣщенные соотечественники не лишатъ насъ своего вниманія и поощрятъ онымъ трудъ, отъ коего нельзя ожидать себѣ какой либо корысти»...

П. И-чу удалось привлечь къ своему журналу, въ качествѣ сотрудниковъ, цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ, преимущественно славистовъ, или другихъ лингвистовъ. Въ предисловіи къ «Библіографическимъ Листамъ» (писанномъ по довершеніи ихъ), П. И. высказываетъ свою живѣйшую благодарность всѣмъ лицамъ, сообщившимъ ему статьи или извѣстія, для помѣщенія въ журналѣ, или же способствовавшимъ ему благонамѣренными совѣтами и доставленіемъ разныхъ свѣдѣній. Считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь списокъ сотрудниковъ, группируя ихъ по мѣстамъ ихъ пребыванія.

А. *Въ предѣлахъ Россіи.*

I. Въ С.-Петербургѣ: Ѳ. П. Аделунгъ, В. К. Вишневскій, А. Х. Востоковъ, А. И. Ермолаевъ, А. И. Красовскій, Ф. И. Кругъ, К. С. Сербиновичъ, А. М. Спиридовъ, Х. Д. Френъ, Д. И. Языковъ.

II. Въ Москвѣ: К. Ѳ. Калайдовичъ, П. М. Строевъ.

III. Въ Кіевѣ: Митрополитъ Евгеній.

IV. Въ Вильнѣ: М. К. Бобровскій, И. Н. Лобойко, В. В. Пеликанъ.

V. Въ Варшавѣ: С. Ѳ. Линде, А. Ѳ. Хлендовскій.

VI. Въ Одессѣ: И. А. Стемпковскій.

VII. Въ Митавѣ: И. Ѳ. Реке.

VIII. Въ Ригѣ: Генералъ-Суперинтендентъ Зонтагъ.

IX. Въ Гельзингфорсѣ: П. Г. Бутковъ.

Б. *За границею:*

Г. С. Бандтке, въ Краковѣ; Іос. Добровскій и Вяч. Ганка, въ Прагѣ; К. Е. Гейдекенъ (сперва въ Данцигѣ, а потомъ) въ Генуѣ; Як. Гриммъ, въ Касселѣ; Г. Ф. Гротефендъ, въ Ганноверѣ; В. Ст. Караджичь, Ив. Колларъ (сперва въ Пештѣ) и Варѳол. Копитаръ, въ Вѣнѣ; пасторъ Мронговіусъ,

въ Данцигѣ; Р. Хр. Раскъ, въ Копенгагенѣ; и, last not least, Пав. Іос. Шаффарикъ, въ Новомъ-Садѣ (Neusatz, въ Венгріи).

Изъ всѣхъ этихъ сотрудниковъ П. И., въ предисловіи къ своимъ «Библіографическимъ Листамъ», выдѣлилъ А. Х. Востокова, которому принесъ самую искреннюю благодарность за его «постоянное и совершенно безкорыстное участіе въ семъ изданіи». А. А. Кочубинскій[1]), говоря объ этомъ журналѣ, называетъ изданіе его высшимъ тріумфомъ для Востокова и всего Румянцовскаго Кружка. Въ «Листахъ» Востоковъ помѣстилъ, м. пр., образцовое описаніе только что открытой каноникомъ Бобровскимъ Супрасльской минеи. Румянцовъ встрѣтилъ этотъ трудъ признаніемъ, что «въ русской литературѣ ничего такого еще не было». Вотъ, что говоритъ г. Кочубинскій объ изданіи «Библіографическихъ Листовъ»:

«Тотъ-же духъ предпріимчивости Кеппена сказался сейчасъ-же по возвращеніи отъ славянъ и въ изданіи замѣчательнаго и въ настоящее время критико-литературнаго журнала: *Библіографическіе Листы.*

«Предпріятіе, задуманное съ весьма скромными цѣлями (см. выше),—«Библіографическіе Листы», съ перваго же своего номера (6 янв. 1825), явились съ характеромъ серьезнаго органа движенія русской науки, а не простого перечня книгъ, органомъ петербургскаго отдѣленія Румянцовскаго Кружка... Если знаменитыя «Вѣнскія Лѣтописи литературы»[2]) были выраженіемъ западно-славянскаго славяновѣдѣнія, то «Библіографическіе Листы» имѣли стать органомъ — русскаго.

«Но, помимо этого, журналъ Кеппена, задуманный подъ свѣжими еще впечатлѣніями ученой экскурсіи въ западно-славянскія земли, предназначался стать ученымъ посредникомъ между Россіей и западно-славянскимъ міромъ. Въ этомъ именно смыслѣ

---

1) Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія (1887—88), стр. 173 и 204—207. — Я позволяю себѣ, изъ этого замѣчательнаго труда, выписать (въ кавычкахъ) нѣсколько сужденій.

2) «Wiener Jahrbücher der Literatur».

признавался самъ Кеппенъ, характеризуя первый годъ изданія [1]): «за то, что я преимущественно старался знакомить соотчичей моихъ съ литературою другихъ словенскихъ народовъ, надѣюсь никто изъ благомыслящихъ не станетъ меня пенять».

«Онъ дѣйствительно былъ единящимъ органомъ Славянства. Въ немъ принимала участіе, статьями, совѣтами [2])... вся плеяда современныхъ представителей славянской науки, литературы, сношенія съ которыми были такъ счастливо открыты Кеппеномъ во время недавняго путешествія... Совокупною дѣятельностью славистовъ востока и запада онъ надѣялся «разъ па всегда» выяснить нѣкоторыя части славяновѣдѣнія [3]). Къ этой дѣятельности онъ, открывая «Листы», призывалъ своихъ друзей въ Прагѣ, Вѣнѣ, Варшавѣ»...

«Самымъ сочувственнымъ словомъ привѣтствовалъ журналъ Кеппена старый Добровскій: «ваши Листы, писалъ онъ 14 января 1826 г. къ издателю, полны для меня интереса и поучаютъ о многомъ, что было для насъ здѣсь совсѣмъ неизвѣстно» [4]).

«Это не былъ простой комплиментъ. О трудахъ Востокова въ «Листахъ» мы говорили раньше. Не касаясь массы разнообразныхъ цѣнныхъ свѣдѣній по старой и новой литературѣ, русской и славянской, статей оригинальныхъ, а не переводныхъ, какъ у Каченовскаго [5]), исторіи, статистикѣ, умѣнья издателя привлечь къ своему журналу участіе образованныхъ людей изъ самыхъ захолустьевъ Россіи, отмѣтимъ здѣсь съ глубокой признательностью отчетливый и обстоятельный планъ ученаго путешествія въ славянскія земли, исполненный разновременно нашими

1) Въ предисловіи къ «Библіогр. Листамъ».

2) См. выше-сообщенный списокъ сотрудниковъ.

3) Такъ писалъ онъ Ганкѣ: «auf dass wir doch gemeinschaftlich einmal über unser Slawisches Alterthum in's Reine kommen». См. въ Приложеніяхъ къ книгѣ А. А. Кочубинскаго, стр. CXXIV—CXXV.

4) Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar, herausg. von V. Jagić; p. 675.

5) Т. е. въ издававшемся имъ «Вѣстникѣ Европы».

славистами, много позже — его «Записку о путешествіи по словенскимъ землямъ» (№ 33), составленную по просьбѣ «одной весьма почтенной особы», не сомнѣваемся — самого канцлера, и заботы Кеппена объ изученіи у насъ литовскаго языка, который даже для Карамзина былъ загадкой, заботы — въ которыхъ свѣтился неутомимый пытливый духъ того-же историческаго старца — Румянцова. Письма Кеппена къ Ганкѣ, 1825 и 1826 годовъ, ясно свидѣтельствуютъ о горячей заботѣ издателя, въ научныхъ интересахъ русскихъ людей, дать мѣсто и возрождавшемуся благородному чешскому народу»...

Самъ канцлеръ графъ Румянцовъ принималъ живое участіе въ изданіи «Библіографическихъ Листовъ». Отъ 5 мая 1825 г. канцлеръ пишетъ П. И-чу: «Изданіе Библіографическихъ Листовъ вашихъ приноситъ вамъ честь большую. Они, конечно, какъ преполезные для библіотекъ и для истиннаго познанія славянской литературы, перейдутъ настоящее свое время»... А П. И., въ письмѣ къ графу Румянцову, отъ 28 іюля 1825 г.[1]), между прочимъ, пишетъ: «Благосклонное вниманіе Вашего Сіятельства къ трудамъ моимъ я считаю для себя превосходнѣйшею наградою, и признаюсь, что, занимаясь сочиненіемъ статей для Библіографическихъ Листовъ, нерѣдко имѣю въ виду Васъ, М. Г., какъ судію и поощрителя изслѣдованій о Словенскихъ древностяхъ и нарѣчіяхъ. Къ особенному моему удовольствію служитъ и то, что заграничные ученые, занимающіеся сими предметами, съ большимъ и даже неожиданнымъ для меня одобреніемъ приняли первые №№ моихъ листовъ. Нѣкоторые (въ Венгріи) даже требовали, чтобы я на ихъ счетъ доставлялъ къ нимъ листы сіи по почтѣ. Но сего у насъ устроить еще невозможно, и я, не рѣшаясь вводить пріятелей въ невознаградимыя издержки[2]), могу доставлять къ нимъ свой журналъ не иначе, какъ съ курьеромъ, а нѣсколько

---

1) Т. е. послѣ оправданія своего, по обвиненіямъ Магницкаго.

2) Какъ баснословно дорого приходилось уплачивать (напр. въ Прагѣ) за присылаемыя туда почтою брошюры, видно, между прочимъ, изъ сѣтованій Добровскаго. Сл. въ приведенной книгѣ Кочубинскаго, на стр. 221.

экземпляровъ, по требованію Богемскихъ литераторовъ, отправляю въ Галле или Лейпцигъ, къ книгопродавцу. Что же касается до числа подписчиковъ въ Россіи, то оными никакъ не можетъ окупиться изданіе, ибо имѣю таковыхъ не болѣе ста человѣкъ, и самое предложеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о подпискѣ на Библіографическіе Листы для училищъ осталось безъ дѣйствія (ибо понынѣ одинъ только Виленскій Университетъ подписался на 7 экземпляровъ)».

Въ № 8-омъ Библіографическихъ Листовъ помѣщено подъ заглавіемъ «Критическое изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіѣ», составленное П. И-чемъ извлеченіе изъ сочиненія Іос. Добровскаго: «Кириллъ и Меѳодій»[1]), — къ которому въ № 9-мъ была добавлена выписка изъ Четверо-Евангелія 1144 г.; а въ № 10-мъ сообщенъ рефератъ о появившейся въ «Вѣнскихъ Лѣтописяхъ литературы» рецензіи на упомянутую книгу Добровскаго. На эти статьи вооружился пользовавшійся столь печальною славою обскурантъ и доносчикъ, попечитель Казанскаго учебнаго округа Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, который подалъ «Доношеніе» на издателя «Библіографическихъ Листовъ» г. Министру Народнаго Просвѣщенія[2]).

Копію доношенія этого, помѣченнаго «Отъ Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа. Въ С.-Петербургѣ, 12 мая 1825, № 471», начальникъ канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ препроводилъ 16 мая 1825 г. къ П. И-чу, при секретномъ письмѣ въ которомъ онъ, по порученію министра, испрашивалъ отъ П. И-ча объясненіе.

---

1) Jos. Dobrowsky. Cyrill und Method, der Slawen Apostel. Prag, 1823.— По порученію канцлера графа Румянцова, М. П. Погодинъ составилъ русскій переводъ этой книги, появившійся въ Москвѣ, въ 1825 году.

2) Какъ это «Доношеніе», такъ и другія бумаги, касающіяся этого замѣчательнаго эпизода въ жизни П. И. Кеппена, напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ». 1864 г., кн. II. смѣсь, стр. 143—161. — П. И-чу. скончавшемуся въ исходѣ мая 1864 г., не суждено было порадоваться столь желанному имъ опубликованію этой замѣчательной переписки, отпечатанной лишь въ іюньской книжкѣ означеннаго изданія.

До глубины души оскорбленный несправедливымъ и лживымъ доносомъ, П. И. составилъ «Логическія и Историческія объясненія противъ поданнаго г-мъ Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа М. Л. Магницкимъ доношенія о непозволительныхъ якобы статьяхъ, напечатанныхъ въ №№ 8, 9 и 10-мъ Библіографическихъ Листовъ». Эти объясненія П. И. препроводилъ къ князю Ширинскому-Шихматову, для доклада министру, адмиралу Шишкову при характеристическомъ письмѣ, въ концѣ котораго значилось слѣдующее:

«Если же, паче чаянія, замѣчанія г-на Попечителя Казанскаго учебнаго округа, М. Л. Магницкаго, могли быть удостоены какого либо дальнѣйшаго вниманія, то мнѣ, почитая сіе лишеніемъ послѣдняго и единственнаго моего имущества—*чести*, остается только всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи мнѣ у престола Его Императорскаго Величества дозволенія на безсрочный, съ начала будущаго года, выѣздъ за границу, гдѣ я трудами моими смѣю надѣяться, по крайней мѣрѣ, обезпечить мое существованіе».

Самыя «логическія и историческія объясненія» отличаются не только глубокою ученостію, но и замѣчательнымъ гражданскимъ мужествомъ; мѣстами въ нихъ проглядываетъ легкая иронія по поводу невѣжества доносчика. Но, повидимому, въ то время, Магницкій не утратилъ еще своего, когда-то полновластнаго вліянія[1]). Иначе нельзя понять, почему Министръ Народнаго Просвѣщенія, не смотря на блистательное опроверженіе, со стороны П. И-ча, всѣхъ возведенныхъ на него обвиненій, счелъ нужнымъ обратить дальнѣйшее вниманіе на гнусную клевету Казанскаго попечителя. А именно, онъ препроводилъ какъ доносъ этого послѣдняго, такъ указанные №№ Библіографическихъ Листовъ и объясненія П. И-ча, на разсмотрѣніе къ С.-Петербургскому митрополиту Серафиму, который, съ своей стороны, назначилъ судъ, состоявшій, подъ его предсѣдатель-

1) Извѣстно, что онъ былъ уволенъ отъ должностей попечителя Казанскаго округа и члена главнаго правленія училищъ лишь 6-го мая 1826 года.

ствомъ и при участіи Кіевскаго митрополита Евгенія, изъ представителей духовной цензуры и Училищнаго Комитета. Судъ этотъ постановилъ вполнѣ оправдательный приговоръ.

Хотя, такимъ образомъ, козни Магницкаго были отражены, и П. И. былъ оправданъ, однакоже душевныя волненія, вызванныя трехмѣсячнымъ ожиданіемъ рѣшенія своей участи, не могли не произвести въ немъ глубокихъ и грустныхъ впечатлѣній. Подъ гнетомъ этихъ впечатлѣній, П. И., отъ 5 (17) августа 1825 г., т. е. еще до своего оправданія, пишетъ своему другу Ганкѣ, что онъ въ будущемъ году едва-ли будетъ продолжать изданіе Библіографическихъ Листовъ, и присовокупляетъ: «Желалъ-бы опять повояжировать. Не знаю еще, удастся ли мнѣ когда либо объѣхать Карпаты и побывать въ Кроаціи, а признаюсь, что давно уже сего желаю». Однакоже, изданіе Библіографическихъ Листовъ продолжалось безъ перерывовъ [1]); и даже въ маѣ и іюнѣ 1825 г., когда П. И. былъ усиленно занятъ составленіемъ своихъ оправдательныхъ объясненій, вышло по 3 номера его журнала.

Какъ уже выше замѣчено, одновременно съ усиленными занятіями по изданію Библіографическихъ Листовъ, на П. И-чѣ лежала обязанность дѣлопроизводителя при Комитетѣ составленія проекта общаго устава для учебныхъ заведеній. Какъ серьёзно взглянулъ П. И. на эту обязанность, о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя работы его, представленныя имъ, при закрытіи Комитета, старшему члену онаго Ив. Матв. Муравьеву-Апостолу. Съ 5-го января по 17-ое ноября 1825 г. означенный Комитетъ имѣлъ 15 засѣданій, посвященныхъ сношеніямъ съ университетами, выслушанію и обсужденію ихъ мнѣній и мнѣній отдѣльныхъ профессоровъ, и пр. Внезапная кончина Императора

---

1) Ошибочно замѣчаетъ Кочубинскій (на стр. 205), будто, вслѣдствіи доноса Магницкаго, были перерывы въ выпускѣ журнала. Въ объявленіи объ изданіи Библіографическихъ Листовъ, былъ обѣщанъ выпускъ отъ 2-хъ до 4-хъ номеровъ въ теченіе мѣсяца. Въ маѣ и іюнѣ ихъ вышло по три. а въ іюлѣ и августѣ—по два.

Александра I го и послѣдовавшія за оною событія[1]) приостановили занятія Комитета, и лишь 16-мая 1826 г. состоялось заключительное засѣданіе его, въ которомъ было сообщено о Высочайшемъ рескриптѣ на имя адмирала Шишкова, отъ 14-го мая, объ учрежденіи новаго *Комитета устройства учебныхъ заведеній*. Ранѣе сего, а именно въ мартѣ 1826 года, П. И., въ качествѣ дѣлопроизводителя временнаго Комитета, былъ у министра Шишкова, который предложилъ ему предварительно заняться сличеніемъ имѣющихся въ Комитетѣ матеріаловъ, для представленія проекта новаго устава для университетовъ Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго и С.-Петербургскаго.

4-го іюня 1826 года, П. И. представилъ Ив. Матв. Муравьеву-Апостолу слѣдующія бумаги: сравнительныя таблицы университетскихъ кафедръ, распредѣленныхъ по факультетамъ, и разработанныя имъ сравнительныя таблицы университетскихъ, гимназическихъ и другихъ училищныхъ штатовъ. Тутъ-же была приложена составленная П. И-чемъ историческая записка объ училищахъ въ Харьковѣ. Всѣ эти бумаги Муравьевъ-Апостолъ съ своей стороны сообщилъ Министру Народнаго Просвѣщенія, адмиралу Шишкову.

23-го мая 1826 г. временному Комитету было объявлено Министромъ, что существованіе его прекращается, къ чему присовокуплено было, чтобы бывшій правитель дѣлъ сего Комитета (т. е. П. И. Кеппенъ) явился со всѣми дѣлами, производившимися въ ономъ, въ распоряженіе Директора Канцеляріи Министра князя Ширинскаго-Шихматова, Высочайше утвержденнаго въ званіи Правителя дѣлъ новаго Комитета.

Одновременно съ упраздненіемъ временнаго Комитета составленія проекта общаго устава для учебныхъ заведеній, прекратилось и изданіе Библіографическихъ Листовъ, послѣдній (допол-

---

1) Въ особенности-же извѣстныя смуты, бывшія въ декабрѣ 1825 г. Понятно, что И. М. Муравьеву-Апостолу было не до засѣданій этого Комитета, такъ какъ судились въ то время, три сына его, принявшіе участіе въ возстаніи.

нительный) померъ (43-ій) которыхъ вышелъ 28 мая 1826 года. Въ Новомъ «Комитетѣ устройства учебныхъ заведеній» участвовали совершенно другія лица, въ томъ числѣ: генералъ-лейтенанты графы Ливенъ и Сиверсъ, тайные совѣтники: графы Сперанскій, Ламбертъ и Уваровъ, академикъ Шторхъ, статскій совѣтникъ Перовскій и флигель-адъютанты полковники Перовскій и графъ Строгановъ; впослѣдствіи членами Комитета были еще назначены статсъ-секретарь Блудовъ, графъ Віельгорскій и контръ-адмиралъ Крузенштернъ[1]). Цѣль Комитета состояла въ «установленіи въ учебныхъ заведеніяхъ *однообразія*, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе такъ и ученіе». Комитетъ просуществовалъ нѣсколько лѣтъ, но сдѣлано имъ очень немного: въ ноябрѣ 1828 г., т. е. $2^1/_2$ года спустя послѣ его учрежденія, Императоръ Николай, по поводу вступленія А. А. Перовскаго въ должность предсѣдателя его, обратилъ вниманіе на бездѣятельность Комитета, собственноручно отмѣтивъ на выпискѣ изъ 68-го журнала собранія его: „*Надѣюсь, что пойдетъ успѣшнѣе и поспѣшнѣе*“[2]). Высочайшая резолюція эта чрезвычайно мѣтко охарактеризовала вялость и безжизненность этого новаго Комитета. Понятно, что П. И., отодвинутый въ немъ на второй планъ, при свойственной ему энергіи и усердіи къ дѣлу, не могъ сочувствовать ни (выше-означенной) цѣли, ни дѣятельности Комитета, который, повидимому, и не нуждался въ его помощи[3]). А потому не удивительно, что П. И.,

---

1) Въ своей автобіографической запискѣ, П. И., упоминая объ этомъ эпизодѣ своей жизни, замѣчаетъ: «Тутъ я пользовался благосклоннымъ довѣріемъ Министра Народнаго Просвѣщенія князя К. А. Ливена, М. М. Сперанскаго, Д. Н. Блудова и нѣкоторыхъ другихъ членовъ».

2) Изъ архивнаго дѣла Министерства Народнаго Просвѣщенія (№ 49.922.—437).

3) Сколько видно изъ дѣлъ Комитета, онъ не воспользовался выше-приведеннымъ цѣннымъ матеріаломъ, который П. И. представилъ при сдачѣ должности дѣлопроизводителя при прежнемъ Комитетѣ. Разъ только упоминается, что графъ Сиверсъ (въ февралѣ 1827 г.) просилъ о доставленіи ему составленной Кеппеномъ программы для преподаванія россійскаго языка и словесности.

недовольный своею службою при канцеляріи означеннаго Комитета, желалъ получить другое, болѣе подходящее его вкусу мѣсто.

Еще другія обстоятельства отбивали у П. И-ча охоту оставаться въ С.-Петербургѣ. Горькій опытъ съ изданіемъ Библіографическихъ Листовъ заставилъ его прекратить это полезное изданіе, въ которое онъ вложилъ свое лучшее. Къ тому-же, ревностнаго покровителя и благодѣтеля его, графа Румянцова, въ январѣ 1826 г., не стало. Смерть его была тяжкимъ ударомъ для пламенно почитавшаго его П. И-ча, который, вмѣстѣ съ нимъ, какъ будто, лишился и старой любви своей къ изученію памятниковъ славянской древности... Сильно потрясло его также событіе 14 декабря 1825 г., съ его послѣдствіями. Онъ зналъ лично нѣсколькихъ изъ участниковъ въ смутахъ (о Кюхельбекерѣ была выше рѣчь); и хотя искренній патріотизмъ его, такъ какъ онъ его понималъ, вполнѣ осуждалъ ихъ образъ дѣйствій, однакоже, при свойственной ему гуманности, онъ не могъ не сожалѣть объ участи молодыхъ людей и о горѣ ихъ родителей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи его сильно сокрушала печаль уважаемаго имъ И. М. Муравьева-Апостола, который весьма благосклонно относился къ П. И-чу[1]). Наконецъ, его манилъ югъ, и въ особенности Крымъ, который онъ такъ полюбилъ еще въ 1819 году, при первомъ его посѣщеніи.

Въ іюнѣ 1826 г. въ Петербургѣ получена была вѣсть о смерти главнаго инспектора надъ шелководствомъ южной Россіи, извѣстнаго ботаника барона Маршала-фонъ-Биберштейна, на должность котораго былъ назначенъ Хр. Хр. Стевенъ, съ которымъ П. И. былъ очень друженъ. Это обстоятельство побудило его ходатайствовать о переводѣ его въ Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго, въ то время, находилось по-

1) Въ альбомѣ П. И-ча находятся слѣдующія строки Муравьева-Апостола, записанныя имъ 6-го февраля 1826 г., на листѣ темносѣрой бумаги: «J'ai choisi ce papier, à cause de sa couleur, qui est la plus convenable à la disposition actuelle de mon âme».

печеніе о сельскомъ хозяйствѣ; 8-го сентября П. И. подалъ прошеніе объ опредѣленіи его помощникомъ главнаго инспектора надъ шелководствомъ, на что и послѣдовало, 8 марта 1827 года, Высочайшее утвержденіе. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 22 апрѣля того-же года, П. И. былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, съ сохраненіемъ содержанія.

Но до переселенія на свой родной югъ, оставалось П. И-чу окончить и издать нѣсколько начатыхъ имъ научныхъ трудовъ. Уже въ Библіографическихъ Листахъ (на столбцѣ 473-мъ и на послѣдней страницѣ текста) онъ, называя доконченный томъ этихъ «Листовъ» № II-мъ Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, обѣщалъ издать № III-ій этихъ «Матеріаловъ», что̀ и было имъ исполнено: этотъ послѣдній трудъ вышелъ въ 1827 году и заключаетъ въ себѣ девять статей различнаго содержанія, изъ которыхъ важнѣйшія слѣдующія: 1) Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія; 2) О кормчей книгѣ; и 3) О происхожденіи, языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ.

Другое научное предпріятіе, изданное на иждивеніе (покойнаго) графа Румянцова также въ 1827 году, было «Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи. Книга І-я. Памятники собранные въ Германіи». Выше (на стр. 83) сообщено о томъ, что П. И., въ бытность свою въ Мюнхенѣ, списалъ хранящіеся въ тамошней королевской библіотекѣ знаменитые Фрейзингенскіе отрывки (на краинскомъ языкѣ), надъ объясненіемъ которыхъ тщетно трудились уже нѣкоторые знаменитые слависты, въ томъ числѣ самъ Добровскій. Помѣщая отрывки эти въ упомянутомъ «Собраніи», П. И. имѣлъ счастливую мысль обратиться къ Ал. Хр. Востокову, «какъ искуснѣйшему нашему знатоку словенской письменности», съ просьбою принять на себя изъясненіе этихъ отрывковъ. Просьба эта была исполнена Востоковымъ блестящимъ образомъ, и статья его, тутъ-же помѣщенная и озаглавленная: «Грамматическія объясненія на три

статьи Фрейзингенской рукописи», составляетъ не только украшеніе изданнаго Кеппеномъ Собранія, но и драгоцѣнный вкладъ въ общеславянскую литературу[1]). П. И. не зналъ, какъ благодарить Востокова за такое счастливое исполненіе его просьбы. Онъ писалъ ему (22-го февраля 1828 г., уже изъ Крыма):[2]) «Вчера получилъ я безцѣнный для меня памятникъ Вашей дружбы: допечатанное I-ое отдѣленіе Собр. Иноз. Слов. Памятниковъ. Пусть современные ученые, со всѣми будущими любителями Словенской литературы, чтутъ глубокое языкознаніе Ваше,—во мнѣ же чувство признательности превозмогаетъ самое уваженіе къ безпредѣльному Вашему трудолюбію. Еще чужестранные ученые не читали русскихъ работъ сего рода: послушаемъ, какъ они отзовутся!».

Остановимся здѣсь еще на энергической дѣятельности П. И-ча по дѣлу о призывѣ въ Россію Славянъ. Въ главѣ о заграничномъ его путешествіи мы видѣли, въ какія близкія сношенія онъ вошелъ съ представителями славянской науки въ Австріи, въ томъ числѣ съ Копитаромъ, Ганкою и Шафарикомъ. И по возвращеніи своемъ въ Россію, въ особенности *до* и во время изданія имъ «Библіографическихъ Листовъ», онъ поддерживалъ съ ними оживленную переписку. Онъ обмѣнивался съ ними мыслями, посылалъ имъ русскія книги и получалъ отъ нихъ новыя произведенія чешской, и вообще западно-славянской литературы[3]).

---

1) Сказавъ о томъ, что Востоковъ, какъ лингвистъ, конечно, могъ объяснить этотъ памятникъ несравненно лучше П. И-ча, Кочубинскій (на стр. 204) замѣчаетъ: «Но въ то-же время совершенно справедливо, что безъ предпріимчиваго Кеппена молодая русская наука лишена бы была своей ранней гордости—Фрейзингенскихъ отрывковъ въ объясненіи Востокова».

2) Переписка А. Х. Востокова; стр. 255.

3) Обо всемъ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся (бо̀льшею частію) переписка. О письмахъ Кеппена къ Ганкѣ и объ отвѣтныхъ письмахъ этого послѣдняго уже упомянуто выше. Въ завѣщанныхъ Академіи Наукъ матеріалахъ П. И-ча находятся также письма къ нему Добровскаго, Копитара (они напечатаны въ изданномъ Ягичемъ «Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar», на стр. 663—710); далѣе Шафарика, Вука Стефановича Караджича и др.

Благодаря близкимъ своимъ отношеніямъ къ министру Шишкову, сильно заинтересованному славянскою литературою, П. И-чу удалось исходатайствовать назначеніе пособій нѣкоторымъ изъ своихъ славянскихъ друзей. Такъ, напр., Копитаръ, въ февралѣ 1826 г., просилъ въ письмѣ къ П. И-чу, о таковомъ пособіи для Вука (Караджича), каковую просьбу П. И. тотчасъ-же доложилъ министру, который изъявилъ на то согласіе[1]).

При такихъ отношеніяхъ П. И-ча, съ одной стороны, къ австрійскимъ славистамъ, съ другой-же — къ министру Шишкову, очень понятно, что этотъ послѣдній, задумавшій, осенью 1826 года, открыть славянскія кафедры во всѣхъ русскихъ университетахъ, «для расширенія изученія Славянства въ Россіи», какъ формулировалъ тогда-же цѣль министра его совѣтникъ, Кеппенъ, — поспѣшилъ воспользоваться присутствіемъ еще въ столицѣ своего славянскаго собесѣдника и посредника и поручилъ ему сейчасъ-же снестись съ своими знакомцами въ Австріи — нельзя ли ихъ перевести въ Россію и ими открыть славянскія кафедры»[2]).

П. И. не преминулъ исполнить тотчасъ-же выше-упомянутое порученіе министра; 18-го ноября 1826 г. онъ писалъ Ганкѣ о предполагаемомъ открытіи въ русскихъ университетахъ, кафедры «исторіи обще-славянской литературы» (Geschichte der gesammten Slawischen Literatur); вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ проситъ Ганку высказать по этому поводу свое мнѣніе и назвать подходящихъ лицъ, присовокупляя, не согласится-ли онъ (Ганка) самъ принять такую кафедру, и на какихъ условіяхъ? Далѣе П. И. назы-

---

1) См. упомянутый «Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar», на стр. 690—694.

2) Взято изъ книги Кочубинскаго: «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія»; стр. 249. Данными, сообщенными въ этой любопытной книгѣ, я пользовался и при составленіи слѣдующихъ страницъ. Кромѣ того, источниками для нихъ служили мнѣ: 1) Выше-упомянутая переписка П. И. Кеппена съ австрійскими славистами; 2) архивныя дѣла Министерства Народнаго Просвѣщенія; 3) М. И. Сухомлинова: Исторія Россійской Академіи; вып. VII-ой (1885 г.).

ваетъ Шафарика, которому можно было-бы предложить такую профессуру, и прибавляетъ, что было-бы желательно имѣть въ Россіи представителей обѣихъ главныхъ вѣтвей славянскаго племени. Сообщивъ письмо это въ русскомъ переводѣ (на стр. 272—273), Кочубинскій восклицаетъ: «Таково содержаніе *историческаго* письма сотрудника и славянскаго посредника министра Шишкова in slavicis къ Ганкѣ отъ 18 ноября 1826 года».

Въ тотъ-же день П. И. написалъ о томъ-же Шафарику, въ Новый Садъ (Neusatz), а также Копитару, въ Вѣну, котораго просилъ объ указаніи подходящихъ лицъ. Первый отвѣтилъ Шафарикъ, отъ 16 (28) декабря. Такъ какъ ни о предложеніи, сдѣланномъ ему П. И-чемъ, ни объ отвѣтѣ его, повидимому, не было извѣстно г. Кочубинскому (ибо онъ объ этомъ вовсе не упоминаетъ въ своей книгѣ), то я считаю необходимымъ помѣстить здѣсь, въ переводѣ[1]), то, что относится въ любопытномъ письмѣ Шафарика къ предложенію о принятіи славянской профессуры.

...«По отношенію къ Вашему конфиденціальному сообщенію объ учрежденіи нѣсколькихъ каѳедръ по обще-славянской наукѣ при главныхъ университетахъ Россіи, я рѣшился послѣдовать призыву, въ случаѣ, что начальствующія лица по народному просвѣщенію окажутъ ко мнѣ это довѣріе... Я еще въ такихъ лѣтахъ (родился въ 1795 г.), что могу надѣяться не только легко освоиться съ климатомъ, но и стать русскимъ (annationalisiren). Будучи знакомъ съ языками словацкимъ, чешскимъ и сербскимъ, и умѣя говорить на нихъ, я бы успѣлъ скорѣе и легче превозмочь трудности русскаго языка, чтобы преподавать на немъ. Вотъ мое мнѣніе; все остальное я долженъ предоставить Вамъ и провидѣнію»...

Изъ этого письма явствуетъ полная и безусловная готовность

1) Всѣ письма Шафарика къ П. И. Кеппену писаны по нѣмецки.

Шафарика послѣдовать вызову въ Россію[1]). Что касается Ганки, то, хотя отвѣтное письмо его не сохранилось[2]), но въ дальнѣйшемъ къ нему письмѣ П. И-ча (отъ 27 янв. 1827 г.) значится:

...«Предварительно могу сказать Вамъ, что какъ А. С. Шишковъ, такъ и Михайло Михайловичъ Сперанскій, находятъ условія Ваши умѣренными. Теперь рѣчь идетъ о томъ только—учреждать ли словенскія каѳедры или нѣтъ».

Копитаръ-же, съ своей «австрійской точки зрѣнія, отнесся ко всему проекту—съ усмѣшкою. Отъ 3-го января 1827 г. онъ пишетъ П. И-чу: «Шафарикъ достоинъ всяческаго покровительства; но я желалъ бы его лучше тамъ, гдѣ онъ теперь. Почему-же Михановича Вы забыли? Такихъ кавалеровъ я бы отдалъ Вамъ всѣхъ». И къ этому онъ прибавляетъ: «Откровенно сказать, я жду солиднаго только отъ туземцевъ, будь это, что они образовались у себя дома, или въ путешествіяхъ, или-же, всего лучше, какъ Вы сами, при соединеніи того и другого».

Уже въ послѣдне-сообщенномъ письмѣ П. И-ча къ Ганкѣ замѣчается, по выраженію Кочубинскаго, минорный тонъ,— въ особенности въ оборотѣ: «теперь рѣчь идетъ о томъ—учреждать ли каѳедры или нѣтъ». Въ апрѣлѣ 1827 г. П. И. пишетъ ему же: «О словенской каѳедрѣ все еще ничего не рѣшено; коль скоро что либо послѣдуетъ, не премину Васъ тотчасъ о томъ увѣдомить. Я съ моей стороны не перестаю хлопотать о семъ предметѣ». Почти то-же самое повторяетъ ему П. И. и 1-го іюня, присовокупляя, что, по скоромъ отъѣздѣ его въ Крымъ, другъ его Гёце (P. O. Göze), переводчикъ русскихъ и сербскихъ народныхъ пѣсней, беретъ на себя продолженіе переговоровъ.—

1) Не получивши долгое время никакихъ свѣдѣній отъ П. И-ча, Шафарикъ въ письмѣ отъ 6 (18) мая 1827 г., подтверждаетъ изъявленное имъ согласіе переселиться въ Россію, замѣчая: «Mein Entschluss ist derselbe und unwandelbar».

2) Его нѣтъ въ перепискѣ, завѣщанной П. И. Кеппеномъ Академіи Наукъ, а также между двумя письмами В. Ганки, найденными мною въ бумагахъ отца.

Вслѣдъ за тѣмъ (4-го іюня) П. И. покинулъ Петербургъ [1]), и понятно, что вслѣдствіе его отсутствія, когда некому было энергично хлопотать за приведеніе въ исполненіе проекта о вызовѣ славянскихъ профессоровъ, долженъ былъ произойти въ этомъ дѣлѣ застой. Въ перепискѣ замѣчаются большіе перерывы. Въ письмѣ къ Ганкѣ изъ Одессы, отъ 14 (26) іюля 1828 г., П. И. извиняется въ своемъ долгомъ молчаніи и продолжаетъ: «Объ учрежденіи словенской каѳедры я все еще хлопочу и не за-долго предъ симъ о семъ же предметѣ писалъ къ новому министру народнаго просвѣщенія, его свѣтлости кн. Карлу Андреевичу Ливену. Не знаю, что послѣдуетъ. Жаль, очень жаль, что А. С. Шишковъ не успѣлъ привести въ исполненіе сего добраго дѣла».

Разсказавъ о вышеизложенномъ, Кочубинскій (на стр. 288) заключаетъ: «Болѣе Кеппенъ не успокоивалъ... Такъ истинно доброе, своевременное и плодотворное дѣло Шишкова—учрежденіе славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ — на помощь и развитіе русской науки, не разцвѣтши отцвѣло, зачахло»... По догадкѣ Кочубинскаго (стр. 281—284), проектъ этотъ былъ оставленъ вслѣдствіе того, что онъ въ Комитетѣ устройства учебныхъ заведеній не былъ одобренъ большинствомъ членовъ, которое стояло за приготовленіе для русскихъ университетовъ профессоровъ изъ «туземцевъ» (по выше-приведенному выраженію Копитара).

Адмиралъ Шишковъ, замѣщенный какъ министръ народнаго просвѣщенія княземъ Ливеномъ, остался однакоже президентомъ Россійской Академіи, и въ качествѣ этого послѣдняго онъ рѣшился возобновить свой проектъ вызова въ Россію ученыхъ Славянъ,—хотя въ нѣсколько измѣненной формѣ. Не видя

1) Мнѣ кажется болѣе цѣлесообразнымъ не прерывать здѣсь отчета о дѣятельности П. И-ча по дѣлу о призывѣ Славянъ, а сообщить о ней въ связи, не смотря на то, что въ хронологическомъ отношеніи часть этой дѣятельности принадлежитъ уже къ періоду его пребыванія на югѣ, о чемъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

пока возможности учрежденія славянскихъ каѳедръ при русскихъ университетахъ, онъ остановился на мысли объ устройствѣ при Русской Академіи особой славянской библіотеки, въ которой были бы собраны памятники литературы по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, а также всѣ книги, относящіяся къ славяно-вѣдѣнію; библіотекарями-же Шишковъ полагалъ пригласить тѣхъ-же самыхъ лицъ, которыя были намѣчены ранѣе для занятія славянскихъ каѳедръ, а именно Шафарика, Ганку и Челаковскаго[1]).

15-го октября 1829 г. П. И. пріѣхалъ на нѣкоторое время въ С.-Петербургъ, и вскорѣ по пріѣздѣ поспѣшилъ къ Шишкову. «Старикъ-президентъ давно поджидалъ появленія на старомъ мѣстѣ своего стараго славянскаго посредника, Кеппена». (Кочубинскій, стр. 292). Съ пріѣздомъ П. И-ча, «погаспее дѣло—славянскій призывъ—всплываетъ съ новою силою, ведется за-ново энергически и быстро, легко проходитъ опасныя тѣснины къ которымъ даже не подошелъ первый славянскій проектъ—законодательный путь, но за тѣмъ—чтобы въ концѣ и во второй разъ разрѣшиться ничѣмъ». (Кочубинскій, стр. 290).

29 декабря П. И. сообщаетъ Ганкѣ конфиденціально радостную вѣсть, что Шишкова и его старанія увѣнчались успѣхомъ: «Со всею поспѣшностью я долженъ объявить Вамъ, что наше желаніе — видѣть Васъ въ Россіи. кажется, приходитъ въ исполненіе. Съ тѣхъ поръ, какъ я опять въ Петербургѣ, работали мы не безъ успѣха. Россійская Академія назначила отъ 30 до 40 тысячъ рублей на созданіе Славянской Библіотеки и ежегодно отъ двухъ до трехъ тысячъ на пополненіе ея.—Въ библіотекари избраны: г. Ганка (съ содержаніемъ въ 4000 руб.), г. Челаковскій (3000 руб.) и г. Шафарикъ (4000 руб.), — всѣ на тѣхъ-же условіяхъ, на какихъ приглашаются въ Россію иностранные профессора, съ подъемными, коронною службою

1) Этотъ послѣдній (Čelakowsky) былъ рекомендованъ Ганкою, вмѣсто Палацкаго (Palacky), котораго П. И. имѣлъ первоначально въ виду.

и пр. Г. Челаковскій уравненъ съ экстраординарными профессорами. Я долженъ былъ составить объ этомъ особую Записку, хотя и не состою членомъ Россійской Академіи. Представленіе по этому дѣлу отъ Академіи уже пошло въ Министерство, и теперь требуется одного утвержденія Государя».

Вышеупомянутую Записку П. И-ча Шишковъ, въ засѣданіи Россійской Академіи, 23-го ноября 1829 года, внесъ въ видѣ своего предложенія[1]). Это послѣднее отпечатано Сухомлиновымъ[2]); оно-же, почти слово въ слово, составляетъ содержаніе оффиціальнаго письма, съ которымъ Шишковъ, 28 ноября 1829 г., обратился къ Министру Народнаго Просвѣщенія, князю К. А. Ливену.

Въ Выпискѣ изъ Журналовъ Комитета Министровъ 24-го декабря 1829 г. и 7-го января 1830 г. значится:

«Въ засѣданіе 24 декабря 1829 г. слушана Записка Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21-го декабря, . . о дозволеніи Россійской Академіи вызвать изъ-за границы трехъ ученыхъ для занятій при оной по части славянскихъ нарѣчій.

«Комитетъ полагалъ: представленіе сіе утвердить.

«Въ засѣданіи 7 Генваря 1830 г. объявлено Комитету, что Государь Императоръ положеніе Комитета Высочайше утвердить соизволилъ».

Итакъ, казалось, что все благопріятствовало успѣху задуманной Шишковымъ мѣры—учрежденія при Россійской Академіи обще-славянской библіотеки и опредѣленія при ней трехъ австрійскихъ Славянъ: Ганки, Шафарика и Челаковскаго. Почему-же симпатическому проекту этому, получившему даже Высочайшее разрѣшеніе, все-таки не суждено было осуществиться? Для опредѣленнаго и полнаго отвѣта на этотъ вопросъ, повидимому, не имѣется пока достаточныхъ данныхъ. Едва-ли

---

1) Такъ показываетъ Кочубинскій въ Приложеніяхъ, на стр. CXL, въ выноскѣ. По опечаткѣ, здѣсь значится 1830 (вмѣсто 1829 г.).

2) Исторія Россійской Академіи вып. VII, стр. 229—232.

Сухомлиновъ[1]) правъ, усматривая причину неудачи въ одномъ мѣшканьи самихъ славистовъ, которые «подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, откладывали свой пріѣздъ въ Россію». И Кочубинскій (стр. 305) замѣчаетъ, что если славянскому «тріумвирату» и во второй разъ не суждено было явиться въ Россію, то «на этотъ разъ—не по винѣ нашей»... Но такъ-ли. Дѣйствительно-ли мы неповинны въ томъ, что и второй проектъ Шишкова потерпѣлъ такую горькую неудачу?

Кочубинскій сваливаетъ главнѣйшую часть вины на Ганку, который, будучи доволенъ положеніемъ своимъ въ Прагѣ, передумалъ и измѣнилъ свое рѣшеніе переселиться въ Россію, затѣявъ новую комбинацію о разработкѣ всеславянскаго словаря на деньги Россійской Академіи, но не въ С.-Петербургѣ, а въ своей родной Прагѣ. Шафарикъ же, получившій отъ Шишкова разрѣшеніе свободно пользоваться временемъ для окончанія работъ своихъ, остается въ Новомъ-Садѣ и продолжаетъ тамъ работать, приготовляясь къ своей будущей дѣятельности въ Петербургѣ, осуществленія которой онъ искренно желалъ...

Самъ-же Кочубинскій (стр. 308—309) замѣчаетъ: «Есть темное извѣстіе, что въ Академіи рѣшили не только не торопить библіотекарей «Славенской Библіотеки» съ прибытіемъ, но, въ отмѣну приглашенія чрезъ Кеппена, просить ихъ ждать новаго приглашенія, и въ этомъ рѣшеніи какъ будто виднѣется рука практическаго Сперанскаго», который въ 1831 г. сталъ дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи и дважды (въ 1830 и 1832 гг.) видѣлся въ Прагѣ съ Ганкою. Безкорыстный и скромный Шафарикъ, не знавши ничего о происходившемъ въ Прагѣ, въ апрѣлѣ 1832 г. счелъ, наконецъ, необходимымъ напомнить о себѣ и, въ письмѣ къ Шишкову, заявляетъ, что онъ твердо остается при своемъ рѣшеніи послѣдовать почетному призыву въ С.-Петербургъ, куда намѣренъ отправиться не позже весны 1833 года. И тутъ-то Россійская Академія поступила съ

---

1) Въ привед. мѣстѣ, стр. 233—233.

бѣдствующимъ Шафарикомъ, повидимому, самымъ непростительнымъ образомъ. Вотъ, что замѣчаетъ по этому поводу А. Кочубинскій (стр. 313—314):

«На это извѣщеніе Шафарика уже не отвѣчалъ самъ Шишковъ, а секретарь Россійской Академіи, Соколовъ. Отвѣтъ этотъ долженъ былъ поразить добродушнаго Шафарика: онъ собирается въ Петербургъ, чтобы начать русскую службу, а Соколовъ ему, отъ имени Академіи, препоручалъ, что, можетъ быть, ему удобнѣе остаться еще на нѣсколько лѣтъ въ своемъ Новомъ-Садѣ, иными словами, что Академія въ немъ теперь не нуждается. Между тѣмъ теперь только Шафарикъ узналъ о «непредвидѣнномъ, по его словамъ, измѣненіи мыслей» Ганки и Челаковскаго (точнѣе, одного Ганки), уже послѣ отсылки письма къ Шишкову отъ 5 апрѣля; онъ понялъ, что это письмо его было лишнимъ, что иного отвѣта, чѣмъ отвѣтъ секретаря Академіи, онъ и ожидать не могъ, что дѣло о приглашеніи отставлено».

Такой печальный, а для Шафарика истинно несчастный оборотъ едва-ли приняло-бы это дѣло, если, вмѣсто Соколова, совѣтникомъ Шишкова, остался-бы П. И. Кеппенъ. Но увы! этотъ послѣдній жилъ въ то время въ Крыму и былъ озабоченъ совершенно другими дѣлами. . . На сколько П. И. былъ огорченъ этимъ недостойнымъ исходомъ столь соотвѣтствовавшаго его желаніямъ проекта адмирала Шишкова, это явствуетъ изъ слѣдующей приписки его къ письму къ нему В. Ганки (отъ 25 января 1830 г.): «Это приглашеніе (на мѣсто библіотекаря при Россійской Академіи), на которое уже испрошено было Высочайшее соизволеніе, состоялось вслѣдствіе моего предположенія, когда дѣло шло о прекращеніи ежегоднаго отпуска значительныхъ суммъ на содержаніе бывшей [1]) Россійской Академіи.

---

1) Изъ этого выраженія явствуетъ, что приписка П. И-ча сдѣлана позже, т. е. послѣ упраздненія Россійской Академіи, какъ отдѣльнаго учрежденія. Число и годъ на означенной припискѣ, снабженной подписью П. И-ча, не выставлены.

О вызовѣ помянутыхъ трехъ Славистовъ уже упомянуто было въ «Journal de St. Pétersbourg». Когда-же дальнѣйшій отпускъ суммъ для Академіи былъ Высочайше утвержденъ, во вниманіе къ новымъ ея предположеніямъ, тогда Академія предпочла оставаться при прежнемъ своемъ порядкѣ (?), и вызывавшіеся ученые остались въ обманѣ».

Заканчивая этимъ повѣствованіе о проектѣ вызова въ Россію Ганки, Шафарика и Челаковскаго, на сколько онъ касался дѣятельности «неутомимаго славянскаго борца, энергическаго Кеппена, этого заслуженнѣйшаго и перваго посредника между русскою и западно-славянскою наукою» [1]), не могу отказать себѣ въ передачѣ письма акад. Ягича, обращеннаго ко мнѣ по поводу столѣтняго юбилея рожденія П. И-ча. [2])

«Поводомъ къ этому письму послужила замѣтка о Вашемъ покойномъ отцѣ, которую я прочелъ въ «St. Petersburger Zeitung» (отъ 19-го Февраля 1893 г.). Какъ разъ въ это послѣднее время мнѣ приходилось часто называть имя его; ибо въ исторіи славянской филологіи, а именно, когда дѣло шло, въ 30-хъ годахъ, о неудавшейся попыткѣ вызвать въ Россію трехъ чешскихъ славистовъ, отецъ вашъ игралъ первую, значительнѣйшую и истинно прекраснѣйшую роль, отличавшуюся своимъ благороднымъ идеализмомъ, — между тѣмъ какъ Шишковъ и члены Россійской Академіи смотрѣли на это дѣло не такъ серьезно, какъ отецъ вашъ, а сами вызывавшіеся, въ особенности-же Ганка, не были способны выполнить великую задачу... Я хотѣлъ при этомъ случаѣ, заявить вамъ не только выраженіе моего личнаго уваженія къ вашему отцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и почтительное о немъ сужденіе совокупной славянской науки».

---

1) По словамъ Кочубинскаго (на стр. 303).

2) Письмо изъ Вѣны, отъ 7 (19) марта 1893 г., написано по нѣмецки. Съ разрѣшенія автора его, академика и профессора Ягича, я передаю извлеченіе изъ него въ русскомъ переводѣ.

ГЛАВА VI.

Пребываніе на югѣ: 1827—1834 г.

Еще въ августѣ 1825 г. Петръ Ивановичъ писалъ своему другу Ганкѣ: «Желалъ-бы опять повояжировать. Не знаю еще, удастся-ли мнѣ когда-либо объѣхать Карпаты и побывать въ Кроаціи, а признаюсь, что давно уже сего желаю». Желанію этому, питавшемуся, очевидно, подъ впечатлѣніемъ недавняго еще, столь плодотворнаго заграничнаго путешествія, не суждено было осуществиться. Мы видѣли, что вмѣсто того, П. И., уже лѣтомъ 1826 года, носился съ совершенно другимъ намѣреніемъ—переселиться на югъ, въ прелестный Крымъ, который такъ ему полюбился еще въ 1819 году. Мы видѣли также, что онъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго инспектора надъ шелководствомъ, Хр. Хр. Стевена, на что послѣдовало Высочайшее утвержденіе 8-го марта 1827 года. Жалованья, со включеніемъ денегъ на канцелярію и фуражныхъ для разъѣздовъ, положено ему по 1112 руб. сер. Для жительства своего онъ могъ избрать любое мѣсто въ южной Россіи, отъ предѣловъ Царства Польскаго и Дуная до Волги и Кавказа; П. И. остановился на Симферополѣ.—Какъ уже выше сказано, П. И. остался, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, чиновникомъ особыхъ порученій, съ жалованьемъ по 1500 руб. въ годъ. Министръ Шишковъ, 30-го мая 1827 г., далъ ему предписаніе о продолженіи начатаго имъ уже, по распоряженію Департамента Нар. Просв., историческаго и статистическаго обозрѣнія учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Чтобы во время разъѣздовъ П. И-ча по Россіи, онъ могъ собирать нужные для занятій матеріалы, дано было ему право обращаться непосредственно къ учебнымъ заведеніямъ о нужномъ въ этомъ отношеніи содѣйствіи, о чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено было цирку-

лярно Попечителямъ учебныхъ округовъ. Для лучшаго исполненія этого послѣдняго порученія, П. И., собираясь отправиться на свое новое мѣсто назначенія, рѣшился проѣхать въ Симферополь черезъ Дерптъ, Ригу, Вильно, Кіевъ, Харьковъ и Екатеринославъ. Между тѣмъ и отъ Стевена П. И. получилъ предписаніе осмотрѣть на пути хозяйственныя учебныя заведенія въ губерніяхъ Кіевской, Слободско-Украинской (Харьковской) и Екатеринославской.

Допечатавъ 3-ій нумеръ своихъ Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи и предисловіе къ Собранію словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, П. И. сдѣлалъ болѣе сотни прощальныхъ визитовъ и уложилъ послѣднія свои вещи. Уже 70 пудовъ книгъ и т. п. были съ подрядчикомъ (чрезъ г. Таля) отправлены въ Симферополь, что стоило П. И-чу до 520 руб. асс. Книги и бумаги, нужныя ему для занятій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, были отправлены въ Симферополь чрезъ Департаментъ. Продолженіе печатанія Собранія словенскихъ памятниковъ взялъ на себя вѣрный другъ и литературный сотрудникъ П. И-ча, А. Х. Востоковъ. — Наконецъ, 4-го іюня, утромъ, П. И. оставилъ столицу, вмѣстѣ съ молодымъ Е. Б. Ниппа, сыномъ прежней его доброй хозяйки, который опредѣленъ былъ къ нему писцомъ. Для сопровожденія же его, почтъ-директоръ Конст. Як. Булгаковъ далъ П. И-чу Виленскаго почталіона В. Юшкевича.

Сперва П. И. отправился въ Павловскъ, гдѣ посѣтилъ уважаемаго Ѳ. П. Аделунга, а затѣмъ въ нѣмецкую колонію Фриденталь, около Царскаго Села; по порученію Директора Департамента государственнаго хозяйства, Степ. Сем. Джунковскаго, здѣсь имъ собраны были свѣдѣнія о шелковыхъ, бумажныхъ и другихъ издѣліяхъ колонистовъ. Изъ Царскаго Села П. И. проѣхалъ на Кипень, а отсюда, по большому тракту, въ Дерптъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней. Вечеромъ 12-го іюня П. И. прибылъ въ Ригу.

Въ видахъ новыхъ своихъ занятій на югѣ, онъ ознакомился

здѣсь съ садовыми заведеніями гг. Шляхта, Цигры и Вагнера, гдѣ ему очень хвалили садовника Клинкгарта, въ имѣніи маіора Дом. Монюшко, близъ Минска. Въ клубѣ («Musse»), П. И. имѣлъ удовольствіе познакомиться лично съ г. Штрандманомъ, возвращавшимся изъ Рима въ С.-Петербургъ; въ своей книгѣ: «Über Alterthum und Kunst in Russland» П. И. уже упомянулъ о его сочиненіи о могилахъ Россіи, доставленномъ въ рукописи изъ Лондона къ покойному канцлеру графу Румянцову.

14-го іюня П. И. отправился въ Митаву, гдѣ давнишній пріятель его Реке (Fr. v. Recke) принялъ П. И-ча съ отверстыми объятіями. Тутъ-же онъ познакомился съ Директоромъ училищъ Брауншвейгомъ, съ которымъ уже состоялъ въ перепискѣ; съ нимъ П. И. прочиталъ и обсудилъ составленную имъ (Бр.) записку о преобразованіи университетовъ. Изъ Митавы П. И. проѣхалъ въ Ковно, а затѣмъ въ Вильно, куда прибылъ утромъ 19-го іюня. Здѣсь онъ тотчасъ-же посѣтилъ своего земляка и пріятеля Ив. Ник. Лобойко, профессора россійской словесности и славянскаго языка при тамошнемъ университетѣ, знакомаго намъ еще изъ II-ой главы, когда онъ былъ Харьковскимъ студентомъ. Г. Лобойко повезъ П. И-ча къ садамъ, называемымъ Маркуцѣ (Markucie), гдѣ проводили лѣто нѣсколько профессоровъ. Тутъ П. И. встрѣтился и съ каноникомъ Мих. Кир. Бобровскимъ, съ которымъ давно уже состоялъ въ перепискѣ. У этого послѣдняго онъ познакомился съ митрополичьимъ оффиціаломъ Ант. Юр. Сосновскимъ, отъ котораго получилъ интересныя данныя о Татарахъ, поселившихся въ Литвѣ еще при Витовтѣ и позабывшихъ свой языкъ. Кромѣ того, г. Сосновскій имѣлъ любезность тотчасъ-же составить циркулярный запросъ (на польскомъ языкѣ) къ священникамъ трехъ сотъ приходовъ, относительно предѣловъ литовскаго языка, а также разныхъ нарѣчій русскаго языка. Объ этомъ послѣднемъ предметѣ П. И. совѣтовался также съ Секретаремъ Виленской Духовной Консисторіи Вик. Андр. Згерскимъ. У г. Бобровскаго П. И. разсматривалъ съ большимъ любопытствомъ нѣсколько древнихъ

рукописей, которыя бралъ и на домъ для снятія копій; въ томъ числѣ была и Супрасльская минея, описаніе которой Востоковъ помѣстилъ въ «Библіографическихъ Листахъ» (см. выше, стр. 101). Много П. И. толковалъ также съ г. Онацевичемъ, преподавателемъ статистики Россійскаго государства при Виленскомъ Университетѣ, собиравшимся издать статистику губерній, составляющихъ Виленскій учебный округъ. Въ тѣхъ-же интересахъ П. И. подалъ въ Университетъ бумагу о необходимыхъ ему свѣдѣніяхъ по части исторіи и статистики учебнаго округа.

26-го іюня П. И. отправился въ Минскъ, куда прибылъ на слѣдующій день. Здѣсь онъ посѣтилъ и городской садъ, которымъ Минскъ обязанъ бывшему здѣсь губернаторомъ тайному совѣтнику Карнѣеву, который впослѣдствіи былъ Попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. По этому поводу П. И. замѣчаетъ: «Общеполезное сіе заведеніе нѣсколько меня помирило съ худымъ Попечителемъ». Далѣе значится у него: «Примѣчательно то, что въ семъ саду, занимающемъ до 30-и десятинъ, городскіе чиновники, какъ-то гражданскій губернаторъ, совѣтники и пр., пользуются участками, которые или обработываютъ сами или передаютъ другимъ».

Заинтересовавшись уже въ Ригѣ садовникомъ Клинкгартомъ и пригласившимъ его къ себѣ помѣщикомъ Монюшко (Dom. Moniuszko), П. И. лишь съ большимъ трудомъ могъ узнать о положеніи принадлежавшаго ему имѣнія Радковщизны, и о томъ, какъ туда всего удобнѣе попасть. А между тѣмъ, имѣніе это, о которомъ почти никто не зналъ чего либо точнаго, представляло много любопытнаго. Вотъ, что отмѣтилъ объ этомъ П. И. въ своихъ путевыхъ запискахъ:... «Главная цѣль г. Монюшко состояла въ улучшеніи положенія своихъ подданныхъ. Для сего, по его весьма справедливому заключенію, надлежало ихъ хотя нѣсколько образовать и наставить въ сельскомъ хозяйствѣ. Все достояніе свое г. Монюшко рѣшился употребить на достиженіе сего намѣренія. Къ счастью нашелся и Клинкгартъ, страстно одушевленный къ садоводству, человѣкъ доб-

рый и въ требованіяхъ своихъ весьма умѣренный... Въ Вильнѣ, въ числѣ воспитанниковъ семинаріи для приходскихъ учителей и органистовъ, пріисканъ молодой человѣкъ, для устроенія Ланкастерской школы. Всѣ крестьянскія дѣти, безъ коихъ родители могутъ обойтись, здѣсь обучаются...

«Главное намѣреніе г. Монюшко, какъ уже сказано выше, состоитъ въ томъ, чтобы улучшить положеніе своихъ крестьянъ. Онъ желаетъ довести ихъ до того состоянія, чтобы они были уже не простыми крѣпостными людьми, но арендаторами своихъ участковъ. Для сего-то и думаетъ онъ строить имъ исподволь жилья, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, напр. на полъ-версты, такъ, чтобы каждый жилъ среди поля имъ воздѣлываемаго. Вотъ, думаю, наилучшій способъ приготовить поселянъ къ состоянію свободныхъ хлѣбопашцевъ».

Дальнѣйшій путь П. И-ча пролегалъ чрезъ Игуменъ и Бобруйскъ на Черниговъ. Переправившись при закатѣ солнца, черезъ Днѣпръ, П. И., въ своемъ дневникѣ, восклицаетъ: «Вступивъ на почву Малороссійскую, я благодарилъ Бога за возвращеніе въ отчизну!» Въ Черниговѣ онъ осмотрѣлъ казенный садъ, представлявшій мало отраднаго. Отпустивъ здѣсь Виленскаго почталіона В. Юшкевича, провожавшаго его отъ С.-Петербурга до Чернигова, П. И. передалъ вещи свои малороссійскому почталіону Калинѣ Мастренкѣ, котораго далъ ему почтъ-директоръ Ив. А. Мельниковъ. Въ Козельцѣ П. И-чу попался на встрѣчу профессоръ Харьковскаго университета Игн. Ник. Даниловичъ, свиданіе съ коимъ было ему и нужно и весьма пріятно. Они условились ѣхать до Кіева вмѣстѣ и расположиться тамъ въ одной гостинницѣ.

Тотчасъ послѣ пріѣзда своего въ Кіевъ (4-го іюля), П. И. поспѣшилъ къ преосвященному митрополиту Евгенію. Хотя они и переговорили о разныхъ предметахъ, касавшихся древностей Россіи, однакоже, повидимому, митрополитъ отнесся къ П. И-чу суше прежняго; Кочубинскій (стр. 209), вѣроятно, правъ, замѣчая слѣдующее: «Но невѣрности предмету первой любви не

простилъ Кеппену его покровитель и другъ, доживавшій свой долгій вѣкъ старѣйшій дѣятель Румянцовскаго Кружка, и все тотъ-же старый идеалистъ—Евгеній. Когда въ 1834 году посѣтилъ знаменитаго митрополита молодой Мурзакевичъ изъ Одессы, слѣдовательно незадолго до его смерти, Евгеній горько сѣтовалъ на Кеппена, что тотъ сталъ писать о виноградѣ, вмѣсто того, чтобы продолжать начатые Словенскіе памятники [1]).

П. И. дѣйствительно, въ это время, носился съ другими мыслями и планами... Съ инспекторомъ надъ шелководствомъ И. Е. Пащенко онъ отправился въ «Государевъ садъ», гдѣ одинъ изъ служителей занимался шелководствомъ. Отсюда они пришли къ мѣсту, называемому «Кловъ», гдѣ находились («или, лучше сказать, должны были находиться») разсадникъ тутовыхъ деревъ и казенная шелкомотальня. На вопросъ П. И-ча о причинѣ худого состоянія этого разсадника, г. Пащенко, объяснилъ, что изъ 400 рублей, отпускаемыхъ на содержаніе шелковичнаго сада и людей приономъ положенныхъ, мѣстное начальство употребляетъ нынѣ только 100 рублей, платимыхъ сторожу.

6-го іюля П. И. оставилъ Кіевъ и, черезъ Переяславъ и Пирятинъ, проѣхалъ въ Лубны. Здѣсь онъ осмотрѣлъ два аптекарскихъ сада, въ которыхъ однакоже разводилось не болѣе 10-ти разныхъ оффиціальныхъ растеній, въ томъ числѣ мята, шалфей и горчица. Изъ этихъ садовъ армія, въ то время, снабжалась нужными аптекарскими травами, изъ коихъ нѣкоторыя собирались также на окрестныхъ поляхъ и по крестьянскимъ огородамъ [2]).

Къ вечеру 8-го іюля П. И. прибылъ въ Полтаву и, не теряя

---

1) «Воспоминанія» Мурзакевича, въ «Русской Старинѣ», 1887 г., мартъ, стр. 661.

2) Въ путевыхъ запискахъ П. И-ча сообщено содержаніе исторической записки о Лубенскомъ аптекарскомъ садѣ, составленной, на основаніи (видѣнныхъ имъ самимъ) подлинныхъ бумагъ, Виленскимъ аптекаремъ М. Л. Головащенко.

времени, тотчасъ-же поспѣшилъ въ казенный садъ, гдѣ засталъ садовника Клингенберга въ саду, за работою; какъ садъ, такъ и находившаяся приономъ небольшая садовническая школа, найдены были въ отличномъ порядкѣ. Посѣщенный-же, на слѣдующій день, садъ въ г. Константиноградѣ находился въ совершенномъ запустѣніи. Въ Новыхъ Водолагахъ П. И. былъ у графа Де-Парма, который показалъ ему казенный разсадникъ тутовыхъ деревъ, содержавшійся въ примѣрномъ порядкѣ. Нѣкоторое количество смотаннаго при немъ-же шелка-сырца П. И. послалъ въ С.-Петербургъ, къ С. С. Джунковскому, съ просьбою предъявить какъ этотъ шелкъ, такъ и самые коконы г-мъ Трибодино, владѣтелямъ шелковой фабрики (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, вверхъ по Невѣ)[1]), съ тѣмъ, не согласятся-ли они покупать у крестьянъ всѣ добываемые ими коконы.

10-го іюля П. И. прибылъ въ родной свой Харьковъ, гдѣ остановился у своей матери и, въ кругу дорогой семьи своей, прожилъ десять дней; затѣмъ онъ посѣтилъ еще двухъ зятей своихъ: доктора Д. А. Нейбейзера въ Изюмѣ, и Н. М. Фидлера, изъ имѣнія котораго (Элканки) онъ проѣхалъ въ Павлоградъ. Близъ этого послѣдняго города обратили на себя его вниманіе двѣ каменныя бабы, изъ которыхъ одна съ перстами на рукахъ и съ ногами, обутыми въ особой формы сапоги.

Черезъ Новомосковскъ П. И. проѣхалъ въ Екатеринославъ, гдѣ посѣтилъ казенный садъ, въ сопровожденіи состоявшаго при немъ, съ давнихъ лѣтъ, садовника Гуммеля. Цѣны на отпускаемыя изъ этого сада деревья были довольно высоки, вслѣдствіе чего очень большое количество фруктовыхъ деревъ оставалось непроданнымъ, и даже, по недостатку земли и тѣснотѣ, оказывалось нужнымъ вырубить до 4000 деревъ. Отмѣтивъ въ своемъ дневникѣ это неблагопріятное обстоятельство, П. И. за-

---

1) Передъ отъѣздомъ своимъ изъ С.-Петербурга, П. И. осмотрѣлъ эту фабрику и ознакомился съ ея нуждами и требованіями.

ключаетъ: «Нужно-бы, кажется, уменьшить цѣны деревьямъ, для поощренія садоводства. Полезно было бы даже безденежно раздавать оныя, и не только не брать платы, но даже награждать тѣхъ, которые успѣютъ въ большомъ количествѣ разводить у себя деревья. Разведенія сего рода сами по себѣ уже требуютъ издержекъ, и безъ премій и наградъ правительство едва-ли успѣетъ въ намѣреніи своемъ распространить садоводство». Вмѣстѣ съ г. Гуммелемъ П. И. осмотрѣлъ также дворцовый или Потемкинскій садъ, въ которомъ фруктовыя деревья росли очень плохо.

Изъ Екатеринослава П. И. выѣхалъ 31-го іюля и проѣхалъ, черезъ Хортицкую колонію, Никополь, Каховку и Перекопъ[1]), въ Симферополь, свое новое мѣсто назначенія, куда прибылъ 2-го августа.

Первымъ дѣломъ здѣсь, конечно, было представиться своему новому начальнику, Христіану Христіановичу Стевену, который лишь очень недавно былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ надъ шелководствомъ, на мѣсто умершаго, въ 1826 году, барона Маршала-фонъ-Биберштейна, проживавшаго въ Харьковѣ. Со Стевеномъ П. И. познакомился и сблизился уже въ 1819 году, при первомъ своемъ посѣщеній Крымскаго полуострова, когда онъ пробылъ у него по нѣскольку дней какъ въ Никитскомъ саду (директоромъ котораго былъ Стевенъ), такъ и въ Симферополѣ. Стевенъ былъ 12-ью годами старше П. И-ча[2]), родомъ изъ Финляндіи, страстный ботаникъ и энтомологъ, получившій степень доктора медицины еще въ 1799 году, т. е. когда ему было отъ роду лишь 18 лѣтъ, и черезъ годъ уже опредѣленный инспекторомъ надъ шелководствомъ въ Кавказской губерніи. Не смотря на довольно значительную разность въ

---

1) Для проѣзда этимъ трактомъ, нужно было запастись въ Екатеринославѣ особою подорожною; онъ былъ на 120 верстъ короче обыкновеннаго тракта на Симферополь, пролегавшаго черезъ Александровскъ и Орѣховъ на Каховку. Первый равнялся 460-и, второй — 580-и верстамъ.

2) Онъ родился 19 (30) января 1781 г. въ Фридрихсгамѣ.

лѣтахъ, Стевенъ очень подружился съ П. И-чемъ и, начиная съ 1821 года, велъ съ нимъ оживленную переписку до самой смерти своей, послѣдовавшей 18 апрѣля 1863 года. Тогда-же П. И., самъ 70-лѣтній старецъ, помѣстилъ въ Таврическихъ губернскихъ вѣдомостяхъ краткую біографію своего неизмѣннаго друга [1]).

Родъ занятій П. И-ча по новой службѣ, состоялъ главнѣйшимъ образомъ въ собираніи свѣдѣній объ успѣхахъ шелководства, винодѣлія и садоводства въ южной Россіи; обязанность эта была сопряжена съ многочисленными разъѣздами, съ цѣлію посѣщенія разбросанныхъ на весьма большомъ пространствѣ тутовыхъ, садовыхъ и виноградныхъ плантацій. Сюда же входило собираніе статистическихъ свѣдѣній о количествѣ урожая плодовъ и винограда, о цѣнахъ на плоды и вино, и пр. Сверхъ того, П. И. имѣлъ въ своемъ завѣдываніи разведенную около Симферополя тутовую плантацію.

Въ послѣднихъ числахъ сентября П. И. получилъ отъ Стевена предложеніе отправиться въ разныя мѣста Крыма, для составленія вѣдомостей о состояніи шелководства и винодѣлія. Порученіе это было для него весьма пріятно, такъ какъ оно доставляло ему случай, не теряя времени, ближе познакомиться съ полуостровомъ, постояннымъ жителемъ котораго онъ сдѣлался лишь очень недавно [2]). Съѣздивъ сперва, съ управлявшимъ губерніею Н. М. Лонгиновымъ въ Судакъ (1—2 октября), П. И., 5-го октября пустился въ путь верхомъ, на обывательскихъ лошадяхъ, въ сопровожденіи письмоводителя, разсыльщика земскаго суда (для заготовленія квартиръ и лошадей) и собственнаго служителя. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, маршрутъ, по которому онъ слѣдовалъ: Сперва П. И. посѣтилъ деревню и пещеру Кизылъ-кобá, а также окрестныя мѣста, и вер-

---

1) Біографія эта, съ присовокупленіемъ портрета Стевена, была перепечатана въ «Земледѣльческой Газетѣ», 1863 г., № 35.

2) Путевой дневникъ П. И-ча содержитъ много любопытныхъ подробностей, касающихся этого путешествія.

нулся вечеромъ 7-го числа въ Симферополь; отсюда онъ снова тронулся 9-го октября, проѣхалъ вдоль р. Булганака и посѣтилъ нѣмецкую колонію Кронненталь; изъ близлежащаго селенія Джавджурека онъ поворотилъ влѣво, къ устью Альмы, въ селеніе Алматамакъ; затѣмъ путь шелъ черезъ Тарханларъ въ Алмакерменъ, вдоль р. Альмы; отсюда П. И. посѣтилъ графа Де-Мезона, въ его имѣніи Аджибикé; давно уже онъ желалъ познакомиться съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ, столь достопримѣчательнымъ въ исторіи просвѣщенія южной Россіи. Далѣе П. И. проѣхалъ въ сел. Бадракъ, и отсюда посѣтилъ бѣдную греческую колонію Балтачокракъ; черезъ сел. Улаклы, съ его каменоломнями, и Мангушъ, онъ пробрался въ Чуфутъ-калé, а затѣмъ въ Бахчисарай. Отсюда онъ отправился, черезъ Яшлавъ и Отешель, въ Колонтай (Халымтай); верстахъ въ 4-хъ или 5-ти къ югу отъ Отешели П. И. замѣтилъ, при развѣтвленіи дороги, курганъ, а на немъ (сильно поврежденную) каменную бабу. Тутъ онъ былъ уже въ прекрасной долинѣ Качи, берегомъ которой онъ прослѣдовалъ затѣмъ вверхъ, чрезъ Голюмбій, Арамкой (верхнюю Михайловку) и Тиберти, къ Коштермену. Далѣе онъ проѣхалъ, черезъ Керменчикъ, въ Улусалá и Куушъ, лежащій уже близъ источника Качи. Отсюда экспедиція, весьма каменистою дорогою, на быстрыхъ коняхъ, прослѣдовала въ сел. Стиля, а затѣмъ, черезъ Багатырь и Махульдуръ, въ Коккозъ.

Изъ Коккоза П. И., черезъ селенія Енисала, Фотисала и Отарчикъ, проѣхалъ въ высоко лежащій Мангупъ, для осмотра интересныхъ его развалинъ, а затѣмъ черезъ Каралезъ и Дуванкой, въ Севастополь. Пробывъ здѣсь цѣлый день, онъ отправился въ Балаклаву, откуда посѣтилъ Георгіевскій монастырь, и далѣе, черезъ Чоргунъ, въ прелестную Байдарскую долину. Отсюда П. И. перевалилъ черезъ горы, въ Ласпи, на южномъ берегу [1]), гдѣ побывалъ у г. Компера (Compère), страстнаго

1) Въ то время еще не существовала знаменитая шоссейная дорога, ведущая чрезъ «Байдарскія ворота», откуда путешественнику внезапно открывается видъ на безбрежное море и на чудный «южный берегъ».

ботаника, и далѣе проѣхалъ, черезъ Форосъ и Мшатку, въ Мухалатку.

Здѣсь П. И. имѣлъ случай видѣть большой свѣжій оползень, характерный для этой мѣстности. Въ своемъ дневникѣ П. И. замѣтилъ по этому поводу: «Вотъ мы уже въ околодкѣ Кючюкъ-Коя, деревни извѣстной по неоднократнымъ обрушеніямъ земли, отъ перемѣны теченія разныхъ источниковъ»[1]).

Въ Симеизѣ П. И. осмотрѣлъ прекрасный садъ полковника Ревиліоти, которому принадлежали также Мухалатка и Форосъ и отъ котораго графъ Воронцовъ купилъ часть Алупки. О посѣщеніи тамошняго сада, 30-го октября, П. И. замѣчаетъ: «Вмѣстѣ съ управителемъ графа Воронцова мы отправились въ очаровательный садъ, изобилующій водою и зимнею зеленью. Лѣто минуло, но садъ явился въ новой одеждѣ. Теперь кипарисы, лавры и вьющійся по камнямъ плющъ украшали окрестныя мѣста»...

Черезъ Хурейсъ (Кореизъ), Гаспру, Оріанду и Ялту (тогда еще деревню), П. И. прибылъ къ ночлегу въ Дерекой, откуда прослѣдовалъ, на другой день, черезъ Марсанду (Массандру), въ «Государевъ» Никитскій садъ; осмотрѣвъ этотъ послѣдній, въ сопровожденіи директора его Гартвиса (замѣнившаго Х. Х. Стевена), П. И., черезъ Айданиль, проѣхалъ въ Урзуфъ (Гурзуфъ), принадлежавшій въ то время графу Воронцову, а, на слѣдующій день, черезъ Партенитъ, въ Кючюкъ-Ламбатъ, къ А. М. Бороздину, въ бесѣдѣ съ коимъ онъ провелъ нѣсколько весьма пріятныхъ часовъ. Между прочимъ г. Бороздинъ разспрашивалъ его о русскихъ литераторахъ, и преимущественно о журналистахъ. По поводу этого П. И. отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Признаюсь, что это, послѣ нѣсколькихъ словъ о литературѣ съ губернаторшею Нат. Ѳед. Нарышкиною (урожденною Ростопчиною), была здѣсь въ Крыму первая бесѣда о русской

[1]) Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ подобныхъ случаевъ, бывшій въ февралѣ 1786 года, описанъ Палласомъ, въ его: Neue Nordische Beyträge, Bd. 5, 1793, p. 258—261.

литературѣ!» — Чрезъ Алушту П. И. проѣхалъ въ Куру-Узень (П. И. Ланга), а затѣмъ въ Кючюкъ-Узень (П. Ег. Штеге), гдѣ онъ уже въ 1819 г. провелъ нѣсколько пріятныхъ дней. Отсюда, черезъ сел. Демирджи, онъ вернулся въ Симферополь, 4-го ноября.

Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, П. И., 10-го ноября, пустился снова въ путь, для обозрѣнія восточной половины Крымскихъ горъ. Посѣтивъ сперва сел. Эски-Орду, онъ затѣмъ, чрезъ Зую, отправился въ нѣмецкую колонію Нейзацъ, и далѣе въ Карасубазаръ. Отсюда онъ, опять верхомъ, повернулъ на югъ, снова въ Таврическія горы; черезъ Юкары-баши П. И. прослѣдовалъ въ Ускютъ, а затѣмъ въ Капсхоръ, гдѣ отъ муллы собралъ свѣдѣнія о татарскихъ училищахъ и о духовныхъ пѣсняхъ Татаръ. Отсюда караванъ черезъ Воронъ и Шелень, прошелъ въ Айсерезъ. На пути къ этому послѣднему селенію, онъ встрѣтилъ четыре свадебныхъ арбы: въ первой изъ нихъ, убранной разноцвѣтными матеріями, сидѣла невѣста; другая была наполнена приданымъ (подушками и пр.); въ двухъ слѣдующихъ сидѣли провожавшія невѣсту Татарки. Подъѣзжая къ Айсересу, наши путешественники встрѣтили и человѣкъ двадцать конныхъ Татаръ, сопровождаемыхъ музыкою: двумя зурнами (родъ флейты) и даўломъ (широкій и плоскій барабанъ). Не смотря на позднее время дня, П. И. рѣшился прослѣдовать еще въ тотъ-же вечеръ (17-го ноября) до Кутлака, куда онъ хотя и прибылъ благополучно, но послѣ чрезвычайно затруднительнаго переѣзда по весьма гористой мѣстности и по тропамъ сильно попорченнымъ ливнемъ, который, вмѣстѣ съ грозою, застигъ караванъ въ пути. Въ слѣдующее утро П. И. отправился въ Судакъ, гдѣ остановился у своихъ добрыхъ Симферопольскихъ хозяевъ (И. Ѳ. Руднева и К. К. Пфундъ). Почти цѣлый день П. И. посвятилъ внимательному осмотру развалинъ Судакской древней (генуэзской) крѣпости. Въ своемъ дневникѣ онъ списалъ нѣсколько сохранившихся въ оной латинскихъ надписей и срисовалъ изображенные при нихъ гербы — въ томъ числѣ гербъ Генуи: красный крестъ на

серебряномъ полѣ. Въ Судакѣ-же П. И. посѣтилъ казенный садъ, смотритель коего, баронъ А. К. Боде, сообщилъ ему нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія, касающіяся Судакской долины.

21-го ноября П. И. отправился въ Козы, славившіеся добротою своего вина, а оттуда, весьма гористою дорогою, въ Отузы, гдѣ, между прочимъ, посѣтилъ и немногихъ поселенныхъ тамъ нѣмецкихъ колонистовъ. Въ слѣдующій день онъ проѣхалъ въ Ѳеодосію, гдѣ остановился въ нѣмецкомъ «трактирѣ». Запасшись здѣсь подробными и весьма разнообразными статистическими данными, П. И. посвятилъ не мало времени и осмотру тамошняго музея, смотрителемъ коего, въ то время, состоялъ мѣстный карантинный медикъ, докторъ Грансронъ. И здѣсь онъ списалъ и срисовалъ нѣсколько надписей и изображеній. На обѣдѣ у градоначальника онъ былъ обрадованъ оффиціальнымъ извѣстіемъ о Наваринскомъ сраженіи. Тотчасъ послѣ этого обѣда, 24-го ноября, П. И., черезъ Караго́зъ, отправился въ Старый Крымъ, а затѣмъ, черезъ Элбузлы и Камышлы, въ сел. Топлу. На пути отсюда къ Кокташу, онъ переѣхалъ мостикъ, около котораго всѣ деревья были увѣшаны бѣлыми или цвѣтными тряпичками. Татары дѣлали это по суевѣрію, надѣясь за то на полученіе какихъ либо благъ. Въ своемъ путевомъ дневникѣ П. И. замѣчаетъ, что подобныя-же лоскутныя украшенія встрѣчаются въ Крыму и на деревьяхъ, стоящихъ у гроба какого-либо *азиса* (т. е. татарскаго святого).—Побывавъ еще въ Орталанѣ, П. И. проѣхалъ, черезъ Біэли, въ Катырша-Сарай, имѣніе покойнаго князя Кая-Бея-Балатукова. Наконецъ, 28-го ноября наши путешественники возвратились въ Симферополь.

Главнѣйшая задача и работа П. И-ча, во время только-что описаннаго путешествія, состояла въ собираніи разныхъ статистическихъ свѣдѣній о состояніи винодѣлія, садоводства, шелководства и другихъ отраслей хозяйства, какъ помѣщиковъ такъ и Татаръ и нѣмецкихъ колонистовъ, проживающихъ въ пригорной и въ горной части Крыма, а также на южномъ берегу. Но П. И., со свойственною ему любознательностью, собиралъ и раз-

ныя другія статистическія данныя — о количествѣ народонаселенія, о состояніи училищъ, заводской промышленности, народнаго продовольствія, и пр. Для этой цѣли онъ постоянно имѣлъ дѣло съ исправниками, волостными правленіями и ихъ писарями, шульцами въ нѣмецкихъ колоніяхъ, съ татарскимъ духовенствомъ, и съ другими болѣе или менѣе образованными оффиціальными личностями. Только рѣдко ему удавалось преслѣдовать свои прежнія археологическія цѣли; но еще рѣже приходилось ему бесѣдовать съ высоко-образованными лицами о наукѣ и литературѣ. Выше мы сообщили тяжкій вздохъ П. И-ча о такомъ недостаткѣ, по поводу разговора съ А. М. Бороздинымъ. Упомянемъ здѣсь еще о посѣщеніи имъ княгини Анны Серг. Голицыной въ Хурсисѣ (Кореизѣ) (на южномъ берегу), «подобно орлицѣ здѣсь взгнѣздившейся». Рѣчь зашла, между прочимъ, о Магницкомъ, касательно котораго она неоднократно предохраняла мужа своего, князя А. Н. Голицына. «Онъ, говорятъ, покаялся», не разъ отвѣтствовалъ князь. Любопытно то, что, по словамъ княгини, замѣтилъ, по этому поводу, Сперанскій: «Я все еще не отчаявался въ томъ, что Магницкій исправится, когда онъ былъ только негодяемъ; но теперь, когда онъ сдѣлался ханжею, уже не имѣю никакой надежды».

Возвратившись въ Симферополь, гдѣ П. И. имѣлъ свою квартиру въ домѣ Руднева, по близости р. Салгира, онъ предался разработкѣ собраннаго въ пути богатаго статистическаго матеріала. Въ рождественскій сочельникъ онъ былъ обрадованъ пріѣздомъ своей доброй матери и брата Карла Ивановича, съ женою, которые остались въ Симферополѣ до апрѣля 1828 года. П. И. устроилъ у себя, по четвергамъ, вечеринки, на которыя собирались нѣкоторые друзья, въ томъ числѣ Х. Х. Стевенъ и докторъ Мильгаузенъ[1]), съ которымъ онъ близко сошелся. Въ исходѣ апрѣля П. И. снова съѣздилъ на южный берегъ; вмѣстѣ съ док-

1) Некрологъ почтеннаго Ѳедора Карловича Мильгаузена, умершаго въ Симферополѣ въ ночь на 23-го марта 1853 г., напечатанъ въ «Таврич. губ. Вѣдом.», 1853 г., № 17. Мильгаузенъ родился въ С.-Петербургѣ въ 1775 г.

торомъ Мильгаузеномъ, онъ (29-го числа) посѣтилъ Туакскую пещеру, а затѣмъ побывалъ и въ Никитѣ. 14-го мая Стевенъ уѣхалъ въ Кизляръ; а 15 и 16 мая П. И., въ сопровожденіи гг. Мильгаузена и Ланга, съѣздилъ въ Чуюнчу и Юкарыкипчакъ, къ г. Филатьеву. Судя по тому, что онъ въ дневникъ свой внесъ разныя цифры, касающіяся пространства и цѣнности названныхъ имѣній, можно предположить, что цѣль этой послѣдней поѣздки состояла въ осмотрѣ разныхъ имѣній, въ видахъ возможности пріобрѣтенія чего-либо подходящаго въ свою собственность. Повидимому, съ тою-же самою цѣлью П. И., въ исходѣ мая, опять въ сопровожденіи доктора Мильгаузена, побывалъ на Качѣ и на Алмѣ. Подражая извѣстному графу Дандало, усердному наблюдателю шелковичныхъ червей, П. И. цѣлыхъ семь недѣль посвятилъ исключительно тѣмъ-же наблюденіямъ, отмѣчая въ точности свои минуціозныя измѣренія надъ величиною и вѣсомъ какъ яичекъ и червей, такъ коконовъ и бабочекъ, надъ приростомъ и смертностію червей, числомъ снесенныхъ яичекъ, и пр.[1]). — Въ началѣ іюня П. И. потребовалъ отвода еще одной десятины городской земли, для расширенія тутовой плантаціи, на что губернаторъ Нарышкинъ тотчасъ-же изъявилъ согласіе, приказавши губернскому землемѣру и Симферопольской градской думѣ отвести землю по указанію П. И-ча. Устроивши на казенномъ разсадникѣ все, что было нужно, при чемъ онъ пользовался совѣтами нѣкоторыхъ владѣтелей садовъ[2]), П. И. готовился въ служебное путешествіе по южной Россіи. 8-го іюля, вечеромъ, онъ пустился въ путь, вмѣстѣ съ г. Годé (Godet)[3]), изъ Нефшателя, который побывалъ со Стевеномъ

1) Выписка изъ замѣчаній П. И-ча по этимъ предметамъ находится въ путевомъ дневникѣ его за 1829 г., на стр. 128—132.

2) Въ своемъ дневникѣ П. И. называетъ гг. Офрèнъ (Auxfresnes), де-Серръ (de Serres) Натарà и Андреевскаго.

3) Г. Годé ботанизировалъ въ Крыму и на Кавказѣ; онъ сообщилъ Де-Кандолю нѣсколько новыхъ растеній, описанныхъ въ его «Prodromus», а также составилъ небольшую флору окрестностей горы Бештау, которая помѣщена въ описаніи путешествія «Дюбуà-деМонперé» (Fr. Dubois de Montpéreux): Voyage autour du Caucase, T. IV, p. 528—557.

на Кавказѣ. Пріѣхавши, ночью на 10-ое число, въ Херсонъ, П. И. осмотрѣлъ тамъ казенный садъ; въ полночь онъ переправился черезъ Бугъ. Въ Николаевѣ онъ разстался съ г. Годе́, который нанялъ тамъ извозчика, для проѣзда, черезъ Балту, въ Подольскую и Волынскую губерніи. Въ Одессѣ, куда П. И. прибылъ 11-го іюля, онъ остановился у профессора Ив. Ив. Дудровича, въ домѣ Ришельевскаго лицея. Явившись здѣсь къ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову, П. И. говорилъ съ нимъ о трехъ предметахъ, которые онъ считалъ важными для Новороссійскихъ губерній, а именно: 1) о поощреніи въ нихъ шелководства; 2) о составленіи для нихъ адресъ-календаря; и 3) объ изготовленіи алфавитныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ для каждой изъ Новороссійскихъ губерній[1]). Посѣтивъ еще нѣкоторыя нѣмецкія и болгарскія колоніи, П. И., черезъ Дубосары и Балту, проѣхалъ въ Елисаветградъ, гдѣ осмотрѣлъ тутовыя плантаціи, разведенныя г-ми Владиміровымъ и Чистагановымъ. Въ Полтавской губерніи П. И., не имѣвши особаго отъ губернатора открытаго предписанія на полученіе обывательскихъ лошадей, ѣхалъ только большою почтовою дорогою, которая была ему извѣстна уже раньше. Изъ Ахтырки онъ проѣхалъ въ южную часть Курской губерніи (о чемъ упомянуто выше), а оттуда въ Харьковъ, куда прибылъ 16-го августа.

Въ Харьковѣ (въ хуторѣ, близъ города) П. И. пробылъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, въ кругу своихъ родныхъ. Тутъ онъ былъ занятъ разными семейными дѣлами. Между прочимъ, по его совѣту, былъ проданъ родительскій домъ въ городѣ (купцу К. Н. Кузину). Отмѣчая это въ своемъ дневникѣ, П. И. прибавилъ: «Господи благослови!» — Вмѣстѣ съ матерью и двумя младшими сестрами, онъ 1-го октября выѣхалъ изъ Харькова, погостилъ еще у своихъ замужнихъ сестеръ, а затѣмъ, черезъ Екатеринославъ

---

1) Мысль эта, въ то время, едва-ли кѣмъ либо затронутая, была осуществлена лишь сорокъ лѣтъ спустя.

и Никополь, проѣхалъ въ Симферополь, куда прибылъ 20-го октября и, со своими, расположился въ своей квартирѣ, въ домѣ Руднева, которую онъ, вскорѣ затѣмъ, нанялъ еще на $2^1/_2$ года, т. е. до 1-го іюля 1831 года.

Въ исходѣ ноября (1828 г.) П. И. представилъ Х. Х. Стевену отчетъ по своей служебной поѣздкѣ, во время которой онъ осмотрѣлъ большое количество тутовыхъ плантацій и собралъ довольно много любопытныхъ свѣдѣній о состояніи шелководства въ посѣщенныхъ имъ областяхъ. Кончая свой отчетъ, онъ высказалъ слѣдующее убѣжденіе о желательности обнародованія собираемыхъ свѣдѣній: «Въ заключеніе не смѣю утаить желанія, чтобы о винодѣліи и шелководствѣ Россіи ежегодно представляемы были читающей публикѣ печатныя извѣстія, основанныя на препровождаемыхъ въ Департаментъ вѣдомостяхъ. Сіе нужно и было бы полезно, съ одной стороны, для поощренія дѣятельности трудящихся по сей части чиновниковъ, а съ другой, для постояннаго увѣдомленія ревнителей отечественнаго блага объ успѣхахъ по симъ вѣтвямъ государственнаго хозяйства и, въ то же время, для предотвращенія ложныхъ извѣстій объ оныхъ».

Въ ноябрѣ 1828 г. П. И. обратился къ губернатору Нарышкину съ ходатайствомъ объ учрежденіи въ Симферополѣ нѣмецкой школы, на что требовалось около 700 рублей ежегоднаго пособія отъ правительства; супруга губернатора (урожденная Ростопчина) изъявила живое участіе въ этомъ ходатайствѣ.

Ученая извѣстность П. И. Кеппена все болѣе возрастала, и весьма различныя ученыя общества признавали полезнымъ выбирать его въ свои члены. Такая принадлежность къ многимъ ученымъ обществамъ, при недостаткѣ времени для принятія дѣйствительнаго участія въ ихъ научныхъ занятіяхъ,—какъ то требовала рѣдкая добросовѣстность П. И-ча—становилась для него тягостною. Въ январѣ 1829 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Латышскаго литературнаго общества и дѣйствительнымъ членомъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи. Въ то-же время, а именно 20-го января, онъ составилъ слѣдующее ориги-

нальное объявленіе, которое послалъ какъ въ С.-Петербургъ, такъ и въ Одессу, для напечатанія въ тамошнихъ вѣдомостяхъ [1]).

«Объявленіе.

«Нося званіе Члена при десяти ученыхъ обществахъ, и не предвидя нынѣ уже ни физической ни правственной возможности быть вѣрнымъ исполнителемъ лежащихъ на мнѣ по сей части обязанностей, я нахожу себя принужденнымъ отказаться впредь отъ всѣхъ почестей и занятій, сопряженныхъ съ званіемъ дѣйствительнаго Члена какого бы то ни было вольнаго или такъ называемаго частнаго Общества, къ коему я понынѣ не имѣю еще честя принадлежать. Объясненіе сіе, вынужденное чувствомъ совѣсти, да послужитъ мнѣ хотя нѣкоторымъ извиненіемъ предъ тѣми почтеннѣйшими Обществами, при коихъ я, принявъ званіе члена, по сіе время не успѣлъ оправдать онаго на самомъ дѣлѣ. Потщуся, по мѣрѣ возможности, исполнить долгъ чести,— и, если въ томъ не успѣю, то да не припишется сіе недостатку въ доброй волѣ».

Получивъ, вслѣдъ затѣмъ, увѣдомленіе объ избраніи его въ дѣйствительные члены общества сельскаго хозяйства южной Россіи, П. И. отклонилъ отъ себя принятіе этого званія.

Выше было упомянуто, что уже при первомъ своемъ посѣщеніи Крыма, въ 1819 г., П. И. на столько былъ очарованъ прелестями его природы, что тогда-же овладѣло имъ завѣтное желаніе, однажды поселиться тамъ и кончить тамъ дни своей жизни. Живя въ Крыму и объѣзжая неоднократно его долины и берегá, желаніе это развивалось все сильнѣе. Мы видѣли, что П. И., въ сопровожденіи своего пріятеля, доктора Мильгаузена, посѣтилъ разныя мѣстности, въ надеждѣ найти уголокъ, пріобрѣтеніе котораго не превышало бы его средствъ. Пользуясь Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 14-го сентября 1828 года, о раздачѣ земель подъ виноградники и плодовые сады, П. И.,

---

1) Было-ли оно напечатано въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Сѣверной Пчелѣ», мнѣ неизвѣстно; оно появилось въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», 1829 г., въ февралѣ мѣсяцѣ.

19-го ноября того-же года, обратился къ генералъ-губернатору графу Воронцову съ просьбою о предоставленіи ему, для разведенія виноградника, двухъ десятинъ, составлявшихъ такъ называемый казенный садъ въ Козахъ, въ то время болѣе не воздѣлывавшійся, а для садоводства — куска земли подъ Симферелемъ, около селенія Петровскаго. Просьба эта, посланная по почтѣ въ Одессу, осталась безъ послѣдствій. Но П. И. не унывалъ...

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1829 г. онъ, въ сопровожденіи доктора Арендта и Султана Крымъ-Гирея, снова отправился на южный берегъ, и на сей разъ П. И., въ Кючюкъ-Ламбатѣ, отдалъ первый задатокъ (въ 10 руб. сер.) за садъ, по имени Карабахъ (т. е. «черный виноградникъ»), купленный имъ у татарина Дагдара-Оглу-Асана, при посредствѣ знакомаго ему татарина Мустафы, по прозвищу Калафатъ=Голова. Мѣсто это, лежащее по берегу моря, въ $7^1/_2$ верстахъ отъ Алушты и въ 2-хъ верстахъ отъ Кючюкъ-Ламбата, было выбрано жившимъ на южномъ берегу барономъ Беркгеймомъ[1]), при содѣйствіи сосѣдняго помѣщика, генерала Бороздина.

Восхищенный осуществленіемъ давно взлелѣянной надежды, П. И., вскорѣ послѣ водворенія въ Карабахѣ, писалъ другу въ Петербургъ:

«Наконецъ, другъ мой, я нашелъ и пріобрѣлъ мѣсто, гдѣ дамъ отдыхъ странническому моему посоху, гдѣ проведу остатокъ дней моихъ[2]) и довершу на досугѣ хотя нѣкоторыя изъ начатыхъ мною, задолго предъ симъ, литературныхъ занятій. Пользовавшись столько лѣтъ сряду, въ Россіи и внѣ оной, гостепріимствомъ добрыхъ хлѣбосоловъ, пора и самому подумать объ уплатѣ сего общественнаго долга; пора и въ свою очередь изготовить кровъ и мирное ложе, для путника усталаго, для піитиче-

---

1) Женатымъ на дочери знаменитой баронессы Крюденеръ.

2) При болѣзненности своей, и въ виду ранней смерти отца своего, П. И. былъ убѣжденъ въ томъ, что ему не суждено долго жить.

скаго созерцателя дивной природы, — для ученыхъ изслѣдователей всякаго рода...

«Карабахъ мой, едва ли кому либо извѣстный подъ симъ именемъ, лежитъ на пути отъ Алушты къ Кючюкъ-Ламбату. Поднявшись на высоту Кастеля[1]), и оставивъ за собою Демиръ-капы́ («желѣзныя ворота»), вдали является мысокъ, поросшій деревьями. Это мой земной эдемъ, — это-же, надѣюсь, будетъ и мѣсто вѣчнаго покоя для твоего друга»[2])...

Намъ еще неоднократно придется говорить о Карабахѣ, каковое имѣніе дѣйствительно, согласно выше-изъявленному желанію владѣтеля, постоянно открывало свои гостепріимныя ворота «для путниковъ усталыхъ, для піитическихъ созерцателей природы и для ученыхъ изслѣдователей всякаго рода». Даже въ наукѣ имя Карабаха не является чуждымъ, — благодаря, въ особенности, метеорологическимъ работамъ младшаго сына П. И-ча, Влад. Петр. Кеппена.

Въ началѣ апрѣля 1829 г., П. И., съ великою скорбью, узналъ изъ «Journal de St.-Pétersbourg» (№ 33) объ убіеніи 31-го января, русской миссіи въ Тегеранѣ, при чемъ, вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, погибъ и весьма любимый другъ его, талантливый Карлъ Ѳедоровичъ Аделунгъ, сынъ глубоко имъ уважаемаго (впослѣдствіи его тестя) Ѳ. П. Аделунга. Отмѣтивъ эту горькую потерю въ своемъ дневникѣ, П. И. прибавилъ: «Изъ добрыхъ пріятелей я, въ этомъ году, лишился уже аббата Іос. Добровскаго и Фридр. Шлегеля».

П. И-чу предстояло дальнее путешествіе: чрезъ Кизляръ, Астрахань, Саратовъ, Пензу, Тамбовъ и Тулу въ С.Петербургъ. Разставшись съ добрыми пріятелями и ближайшими для его сердца родственниками, онъ, 25-го іюня, пустился въ путь.

---

1) Прибрежная гора. — Здѣсь, конечно, говорится о *береговой* дорогѣ: шоссейная дорога изъ Алушты въ Біюкъ-Ламбатъ, огибающая, многочисленными извилинами, Кастель-гору, въ то время еще не была проложена.

2) Надежда эта сбылась: П. И., дѣйствительно, послѣдніе годы жизни провелъ въ своемъ любимомъ Карабахѣ, и тамъ-же похороненъ.

Черезъ нѣмецкую колонію Нейзацъ[1]), Карасубазаръ и Өеодосію П. И. проѣхалъ въ Керчь. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько часовъ въ осмотрѣ музея древностей и въ научныхъ бесѣдахъ съ тамошнимъ градоначальникомъ И. А. Стемпковскимъ, давнишнимъ своимъ знакомцемъ[2]), а также съ гг. Бларамбергомъ, прибывшимъ изъ Одессы для разрытія могилы, и Дюбрюксомъ, съ которымъ онъ, въ 1819 году, осматривалъ раскопанныя имъ древнія могилы. Вмѣстѣ съ г. Скасси, П. И. посѣтилъ разведенный имъ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, великолѣпный садъ и виноградникъ, въ которыхъ были посажены деревья и лозы, привезенныя изъ южной Франціи и отлично принявшіяся.

Вечеромъ 27-го іюня П. И. переправился черезъ Киммерійскій Боспоръ. Въ Тамани онъ осмотрѣлъ знаменитый Тмутараканскій камень, съ изсѣченною на немъ надписью объ измѣреніи Боспора въ 1068 году. Тамъ-же ему удалось добыть рѣдкую монету Боспорскаго царя Левкона, а также нѣсколько Пантикапейскихъ монетъ. Взглянувъ еще разъ на дальнюю, за 30 верстъ отстоящую полосу Крымскаго берега, «благополучной Тавриды, гдѣ онъ два года провелъ въ полномъ счастіи, и на шумныя, бореемъ волнуемыя, воды Азовскаго моря, текущія въ Понтъ-Эвксинскій», П. И. пустился въ дальнѣйшій путь. Черезъ Темрюкъ, Екатеринодаръ и Ставрополь, онъ проѣхалъ въ Горячеводскъ, съ тѣмъ, чтобы пользоваться тамъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, горячими сѣрными ваннами.

Въ Горячеводскѣ П. И. засталъ большія перемѣны, о которыхъ писалъ другу своему: «Не узнать тебѣ сихъ мѣстъ послѣ десятилѣтняго отсутствія! Тамъ, гдѣ едва возвышались надъ землею бѣдныя лачуги, нынѣ построены опрятные домики и возвышается пространная двухъэтажная ресторація. Колодцы и

---

1) По поводу посѣщенія Нейзаца, въ путевомъ дневникѣ П. И-ча отмѣчены интересныя свѣдѣнія объ училищномъ дѣлѣ въ южнорусскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ.

2) П. И. познакомился съ нимъ въ бытность свою въ Вѣнѣ. (См. выше, на стр. 70).

фонтаны цѣлительные хорошо оправлены, среди главной улицы проведенъ *гулевалъ*[1]), коимъ доходишь до конца ущелья, въ которомъ расположенъ Горячеводскъ»...

Однообразіе тамошней жизни было прервано, 22-го іюля, великолѣпною иллюминаціею и фейерверкомъ, сожженнымъ въ честь благополучнаго возвращенія экспедиціи генерала Эмануеля отъ Эльборуса, куда онъ отправился изъ Горячеводска еще 26-го іюня, вмѣстѣ съ нѣсколькими Петербургскими учеными; въ числѣ послѣднихъ были академики Купферъ, Ленцъ, Мейеръ, и консерваторъ Менетріе, совершившіе достопамятное восхожденіе на Шатъ-гору, главной вершины которой, однакоже, успѣлъ достигнуть одинъ только проводникъ ихъ, кабардинецъ Хиларъ. Понятно, какъ П. И. наслаждался обществомъ ученыхъ, котораго ему такъ долго не доставало... Въ числѣ участниковъ экспедиціи, находился также и венгерскій дворянинъ Бессе, искавшій на Кавказѣ предковъ Мадьяровъ. Съ нимъ П. И. много бесѣдовалъ о Венгріи, вспоминая о веселыхъ дняхъ, проведенныхъ тамъ шесть лѣтъ тому назадъ. Сѣдовласый Мадьяръ зналъ почти всѣхъ знакомцевъ П. И-ча въ странѣ Закарпатской: почтеннаго и ученаго барона Мѣдняпскаго, извѣстнаго поэта графа Майлата, графа Бетлена, переводчика Шекспира и Дебрентея, историка-мечтателя Хорвата и просвѣтителя своего народа, сербскаго митрополита Стратимировича.

Изъ прочихъ участниковъ въ означенной экспедиціи на Эльборусъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ архитекторѣ при горячихъ водахъ, Іос. Бернардацци. Между чертежами, которые П. И. у него разсматривалъ, были и рисунки двухъ памятниковъ, которые еще незадолго передъ тѣмъ находились въ шести верстахъ отъ Ессентукскаго поста; «но дерзновенная рука человѣка коснулась ихъ самовольно, упреждая цѣлыя столѣтія въ продол-

1) «Такъ одинъ изъ нашихъ патріотическихъ *любословов*ъ (т. е. филологовъ) переводитъ иностранное, и потому противное для уха его выраженіе *бульваръ*».—Здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣется въ виду адмиралъ Шишковъ.

женіе коихъ надгробія сіи могли бы еще противостоять всеснѣдающему времени». На одномъ изъ этихъ памятниковъ, въ то время уже разобранныхъ и употребленныхъ на фундаменты, находилась куфическая надпись, повторенная обыкновенными письменами на плитѣ, вертикально стоявшей предъ симъ памятникомъ [1]).

Въ Кисловодскѣ, куда П. И. прибылъ около 1-го августа, чтобы продолжать курсъ леченія, онъ былъ также порадованъ общеполезными перемѣнами. Во время своего житія здѣсь П. И. особенно много бесѣдовалъ съ пребывавшимъ тамъ преосвященнымъ Досиѳеемъ, бывшимъ архіепископомъ Телавскимъ и Грузино-Кавказскимъ, замѣчательнымъ распространителемъ на Кавказѣ просвѣщенія и христіанскаго ученія, въ истинномъ духѣ онаго, безъ принужденія и угрозъ. Главнымъ предметомъ ихъ бесѣдъ было училищное дѣло въ Закавказьѣ, о которомъ П. И. внесъ въ свой путевой дневникъ любопытныя замѣтки.

Около 15-го августа П. И. покинулъ Кисловодскъ и отправился черезъ Горячеводскъ и Георгіевскъ, сперва въ Володиміровку, имѣніе А. Ѳ. Реброва, извѣстнаго хозяина. Здѣсь, на самой границѣ плодоносныхъ черноземныхъ степей и Арало-Каспійской низменности, г. Ребровъ развелъ обширные виноградники и плантаціи тутовыхъ деревъ, и успѣшно занимался шелководствомъ и разведеніемъ сарачинскаго пшена (риса) [2]). Оставивъ Володиміровку, П. И., черезъ Моздокъ и Наурскую станицу, проѣхалъ, степнымъ почтовымъ трактомъ, до Кизляра. Здѣсь онъ осмотрѣлъ открытое въ 1807 году училище винодѣлія и ознакомился съ тамошними промыслами, изъ которыхъ главный состоялъ, въ то время, въ выдѣлываніи Кизлярской (такъ называемой французской) водки.

---

1) Въ бумагахъ П. И-ча сохранились рисунки этихъ памятниковъ.

2) Отсюда П. И. посѣтилъ мѣстность, въ которой находился когда-то городъ Маджары, отъ котораго онъ не нашелъ уже никакихъ слѣдовъ, кромѣ однихъ лишь углубленій, доказывавшихъ, что тутъ находились однажды какія-то жилища.

Желая взглянуть на Каспійское море и получить хотя нѣкоторое понятіе о тамошнихъ рыбныхъ промыслахъ, П. И., на пути въ Астрахань, свернулъ съ почтовой дороги и посѣтилъ Черный Рынокъ, гдѣ съ рыболовами выѣхалъ на взморье и присутствовалъ при ловлѣ рыбы. Въ свой путевой дневникъ П. И. внесъ любопытныя статистическія данныя о тамошнемъ уловѣ рыбы за пятилѣтіе съ 1824 по 1828 г. вкл., а также списокъ употребляемыхъ тамъ спастей для рыбной ловли. Благодаря попеченіямъ «незабвеннаго для Россіи грека Варвація, который вездѣ, гдѣ имѣлъ свое пребываніе, оставлялъ по себѣ слѣды общеполезнаго и человѣколюбиваго рвенія» [1],—ѣхавшій берегомъ Каспійскаго моря имѣлъ возможность почевать въ опрятныхъ домахъ, построенныхъ на его счетъ при каждой почтовой станціи.

Въ Астрахани, куда П. И. пріѣхалъ 3-го сентября, онъ пробылъ нѣсколько дней, посвященныхъ, въ особенности, изученію тамошняго винодѣлія, о которомъ въ его дневникѣ собраны весьма цѣнныя и подробныя свѣдѣнія [2]). Астрахань, въ 1829 году, вмѣщалъ въ себѣ уже до 40,000 постоянныхъ жителей. Центръ города, въ то время, состоялъ изъ каменныхъ двухъэтажныхъ зданій, регулярно расположенныхъ, съ кирпичными тротуарами. Улицы были опрятны, движеніе по нимъ значительно. «Разнообразіе костюмовъ обращаетъ на себя вниманіе пріѣзжающихъ. Замѣчательны однакоже не одни одѣянія, но и разнообразныя лица Индѣйцевъ, Персіанъ, Татаръ, Калмыковъ, Бухарцевъ, Армянъ и Евреевъ»... Изъ всѣхъ этихъ народовъ П. И. обратилъ особое вниманіе на Калмыковъ и Татаръ, стараясь собрать свѣдѣнія о ихъ просвѣщеніи, пѣсняхъ и пр. Съ любопытствомъ онъ побывалъ также въ индійской часовнѣ и присутствовалъ въ ней при богослуженіи.

---

1) Такъ отзывается о немъ П. И. въ своемъ дневникѣ.

2) Значительная часть этихъ свѣдѣній (въ особенности, касающихся сортовъ винограда, разводимыхъ въ Астрахани) вошла въ книгу П. И. Кеппена: О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи. (Спб., 1832). Другія замѣтки объ Астрахани, находящіяся въ дневникѣ, П. И. помѣстилъ въ «St.-Petersburgische Zeitung», 1835, № 72.

Оставивъ «столицу Кипчакскаго царства», 8-го сентября, П. И. переплылъ Волгу и затѣмъ, черезъ Енотаевскъ и Черный Яръ, проѣхалъ въ мирную и трудолюбивую Сарепту. Помимо ознакомленія съ тамошними главными производствами—горчицы и нюхательнаго табака, П. И. особенно заинтересовался принадлежавшею г-ну Цвику значительною нумизматическою коллекціею, содержавшею, между прочимъ, монеты 22-хъ хановъ Золотой Орды. У него-же П. И. разсматривалъ разныя мѣстныя древности, въ томъ числѣ замѣчательную греческую надпись, изсѣченную на алабастрѣ и найденную въ селѣ Пришибѣ, построенномъ на развалинахъ древняго Сарая[1]). У того-же самаго г. Цвика, извѣстнаго по путешествію своему къ Калмыкамъ[2]), П. И. любовался интересною коллекціею жуковъ, собранныхъ преимущественно въ окрестностяхъ Сарепты. Собравъ еще разныя свѣдѣнія объ исторіи этого мѣстечка, объ училищахъ и пр., П. И., около половины сентября, пустился въ дальнѣйшій путь.

Оставляя Сарепту, П. И., съ особеннымъ любопытствомъ, преслѣдовалъ взоромъ возвышенность, у подошвы коей тихо струится Сарпа, и вспомнилъ о весьма правдоподобномъ мнѣніи Палласа, что возвышенность эта когда-то составляла берегъ Каспійскаго моря. Въ свой дневникъ онъ внесъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: «Подъѣзжая къ Царицыну явно замѣчаешь, что находишься уже въ странѣ иного рода, за предѣлами, или, по крайней мѣрѣ, уже на предѣлахъ необозримой степи. Тутъ земля неоднократно пересѣкается ярами («балками»), болѣе или менѣе глубокими, каковыхъ путешественникъ не встрѣчаетъ отъ самаго Кизляра, верстахъ на 700 и болѣе». Проѣхавъ Царицынъ, Дубовскій посадъ (Дубовку) и жалкій Камышинъ, П. И. на берегу Иловли («Лавли») засталъ первыя нѣмецкія колоніи. Пробывъ въ этихъ колоніяхъ нѣсколько дней, П. И. со-

1) Надпись эта, списанная въ дневникѣ П. И-ча, вслѣдъ затѣмъ была издана академикомъ Ф. Грефе.

2) H. A. Zwick. Reise von Sarepta in verschiedene Kalmücken-Horden des Astrachanischen Gouvernements im Jahr 1823. (Leipzig, 1827. 8⁰).

бралъ о нихъ довольно подробныя свѣдѣнія, касающіяся преимущественно ихъ хозяйства, но также ихъ школъ и пр. Съ особеннымъ удовольствіемъ П. И. упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о просвѣщенномъ учителѣ Вейбертѣ (J. H. Weibert), въ колоніи Усть-Золихѣ. Въ бесѣдѣ съ нимъ П. И., между прочимъ, развивалъ мысль о пользѣ устройства «учительской семинаріи или малаго педагогическаго заведенія, для приготовленія колоніальныхъ учителей, окружныхъ писцовъ» и пр.

Проѣхавъ затѣмъ въ Саратовъ, П. И. познакомился тамъ, между прочимъ, съ директоромъ училищъ Миллеромъ, о которомъ онъ со всѣхъ сторонъ слышалъ похвальные отзывы. Отъ него П. И. узналъ интересныя данныя касающіяся училищнаго дѣла въ Саратовѣ. — Въ свой дневникъ П. И. внесъ слѣдующія строки, доказывающія, что онъ тогда уже носился съ мыслью о необходимости составленія этнографической карты Россіи, выполненной имъ лишь двадцать лѣтъ спустя: «Весьма желалось мнѣ получить здѣсь (т. е. въ Саратовѣ) списокъ селамъ, въ коихъ обитаетъ Мордва, и другой подобный, съ означеніемъ деревень, населенныхъ Татарами. Но подобныхъ статистическихъ свѣдѣній ожидать можно токмо по времени, — до того-же трудно и почти будетъ невозможно составить лингвистическую карту, т. е. карту Россіи по языкамъ и нарѣчіямъ». — Изъ Саратова П. И. проѣхалъ въ Пензу, гдѣ онъ почти все свое время посвятилъ подробному осмотру казеннаго училища садоводства, состоявшаго въ завѣдываніи образованнаго садовника Эрн. Ив. Магзига (Magsig), «усердно трудившагося къ чести своей и къ пользѣ Россіи» (какъ значится въ путевомъ дневникѣ П. И-ча).

Проѣхавъ жалкіе города Чембаръ и Кирсановъ, П. И. остановился въ Тамбовѣ, гдѣ собралъ любопытныя статистическія свѣдѣнія объ этой плодородной губерніи. И здѣсь онъ интересовался этнографическими отношеніями страны, записывалъ названія селеній, обитаемыхъ Мордвою и Татарами, и, между прочимъ, пытался, хотя тщетно, получить «свѣдѣнія о жителяхъ разныхъ селеній, именуемыхъ *Буртасы*, которыя, лежа при р. Буртасѣ,

въ южной части Керенскаго уѣзда, одни только напоминаютъ о грозныхъ Буртасахъ, народѣ извѣстномъ и нашимъ лѣтописцамъ». Сюда-же относится слѣдующая замѣтка въ дневникѣ П. И-ча: «Помня, сколь трудно нѣкогда было отвѣтствовать удовлетворительно на вопросъ Державной Особы о числѣ Зырянъ въ Россіи, и зная, чего мнѣ стоило хотя приблизительно собрать свѣдѣнія о числѣ Литовцевъ, — я и здѣсь думалъ исподволь замѣчать хотя кое-что о мѣстахъ, обитаемыхъ разными племенами. Но и здѣсь для сего не нашелъ никакихъ удовлетворительныхъ матеріаловъ»... Тутъ-же П. И. упоминаетъ о необходимости собранія географическихъ синонимовъ.

Изъ Тамбова П. И. черезъ Козловъ, отправился въ Липецкъ. Дорогою онъ отмѣтилъ, между прочимъ, первое появленіе сосны (въ 37-и верстахъ къ западу отъ Козлова, при селѣ Борисовкѣ). Въ Липецкѣ П. И. собралъ разныя свѣдѣнія не только о тамошнихъ минеральныхъ водахъ, но также о сортахъ яблокъ, получаемыхъ преимущественно изъ Воронежской губерніи, и пр. «Вотъ онъ и Донъ Ивановичъ» воскликнулъ ямщикъ П. И-ча, подъѣзжавши къ Лебедяну, расположенному на крутомъ берегу этой рѣки. Отсюда П. И., черезъ Ефремовъ, проѣхалъ въ Тулу, гдѣ цѣлый день провелъ у добраго своего пріятеля, И. С. Бабаева, который за 15 лѣтъ передъ тѣмъ пріютилъ его у себя, когда П. И., при первомъ своемъ переселеніи въ Петербургъ, пріѣхалъ въ Тулу при смерти больной (см. выше, на стр. 29). Любопытна замѣтка въ дневникѣ, что, при въѣздѣ въ Тульскую губернію, пришлось привыкать опять къ новому денежному курсу. Дѣло въ томъ, что серебряный рубль, при платежѣ прогонныхъ денегъ, въ иныхъ мѣстахъ Россіи, принимался въ тѣ времена за полные 4 рубля асс., между тѣмъ какъ путешественникъ, въ другихъ мѣстахъ получалъ за него лишь 3 руб. 70 коп. Упомянувъ о такомъ ненормальномъ положеніи нашихъ денежныхъ дѣлъ, П. И. прибавляетъ: «Не напоминаетъ ли все это, нѣкоторымъ образомъ, чужіе краи, гдѣ путешественникъ иногда, въ одинъ и тотъ же день, переѣзжая три разныя владѣнія, дол-

женъ трижды мѣнять деньги и привыкать къ новому роду счета». Собираясь изъ Тулы въ дальнѣйшій путь, П. И. слѣдующими словами заключаетъ свои путевыя письма 1829 года: «Теперь спѣшу въ Серпуховъ, къ Окѣ, полагавшей предѣлъ набѣгамъ Крымцевъ. Дерзавшіе переходить за Оку платили своею свободою за смѣлость сію, — и другъ твой, подобно имъ, перешагнувъ предѣлъ сей, уже не воленъ писать къ тебѣ. Шумная Москва, а вслѣдъ за тѣмъ и многозаботливый Петербургъ лишатъ его свободной минуты»...

8-го октября 1829 г. П. И., вмѣстѣ съ директоромъ Коммерческой Академіи А. И. Шредеромъ, отправился изъ Москвы въ Купавну и въ нѣкоторыя другія шелковыя фабрики по Владимірскому тракту. Цѣль посѣщенія этихъ заведеній состояла въ желаніи ознакомиться съ условіями и способами фабрикаціи шелковъ, въ видахъ возможности развитія этого промысла въ южной Россіи.

Наконецъ, 15-го октября, П И. прибылъ въ С.-Петербургъ, гдѣ сперва остановился у своихъ добрыхъ пріятелей Ниппа, на Петербургской сторонѣ, а затѣмъ поселился на Гороховой, около Семеновскаго моста, въ домѣ Яковлева.

Въ путевомъ дневникѣ П. И-ча за 1829 годъ [1]) сохранился отдѣльный листокъ, на которомъ имъ исчислены нѣкоторые результаты его наблюденій въ 19-лѣтнія поѣздки по Россіи, съ 1810 по 1829 годъ. Я считаю не безъинтереснымъ сообщить здѣсь перечень 10-ти пунктовъ, въ той-же очереди, какъ они отмѣчены П. И-чемъ [2]).

---

1) Кромѣ дневника, за этотъ годъ, сохранились еще: 1) «Дѣло о объѣздѣ въ 1829 году», черновая отчета объ этомъ путешествіи, представленнаго П. И-чемъ Главному Инспектору надъ шелководствомъ Х. Х. Стевену. 2) «Къ поѣздкѣ 1829 года»: разныя документы и свѣдѣнія касательно древностей, винодѣлія, шелководства, рыболовства, и пр. 3) Небольшая тетрадка, озаглавленная: «Поѣздка въ Купавну и другія мѣста, гдѣ находятся шелковые заводы».

2) Эти пункты набросаны имъ (частію по-нѣмецки, частію по-русски) въ сентябрѣ 1829 г., проѣздомъ въ Саратовѣ и Пензѣ.

1) Уменьшеніе картежной игры.

2) Уменьшеніе обществъ бражниковъ («Trinkvereine»).

3) Уменьшеніе псовой охоты.

4) Начальствующими въ губерніи являются уже частію лица, посѣщавшія университетъ (губернаторы, вице-губернаторы, прокуроры).

5) Вездѣ, въ болѣе крупныхъ городахъ, можно уже встрѣтить людей, занимающихся собираніемъ и сохраненіемъ мѣстныхъ предметовъ, цѣня ихъ иногда слишкомъ высоко. Вслѣдствіе этого, пріобрѣтеніе древностей становится болѣе затруднительнымъ. Встрѣчаются уже объяснители и указатели, но пока только словесные.

6) Роскошь и расточительность поуменьшились. Богачи почувствовали, что должны полагать предѣлы своимъ прихотямъ и даже невиннымъ желаніямъ. Отцы, ко вреду (иногда даже къ самой пагубѣ) дѣтей своихъ, не могли умѣрить ихъ.

7) Гостепріимство не исчезло. Охотно и теперь своимъ и чуждымъ людямъ предлагается хлѣбъ-соль, — но уже не безъ осмотрительности; не безъ нѣкотораго расчета.

8) Фабрики и мануфактуры, предъ симъ бывшія предметами ненависти патріотовъ, обратили на себя ихъ вниманіе.

9) Города улучшены.

10) Періодическія изданія болѣе распространены.

Въ Петербургѣ П. И. пробылъ почти девять мѣсяцевъ, т. е. до іюля 1830 года. Уже давно онъ тяготился своимъ одиночествомъ и искалъ подругу жизни. Желаніе завести семейную жизнь прорывается неоднократно въ письмахъ и въ дневникѣ П. И-ча. Такъ, напр., во время только-что описаннаго путешествія его, онъ, упомянувъ, въ путевыхъ письмахъ своихъ, о Тамбовскомъ губернскомъ гербѣ (улей, къ которому стремятся три пчелы), восклицаетъ: «Сей то гербъ напоминаетъ и твоему другу, что пора-бы и ему стремиться къ своему улью!».

Намъ извѣстно, что П. И., вскорѣ послѣ своего перваго переселенія въ Петербургъ, а именно въ 1815 году, былъ радушно принятъ въ домѣ высоко-образованнаго, необыкновенно гуманнаго Ѳедора Павловича Аделунга, наставника великихъ князей Николая и Михаила Павловичей и директора Института восточныхъ языковъ. Не смотря на значительную разность въ годахъ[1]), ихъ вскорѣ связала искренняя дружба, выразившаяся, между прочимъ, въ довольно оживленной перепискѣ (частію еще сохранившейся). Этому способствовала, съ самаго начала, общая любовь ихъ къ археологіи и языкознанію. Мы видѣли, что П. И. перевелъ на русскій языкъ (въ извлеченіи) нѣсколько сочиненій Ѳ. П. Аделунга, и что онъ, во время поѣздокъ своихъ по Россіи, собиралъ для друга своего разныя научныя свѣдѣнія (напр. о Корсунскихъ вратахъ). Ѳедоръ Павловичъ, душевно полюбивъ П. И-ча, старался, съ своей стороны, всячески ему споспѣшествовать—совѣтами, рекомендаціями и пр. Понятно, что П. И. весьма охотно посѣщалъ гостепріимный домъ Ѳ. П. Аделунга, въ милой семьѣ котораго онъ чувствовалъ себя особенно привольно.

Единственная дочь въ этой семьѣ, Александра Ѳедоровна (родившаяся 11-го марта 1802 г.), своимъ умомъ и красотою всегда привлекала къ себѣ молодого ученаго, который, наконецъ, 19-го января 1830 г., рѣшился просить ея руки. Предложеніе было принято и черезъ нѣкоторое время состоялось обрученіе. Въ послѣдующіе мѣсяцы, когда П. И. проводилъ все свое свободное время въ семьѣ Аделунга, онъ мало могъ заниматься научными работами. Однакоже, въ дневникѣ П. И-ча отмѣчено, что 26-го апрѣля онъ былъ приглашенъ къ графу Сперанскому, который въ то время только-что (а именно 17-го апрѣля 1830 г.) окончилъ печатаніе «Полнаго Собранія Законовъ»[2]).

---

1) Ѳ. П. Аделунгъ родился (въ Штеттинѣ) въ февралѣ 1768 года и, слѣдовательно, былъ ровно 25-ью годами старше П. И-ча.

2) См. барона М. Корфа: Жизнь графа Сперанскаго, т. II (1861 г.), стр. 316. Кстати упомянемъ о выноскѣ, помѣщенной на той-же самой стра-

Сперанскій пригласилъ П. И-ча заняться собираніемъ матеріаловъ для исторіи древняго русскаго права, и присовокупилъ, что онъ года черезъ два будетъ въ немъ нуждаться для составленія свода всего, что сдѣлалось извѣстнымъ относительно древнѣйшихъ законовъ какъ Россіи, такъ и остальныхъ славянскихъ земель. Извѣстно, что Сперанскій тогда-же былъ занятъ составленіемъ «Свода Законовъ». Можно догадываться[1]), что ему при этомъ желательно было вникнуть въ духъ «Русской Правды» и другихъ древнѣйшихъ русскихъ законовъ, и что онъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду разработать нѣчто подобное вышедшей незадолго передъ тѣмъ знаменитой книгѣ Як. Гримма о древностяхъ германскаго права[2]). Вѣроятно, что этотъ-же самый вопросъ, составлялъ предметъ бесѣды съ Шафарикомъ и другими славистами, при посѣщеніи Сперанскимъ Праги, въ 1830 и 1832 годахъ. Что было сдѣлано, въ этомъ отношеніи, П. И-чемъ, объ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Напечатавъ, въ еженедѣльномъ изданіи «Сѣверный Муравей» (1830 г., № 23), статью о винодѣліи на южномъ берегу Крыма, П. И. воспользовался случаемъ представленія этой статьи нѣсколькимъ сановникамъ, чтобы возбудить нѣкоторые интересующіе его вопросы. Мы видѣли, что во время своего недавняго путешествія, онъ обращалъ особенное вниманіе на училищное дѣло, между прочимъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Таврической и

ницѣ. Здѣсь говорится о томъ, что Сперанскій первый, при печатаніи «Полнаго Собранія Законовъ» (печатавшагося съ 1828 по 1830 г.), строчной буквѣ *т* далъ нынѣшнее ея очертаніе *Т*, одинаковое съ прописною, «что съ тѣхъ поръ принято во всѣхъ нашихъ типографіяхъ». Изъ словеснаго сообщенія П. И-ча мнѣ хорошо помнится, что упомянутое измѣненіе было введено впервые *имъ*, а не Сперанскимъ, — въ чемъ, впрочемъ, легко убѣдиться, такъ какъ въ его «Собраніи словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», напечатанномъ *въ 1827 году* (т е. раньше «Полнаго Собранія»), въ Спб., въ типографіи Имп. Воспитательнаго Дома, строчная буква *т* имѣетъ уже нынѣшнее свое очертаніе.

1) Въ приведенной книгѣ барона Корфа объ этомъ нѣтъ рѣчи.

2) Jak. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. (Göttingen, 1828).

Саратовской губерній (см. выше на стр. 141 и 146). Особенно важнымъ ему казалось учрежденіе семинаріи для приготовленія колонистскихъ учителей. Вотъ объ этомъ-то предметѣ онъ докладывалъ (6-го іюня) князю Ал. Ник. Голицыну, который обѣщалъ переговорить объ этомъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Закревскимъ. Представляясь (на слѣдующій день) графу Викт. Павл. Кочубею, П. И. вручилъ ему разработанный имъ проектъ «о призрѣніи сельскаго хозяйства въ Россіи», который передъ тѣмъ былъ вполнѣ одобренъ членомъ Государственнаго Совѣта тайн. сов. Ѳ. И. Энгелемъ.

Въ маѣ 1830 г. Россійская Академія постановила пріобрѣсти у П. И-ча его собраніе русскихъ древностей за 3000 руб. асс.[1]); но вслѣдствіе недоброжелательства, рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе, и пріобрѣтеніе этого собранія со стороны Академіи Наукъ состоялось лишь тридцать лѣтъ спустя (т. е. въ апрѣлѣ 1860 года).

Вѣнчаніе П. И-ча и А. Ѳ. Аделунгъ было совершено 16 іюня 1830 г., въ евангелической церкви Св. Петра, пасторомъ Гаммельманомъ; 5-го іюля молодая чета переселилась въ Павловскъ, къ родителямъ Александры Ѳедоровны, а 11-го іюля она отправилась въ Симферополь. Путь шелъ черезъ Смоленскъ и Кіевъ въ Одессу, гдѣ у брата Карла Ив. Кеппена, молодые были встрѣчены матерью и двумя сестрами П. И-ча. Отсюда они отправились въ Симферополь, куда черезъ мѣсяцъ пріѣхала и мать П. И-ча. Съ 20-го августа по 1-ое сентября П. И., съ молодой женою своей, объѣхалъ южный берегъ, отъ Алушты до Лименя, и посѣтилъ также свой дорогой Карабахъ. Тутъ они беззаботно наслаждались прелестями мѣстности и дѣлали планы о будущемъ пребываніи въ этомъ очаровательномъ уголкѣ, — не помышляя о томъ тяжкомъ времени, наканунѣ котораго они находились.

---

1) Сл. объ этомъ письмо П. И-ча къ Востокову, отъ 5 ноября 1831 г., въ «Перепискѣ А. Х. Востокова», на стр. 297-ой.

Грозный бичъ холеры, впервые появился въ Таврической губерніи, 1-го октября 1830 г., а именно въ Мелитопольскомъ уѣздѣ; затѣмъ она проникла и на Крымскій полуостровъ. 6-го ноября, П. И., находившійся въ то время въ Карабахѣ, узналъ отъ сосѣда своего г. Бороздина, что въ Симферополѣ, въ его собственномъ домѣ, кучеръ его матери, 2-го ноября, заболѣлъ холерою и умеръ отъ нея въ госпитали. Домъ-же окруженъ войскомъ и подверженъ 6-ти дневному карантину; но вмѣстѣ съ тѣмъ было сообщено П. И-чу, что жена его, которая сама, въ теченіе почти сутокъ, ходила за больнымъ, къ счастію, не заражена. Сломя голову, П. И. поспѣшилъ въ Симферополь, гдѣ, вмѣстѣ со своими, подвергся карантину, который однакоже былъ снятъ уже 9-го числа. На слѣдующій день онъ былъ назначенъ попечителемъ 42-го Симферопольскаго квартала, лежавшаго по р. Салгиру и содержавшаго въ себѣ около 120-и жителей. Охотно раздѣляя съ прочими заботу и работу, П. И. счелъ своимъ долгомъ исполнять свято связанныя съ означенною должностью обязанности. Между тѣмъ холера распространялась по Крыму: она появилась въ разныхъ мѣстахъ Симферопольскаго и Ѳеодосійскаго уѣздовъ, и наконецъ, также въ Бахчисараѣ, гдѣ первые симптомы холеры были замѣчены 23-го ноября.

Неутомимый Таврическій губернаторъ А. И. Казначеевъ объѣзжалъ въ это время зараженныя холерою мѣстности; вернувшись изъ Бахчисарая онъ предложилъ П. И-чу переселиться въ этотъ городъ и принять на себя предсѣдательство въ мѣстномъ попечительномъ комитетѣ, учрежденномъ для принятія мѣръ противъ холеры. П. И. охотно послѣдовалъ этому приглашенію и 29-го ноября, вмѣстѣ съ женою, переѣхалъ въ Бахчисарай, гдѣ поселился въ древнемъ, нѣсколько обновленномъ, дворцѣ Крымскихъ хановъ, въ тѣхъ-же самыхъ привѣтливыхъ покояхъ, въ которыхъ останавливался однажды императоръ Александръ I-й. Здѣсь П. И-чу пришлось прожить $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, въ постоянной заботѣ о порядкѣ и устройствѣ помощи въ этомъ, въ гигіеническомъ отношеніи, крайне неблагопріятномъ городкѣ, въ этомъ

смѣшеніи народовъ, полномъ противорѣчащихъ вѣрованій и различнаго рода суевѣрій, гдѣ мѣры предосторожности, признанныя необходимыми при погребеніи умершихъ отъ холеры, постоянно были встрѣчаемы населеніемъ съ упорнымъ противодѣйствіемъ. П. И. напечаталъ, на нѣмецкомъ языкѣ, очень оживленное описаніе этихъ памятныхъ мѣсяцевъ[1]).

Въ началѣ декабря (3-го, 4-го и 5-го числа) смертность отъ холеры достигла наибольшей цифры. Съ 13-го же декабря она значительно убавилась, и бывали дни безъ смертныхъ случаевъ; 6-го января 1831 г. былъ послѣдній случай заболѣванія отъ холеры. Всего померло отъ холеры въ Бахчисараѣ, съ 23-го ноября по 6-е января, 115 человѣкъ (78 муж. и 37 жен. пола),—изъ общей цифры 11,296 жителей. Около 15-го января, когда болѣе недѣли не было новыхъ холерныхъ случаевъ, П. И. считалъ свою миссію оконченною и вернулся въ Симферополь.

Въ исходѣ января П. И. опять побывалъ въ Карабахѣ, гдѣ прикупилъ еще $1^1/_2$ десятины земли; а 15-го марта онъ, съ женою и матерью, переселился на южный берегъ, въ Кючюкъ-Ламбатъ, гдѣ они остались до 20-го апрѣля, когда водворились въ Карабахѣ, въ едва только отстроенномъ домѣ. На слѣдующій-же день, 21-го апрѣля, съ П. И-чемъ случилось несчастіе. По просьбѣ губернатора (Казначеева), онъ присутствовалъ при исправленіи береговой дороги, ведущей мимо Карабаха. При обтесываніи камня, осколокъ, перелетѣвъ черезъ дорогу, ударилъ со всего размаха въ его лѣвый глазъ; вслѣдствіе ушиба и причиненной этимъ прободающей раны, глазъ, отъ послѣдовавшей атрофіи, лишился зрѣнія[2]). Хотя можно благодарить судьбу за

1) Подъ заглавіемъ: Baktschisaraj zur Zeit der Cholera 1830. (St. Petersburg, 1831. 8⁰), — съ предисловіемъ доктора Лихтенштедта, автора нѣсколькихъ сочиненій о ходѣ холеры въ Россіи въ 1829—1831 годахъ.

2) Нѣкоторыя подробности объ этомъ несчастномъ случаѣ, сообщилъ докторъ медицины С. Бруннеръ, посѣтившій вскорѣ послѣ того П. И-ча въ Карабахѣ. См. Sam. Brunner. Ausflug über Constantinopel nach Taurien im Sommer 1831. (St. Gallen und Bern, 1833); на стр. 209-ой. Здѣсь ошибочно сказано, что пострадалъ *правый* глазъ.

то, что другой глазъ не только не пострадалъ отъ этого (какъ то часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ), но даже отлично сохранилъ способность зрѣнія до глубокой старости, — однакоже, вслѣдствіе означеннаго несчастія, П. И. пролежалъ все лѣто, не будучи въ состояніи заниматься чтеніемъ.

20-го августа П. И. съ женою и матерью, возвратился въ Симферополь, а съ 26-го августа до 6-го сентября онъ, съ своимъ любимымъ братомъ Карломъ Ивановичемъ (прибывшимъ къ нему изъ Одессы), объѣхалъ весь южный берегъ, отъ Алушты до Ласпи. 14-го сентября родилась старшая дочь П. И-ча Александра, и вскорѣ послѣ этого онъ испросилъ у Х. Х. Стевена дозволеніе переселиться совсѣмъ въ свой Карабахъ, что и было осуществлено имъ въ началѣ апрѣля. Въ этомъ чудномъ уголкѣ П. И. прожилъ слишкомъ два года, и тутъ родились вторая его дочь Наталья (19-го октября 1832 г.) и сынъ Ѳедоръ (30-го декабря 1833 г.).

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ было въ Карабахѣ много посѣтителей, въ томъ числѣ нѣсколько ученыхъ иностранцевъ. О докторѣ Бруннерѣ, страстномъ ботаникѣ[1]) уже была рѣчь; онъ побывалъ въ Карабахѣ дважды; въ 1831 и въ 1833 гг. Въ этомъ послѣднемъ году навѣстили П. И-ча два зоолога изъ Дерпта: профессоръ Ратке (Heinr. Rathke)[2]) и докторъ (впослѣдствіи профессоръ С.-Петербургскаго Университета) Степ. Сем. Куторга. Но особенно сблизился П. И. съ швейцарскимъ путешественникомъ Фр. Дюбуа-де-Монперё (Frédéric Dubois de Montpéreux), авторомъ извѣстнаго описанія путешествія по Кавказу и въ Крыму[3]). Съ нимъ П. И. велъ дружескую переписку, до самой смерти его, послѣдовавшей въ 1850 году.

---

1) Въ выше-упомянутомъ описаніи своего путешествія, Бруннеръ сообщилъ много цѣнныхъ данныхъ, касающихся флоры Крыма.

2) Авторъ сочиненія: «Zur Fauna der Krym», напечатаннаго, въ 1837 году, въ мемуарахъ Академіи Наукъ.

3) Voyage autour du Caucase. . . et en Crimée. (6 томовъ съ атласомъ). Paris, 1839—1843.

Дюбуа-де-Монперё посѣтилъ дважды Карабахъ въ 1832 и 1833 гг.

Переселившись, какъ сказано, въ апрѣлѣ 1832 года, совсѣмъ въ Карабахъ, П. И., съ начала мая мѣсяца, производилъ и записывалъ при помощи жены, ежедневно три раза термометрическія наблюденія, которыя онъ довелъ до конца апрѣля 1834 года[1]), — т. е. до новаго переселенія своего въ С.-Петербургъ. Но еще ранѣе, а именно съ іюня 1831 года, П. И. началъ записывать наблюденія надъ періодическими проявленіями растительной и животной природы: о цвѣтеніи, созрѣваніи фруктовъ, первомъ появленіи разныхъ насѣкомыхъ и пр. Впослѣдствіи (въ декабрѣ 1838 года) П. И. представилъ объ этомъ Академіи Наукъ особый докладъ, въ которомъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы Академія составила инструкцію для производства подобныхъ фэнологическихъ наблюденій, причемъ указалъ и на надежныхъ лицъ, которымъ эта инструкція могла бы быть сообщена для руководства при производствѣ наблюденій. Весьма замѣчательна ранняя пора какъ производства самихъ наблюденій со стороны П. И-ча[2]), такъ и внесенія означеннаго предложенія,—тѣмъ болѣе, что иниціатива къ тому исходила со стороны не-спеціалиста. Вспомнимъ, что, помимо Финляндіи, гдѣ фэнологическія наблюденія начались уже въ 1750 году, въ остальной Россіи, да и въ бо̀льшей части Европы, въ то время, едва-ли кто-либо заявлялъ о систематическомъ производствѣ подобныхъ наблюденій. Лишь нѣсколько лѣтъ послѣ упомянутаго предложенія П. И-ча, а именно въ 1842 году, появилась знаменитая инструкція Ад. Кетле́ (Quetelet): «Instruction pour l'observation des phénomènes périodiques», и только тогда фэнологическія наблюденія получили право гражданства въ наукѣ.

---

1) Наблюденія эти, обнимающія, слѣдовательно, ровно два года, къ сожалѣнію, производились не всегда въ одинаковые часы.

2) Наблюденія эти вошли въ статью П. И-ча: «О наблюденіи періодическихъ явленій природы», — напечатанную въ «Журналѣ Минист. госуд. имуществъ», 1845 г., сентябрь, стр. 252—262.

Въ 1833 и 1834 годахъ П. И., при своихъ частыхъ объѣздахъ Крымскихъ горъ, производилъ многочисленныя наблюденія надъ температурою воды тамошнихъ источниковъ. Такихъ источниковъ имъ было изслѣдовано 130 (55 на сѣверной, и 75 на южной сторонѣ горнаго кряжа). Такія наблюденія, въ то время, были также еще довольно новы[1]). Еще въ новѣйшее время г. Листовъ подтвердилъ, что «опредѣленія температуры ключей, сдѣланныя Кеппеномъ, отличаются замѣчательною точностью[2]). Во время тѣхъ-же многократныхъ разъѣздовъ по Крымскимъ горамъ (бо̀льшею частію верхомъ), П. И-чу удалось собрать весьма цѣнныя свѣдѣнія о дорогахъ, стезяхъ и «богазахъ» (дефилеяхъ) въ горахъ. Впослѣдствіи онъ разработалъ объ этомъ особую статью, которую представилъ Академіи Наукъ 21 декабря 1838 г.[3]) П. И., при составленіи этой статьи, конечно, имѣлъ въ виду одно только полезное. Но каково-же было его огорченіе, когда, во время Крымской войны, французскій подданный Шницлеръ, извѣстный авторъ четырехтомнаго сочиненія «L'Empire des Tsars», воспользовался упомянутою статьею П. И-ча, для представленія французскому военному министру мемуара, подъ заглавіемъ: «La Crimée méridionale et ses lignes de communication au milieu des montagnes»[4]). Будучи пламеннымъ патріотомъ, П. И. терзался мыслію, что означенная статья его, въ которой такъ тщательно были указаны всѣ тропинки, ведущія черезъ горы, могла принести пользу врагамъ, во вредъ своимъ.

Послѣдне-названныя двѣ статьи П. И-ча должны были со-

---

1) Статья объ этомъ: «Über die Temperatur von 130 Quellen der Taurischen Halbinsel» представлена Академіи Наукъ 1 февраля 1839 г. Она напечатана въ «Mémoires de l'Académie d. sc., VI série, sciences mathém. et phys., t. II, p. 383—421.

2) См. «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», т. XXVIII, 1892 г., стр. 194, въ выноскѣ.

3) «Wege und Pfade des Taurischen Gebirges»; въ Mémoires de l'Acad. d. sc., série VI, sciences mathém. et phys., t. II, p. 359—382.

4) Мемуаръ этотъ отпечатанъ въ книгѣ Шницлера (J. H. Schnitzler): Description de la Crimée surtout au point de vue de ses lignes de communication. (Paris et Strasbourg, 1855. 8⁰).

ставить отдѣлы обширнаго, задуманнаго имъ сочиненія, которое онъ хотѣлъ озаглавить «Крымскій Сборникъ». Сохранился еще (набросанный въ 1835 году) перечень тѣхъ книгъ и отдѣловъ, изъ которыхъ долженъ былъ состоять этотъ сборникъ. Мнѣ кажется, что сообщеніе этого перечня не лишено интереса. Въ «Крымскій Сборникъ», по первоначальному предположенію П. И-ча, должны были войти слѣдующія четыре книги:

Кн. I. О древностяхъ южнаго берега и горъ Таврическихъ.

Кн. II. Списокъ селеніямъ Таврической губерніи.

Кн. III. Топографическія свѣдѣнія о южномъ берегѣ и горной части Крыма.

Кн. IV. Смѣсь:

1. Переправы черезъ горы (богазы).
2. Температура ключей.
3. Объемъ деревъ.
4. Высоты надъ морскою поверхностію.
5. Названія урочищъ.
6. Списокъ ханамъ Крымскимъ, съ 1475 по 1783 годъ.

Этотъ перечень указываетъ намъ, собраніемъ какихъ матеріаловъ П. И. главнѣйше занимался, во время своего житья въ Крыму, — помимо оффиціальныхъ своихъ занятій въ качествѣ помощника главнаго инспектора надъ шелководствомъ. Самые полные матеріалы онъ успѣлъ собрать о древностяхъ Крыма. По порученію графа М. С. Воронцова, П. И., въ 1833 году, объѣхалъ еще разъ и обозрѣлъ внимательно горную часть Крыма, причемъ ему удалось открыть остатки цѣлаго ряда систематически возведенныхъ небольшихъ укрѣпленій, безъ сомнѣнія, византійскаго времени. Это любопытное открытіе дало П. И-чу поводъ къ разработкѣ впослѣдствіи первой книги задуманнаго имъ «Крымскаго Сборника». Книга эта, высоко цѣнимая еще въ настоящее время, вышла въ 1837 году подъ двойнымъ заглавіемъ [1]):

[1]) Двойное заглавіе объясняется вышеприведеннымъ перечнемъ матеріаловъ, которые, по первоначальному плану, должны были войти въ «Крымскій Сборникъ».

«Крымскій Сборникъ. О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ». Вмѣстѣ съ Крымскимъ Сборникомъ издана, на четырехъ большихъ листахъ, превосходная карта южнаго Крыма, съ принадлежащимъ къ ней указателемъ (первымъ въ Россіи указателемъ къ какой либо картѣ). Во время Крымской войны (въ 1854 году) спросъ на эту карту былъ такъ великъ, что потребовались два новыхъ изданія ея.

Послѣдне-названныя изданія хотя и вышли нѣсколько позже, т. е. по переселеніи П. И-ча въ С.-Петербургъ, однако-же всѣ они основываются на обширныхъ матеріалахъ, которые ему удалось собрать въ свою бытность въ Крыму, въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ. Что же касается тѣхъ отраслей южнорусскаго хозяйства, изученіе которыхъ входило въ кругъ служебныхъ обязанностей П. И-ча, то онъ обратилъ особенное вниманіе на винодѣліе, о которомъ и разработалъ очень цѣнное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи». (Спб., 1832. 8⁰)[1]. Кромѣ того, онъ напечаталъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1831 и 1834 г.) двѣ статьи: «Объ успѣхахъ винодѣлія на южномъ берегу Крыма» и «О шелководствѣ въ Россіи».

Все описанное достаточно рисуетъ неутомимую и разностороннюю научную дѣятельность П. И-ча, во время его семилѣтняго пребыванія въ Крыму. Не смотря, однакоже, на удовлетвореніе, которое должна была доставлять ему такая плодотворная дѣятельность, а также на мирную жизнь въ своемъ укромномъ уголкѣ — Карабахѣ, П. И., повидимому, тяготился двумя обстоятельствами, которыя должны были побуждать его къ пріисканію себѣ другого рода занятій. Первый къ тому поводъ со-

---

1) Книга эта печаталась въ С.-Петербургѣ, во время пребыванія П. И-ча въ Крыму. Потому не удивительно, что въ ней встрѣчается довольно много опечатокъ, указанныхъ, впрочемъ, въ концѣ книги. При поднесеніи ея Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, Ея Величеству угодно было пожаловать автору бриллiантовый перстень.

стоялъ въ отлученности отъ научнаго свѣта. Мы видѣли, какъ П. И. уже раньше сѣтовалъ на уединеніе въ этомъ отношеніи, не имѣя возможности переговорить съ кѣмъ нибудь о научныхъ вопросахъ, волновавшихъ его въ то время; одни только рѣдкія и мимолетныя посѣщенія Карабаха русскими или иностранными учеными вдохновляли его, но, по ихъ быстромъ прекращеніи, заставляли его тѣмъ болѣе чувствовать свое духовное одиночество. Другое обстоятельство было чисто внѣшнее: въ короткихъ промежуткахъ родилось у П. И-ча трое дѣтей, и такое приращеніе семьи, конечно, требовало усиленныхъ расходовъ, которые не могли покрываться небольшимъ жалованьемъ; а только-что устроенные виноградники (разведеніе которыхъ также потребовало крупныхъ расходовъ), въ то время, не могли еще приносить никакого чистаго дохода.

Къ этому присоединялось еще горячее желаніе Ѳ. П. Аделунга прекратить долговременную разлуку съ дочерью и переманить П. И-ча на службу въ С.-Петербургъ. Когда директоръ училища Св. Петра Шубертъ (G. H. Schuberth), 24 іюня 1832 года, подалъ въ отставку, то Ѳ. П. Аделунгъ, состоя президентомъ совѣта при евангелической церкви Св. Петра, совѣтовалъ П. И-чу постараться о полученіи означенной должности. Намъ неизвѣстно, послѣдовалъ-ли П. И. этому совѣту; но 21-го сентября 1832 г. надежды Ѳ. П. Аделунга были разстроены, такъ какъ въ этотъ день академикъ Эд. Коллинсъ былъ избранъ директоромъ училища.

Но г. Аделунгъ не унывалъ, и уже въ исходѣ января 1833 г. писалъ П. И-чу о возможности открытія вакансіи на мѣсто редактора издававшихся (въ то время) при Академіи Наукъ нѣмецкихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей («St.-Petersburgische Zeitung»). Въ сентябрѣ того-же года онъ сообщилъ П. И-чу подробности о редакціи «академической» газеты. Въ февралѣ 1834 года П. И. получилъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа Д. Н. Блудова, дозволеніе переселиться въ С.-Петербургъ и, оставаясь на службѣ по этому министерству, принять

на себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, редакцію С.-Петербургскихъ нѣмецкихъ вѣдомостей. Относительно этой послѣдней должности П. И., въ апрѣлѣ, получилъ подтвержденіе отъ непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ. Итакъ, дѣло было рѣшено! П. И-чу предстояло промѣнять свою тихую Карабахскую идиллію на многозаботную дѣятельность въ шумной столицѣ!

ГЛАВА VII.

Окончательное поселеніе въ С.-Петербургѣ. — Первое десятилѣтіе: 1834—1844.

Въ первыхъ числахъ мая 1834 г. П. И. отвезъ свою семью въ Симферополь, а самъ вернулся въ свой Карабахъ, съ которымъ ему, повидимому, было очень трудно разстаться. 13-го мая онъ пустился въ путь изъ Симферополя, съ женою и тремя дѣтьми, изъ которыхъ старшей дочери не было еще трехъ лѣтъ. Въ то время путешествованіе по Россіи, съ большою семьею, было не то, что нынѣ! Не было тогда ни желѣзныхъ, ни даже шоссейныхъ дорогъ. Лишь 24-го мая караванъ доплелся до Николаевки, имѣнія зятя П. И-ча, г. Фидлера (Харьковской губерніи), гдѣ въ то время пребывали мать и остальныя сестры П. И-ча. Отдохнувъ здѣсь порядочно, П. И., 8-го іюня тронулся изъ Харькова въ дальнѣйшій путь, 19-го пріѣхалъ въ Москву, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, и, наконецъ, 28-го іюня прибылъ въ Павловскъ, гдѣ, по обыкновенію, проводилъ лѣто на дачѣ тесть его, Ѳ. П. Аделунгъ.

П. И., въ своей автобіографической запискѣ, говоритъ, что онъ возвратился въ С.-Петербургъ по приглашенію Президента Академіи Наукъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ Министра Народнаго Просвѣщенія), графа С. С. Уварова. Въ архивахъ Министерства

Народнаго Просвѣщенія[1]) и Императорской Академіи Наукъ я отыскалъ слѣдующее предложеніе графа Уварова Комитету Правленія Императорской Академіи Наукъ, отъ 18 іюля 1834 г., за № 1018:

«Состоявшаго по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ Коллежскаго Совѣтника Петра Кеппена, опредѣляю я главнымъ редакторомъ Нѣмецкихъ Академическихъ вѣдомостей, съ производствомъ ему съ 1-го сего Іюля по три тысячи рублей[2]) въ годъ жалованья изъ экономическихъ суммъ Академіи и съ отведеніемъ ему въ принадлежащемъ Академіи домѣ, что въ 7-й линіи, квартиры съ отопленіемъ[3]).

Тотчасъ-же послѣ пріѣзда П. И-чу пришлось заняться усиленно работами по редакціи нѣмецкихъ вѣдомостей. Хотя редакторская дѣятельность была ему не совсѣмъ чужда, — припомнимъ, что имъ въ 1825 году издавались «Библіографическіе Листы»,—однакоже, то былъ журналъ, отдѣльные номера котораго выходили, бо̀льшею частію, лишь черезъ двѣ недѣли; между тѣмъ, какъ онъ, въ настоящемъ случаѣ, имѣлъ дѣло съ редакціею *ежедневной* газеты[4]). Какъ мы видѣли, изданіе своихъ весьма цѣнныхъ «Библіографическихъ Листовъ» П. И. прекратилъ главнѣйше вслѣдствіе горькаго опыта, показавшаго ему, какъ трудно было бороться съ невѣжествомъ и съ цензурными притѣсненіями. Въ этомъ отношеніи, въ теченіе истекшаго съ тѣхъ поръ десятилѣтія, мало измѣнилось къ лучшему и на русской журналистикѣ тогдашняго времени тяготѣло бремя цензурныхъ притѣсненій и преслѣдованій. То было время, когда самые выдающіеся изъ нашихъ поэтовъ, въ томъ числѣ Пушкинъ, такъ безпощадно

1) Въ архивномъ дѣлѣ, карт. 1534, № 48.860. — Здѣсь нѣтъ никакой предварительной переписки по этому назначенію.

2) Конечно, ассигнаціями.

3) 20-го сентября П. И., съ семьею, поселился въ этой квартирѣ.

4) Съ 1831 года, «St. Petersburgische Zeitung» издавалась ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ. Ранѣе того она выходила три (а еще ранѣе, только два) раза въ недѣлю. Сл. объ этомъ замѣтку П. И-ча въ послѣднемъ номерѣ этой газеты за 1835 годъ.

были караемы; и когда гуманные цензоры, какъ-то А. В. Никитенко, за незначительный недосмотръ, сажались, на недѣлю, подъ арестъ на гауптвахту[1]).

Съ самаго начала своей редакторской дѣятельности П. И. заботился объ улучшеніи нѣмецкихъ вѣдомостей. Осенью 1834 г. онъ представилъ Министру Народнаго Просвѣщенія двѣ записки о средствахъ къ ихъ усовершенствованію[2]). Но главная забота состояла въ пріисканіи надежныхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ. При своихъ обширныхъ ученыхъ связяхъ, П. И. получалъ корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи, — такъ напр. изъ Крыма отъ своихъ старыхъ друзей Хр. Хр. Стевена и доктора Мильгаузена, изъ Виленской губерніи отъ извѣстнаго путешественника Дюбуа-де-Монперё, и пр. Нѣкоторые Петербургскіе ученые (напр. директоръ Императорскаго Ботаническаго сада Ѳ. Б. Фишеръ) сообщали редакціи научныя замѣтки или рецензіи на книги. Очень часто П. И. обращался къ разнымъ академикамъ (напр. Купферу, Висневскому, Триніусу и др.) съ просьбами о сообщеніи ихъ мнѣнія о статьяхъ, имъ получаемыхъ или почерпаемыхъ изъ другихъ газетъ и журналовъ.

Помимо чисто редакторскихъ работъ, П. И. помѣстилъ въ нѣмецкихъ вѣдомостяхъ множество своихъ собственныхъ мелкихъ статей и замѣтокъ, большею частію подписанныхъ буквою *К* (иногда *Кpп.*), въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безъ всякой подписи. Эти замѣтки касались весьма разнородныхъ предметовъ. Между прочимъ имъ составлено довольно много некрологовъ, напр. о П. И. Соколовѣ, И. Мартосѣ, консулѣ Гейдекенѣ, академикѣ Шторхѣ и др. Затѣмъ П. И. сообщилъ не мало рефератовъ о книгахъ разнообразнаго содержанія, въ томъ числѣ

---

1) Это было въ исходѣ 1834-го года, т. е. въ то самое время, когда П. И. былъ редакторомъ нѣмецкихъ вѣдомостей.

2) Объ этихъ запискахъ упоминается въ представленіи П. И-ча, отъ 30 октября 1834. (См. архивное дѣло Комитета Правленія Академіи, 1834 г., № 67). Такъ какъ мнѣ не удалось отыскать эти записки, я ничего не могу сказать о ихъ содержаніи.

о сочиненіи своей подруги юности Тальви (Тереза Робинсонъ, урожд. Якобъ): «Historical view of the Slavic language»; двухъ статей Ст. С. Куторги и пр. Изъ другихъ статей и замѣтокъ назовемъ напр.: сообщеніе о путешествіи на Кавказъ академика Шёгрена (Sjögren); двѣ замѣтки о шелководствѣ; воззваніе къ посѣщенію водопада Иматра («Zum Imatra»)! изъ письма къ доктору Мильгаузену; къ гидрографіи Чернаго моря и др. Въ послѣднемъ номерѣ 1835 г., П. И., прощаясь съ своими читателями и изъявляя благодарность своимъ сотрудникамъ, сообщилъ любопытныя историческія замѣтки о нѣмецкихъ петербургскихъ вѣдомостяхъ [1]).

Какъ уже упомянуто, П. И. всячески заботился объ усовершенствованіи нѣмецкихъ вѣдомостей. Между прочимъ, онъ задумалъ составленіе алфавитнаго указателя всего, помѣщеннаго въ газетѣ. Въ такомъ указателѣ неоднократно встрѣчалась необходимость какъ для справокъ, такъ и для правописанія собственныхъ именъ. Кромѣ изданія означеннаго указателя, П. И. представилъ Академіи о необходимости введенія и разныхъ другихъ усовершенствованій по редакціи нѣмецкихъ вѣдомостей. Къ сожалѣнію, ни въ оставленныхъ бумагахъ П. И-ча, ни въ архивѣ Академіи Наукъ, мнѣ не удалось отыскать свѣдѣнія, въ чемъ собственно состояли предложенныя имъ усовершенствованія. Въ его набросках сохранилось лишь показаніе, что 29-го ноября 1835 г. онъ получилъ отъ вице-президента Академіи Наукъ, князя Дондукова-Корсакова, увѣдомленіе, что Академія не согласилась на его предложенія. Предвидя такой исходъ, П. И. уже ранѣе, а именно 16-го ноября, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности редактора. По приглашенію Академіи, онъ однакоже согласился продолжать свои занятія по редакціи до 1-го января 1836 г., т. е. до вступленія новаго редактора, каковымъ былъ избранъ извѣстный историкъ, профессоръ Фр. Лоренцъ.

---

1) «Notizen über die St. Petersburgische Zeitung».

Закончивъ отчетъ о редакторской дѣятельности П. И-ча, въ теченіе 1834 и 1835-го годовъ, остается сказать еще объ одномъ изданіи, стоящемъ въ связи съ означенною дѣятельностію; а именно, для сотрудниковъ своихъ по редакціи, П. И. счелъ необходимымъ заняться составленіемъ перваго на нѣмецкомъ языкѣ въ Россіи, и перваго съ азбучнымъ указателемъ «адресъ-календаря» (Staats-Handbuch Russlands oder Verzeichniss der kaiserlich-russischen Staatsbehörden und der vorzüglichsten dabei angestellten Beamten. Vom Jahre 1835). Въ этой книгѣ, изданной Академіею Наукъ, впервые были установлены термины на нѣмецкомъ языкѣ присутственныхъ мѣстъ и правительственныхъ должностей, — что до тѣхъ поръ было предоставлено произволу переводчиковъ и нерѣдко давало поводъ къ недоразумѣніямъ. Означенная книга составляетъ сокращенный переводъ ежегодно издававшагося Академіею Наукъ «Общаго Штата Россійской Имперіи». Особое стараніе было приложено къ правописанію именъ должностныхъ лицъ, которое было основано на русскомъ ихъ произношеніи.

Усиленная работа, связанная съ изданіемъ ежедневной газеты, лишила П. И-ча почти совершенно возможности продолжать начатыя съ такимъ успѣхомъ научныя изслѣдованія. За все время исполненія должности редактора, кромѣ выше указанныхъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ нѣмецкихъ вѣдомостяхъ, П. И. напечаталъ лишь небольшую статью «О шелководствѣ въ Россіи»[1]). По порученію Академіи Наукъ онъ составилъ рецензію увѣнчаннаго большою Демидовскою преміею сочиненія П. И. Соколова: «Общій церковно-славяно-россійскій словарь»; за эту рецензію 30-го марта 1835 г., была присуждена ему отъ Академіи большая золотая медаль[2]).

1) Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1834 г., ноябрь, ч. XIV, стр. 105—120. Извлеченіе помѣщено въ St. Petersburgische Zeitung, 1835, № 28.

2) Извлеченіе изъ этой рецензіи П. И. помѣстилъ въ St. Petersburgische Zeitung, 1835, № 85. Краткое-же извлеченіе, на русскомъ языкѣ, находится въ

Послѣ довольно продолжительнаго перерыва П. И., въ 1835 и 1836 годахъ, возобновилъ переписку съ своими славянскими друзьями въ Прагѣ, Вѣнѣ и Пештѣ, въ особенности-же съ Шафарикомъ, который постоянно сообщалъ ему о новостяхъ славянской литературы. Основываясь на этихъ отчетахъ, и будучи приглашенъ къ тому редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, П. И., въ 1836 году, напечаталъ въ этомъ журналѣ (въ частяхъ 9-ой и 11-ой) четыре письма, подъ заглавіемъ: «Литература Славянскихъ народовъ».

Весь 1836 годъ не ознаменованъ въ жизни П. И-ча никакими особенно выдающимися событіями. Повидимому, онъ жилъ очень скромно и посвятилъ себя почти исключительно своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ. Важнѣйшая работа, занимавшая его въ это время состояла въ разработкѣ выше-упомянутаго «Крымскаго Сборника», а также карты южнаго Крыма, съ принадлежащимъ къ ней указателемъ. Когда П. И. (23 октября 1836 г.) представилъ экземпляръ карты и указателя Министру Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Дм. Ник. Блудовъ приглашалъ его составить списки населенныхъ мѣстъ для всей имперіи [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ П. И-чу составить статью о трудахъ по археологіи Россіи, или, по крайней мѣрѣ, сообщить матеріалы о такихъ трудахъ г. Глаголеву. Въ томъ-же году П. И. напечаталъ еще статью «О Волжскихъ Болгарахъ» [2]) и о курганахъ въ Россіи [3]), а также снабдилъ своими примѣчаніями письма къ нему Ѳ. Н. Глинки, подъ заглавіемъ: «О древностяхъ въ Тверской Кареліи». Наконецъ, по всей вѣроятности, его-же перу

отчетѣ Академіи Наукъ о четвертомъ присужденіи Демидовскихъ премій, отпечатанномъ въ Прибавленіяхъ къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ, 1835 г., № 92.

1) Мы уже видѣли, что предметъ этотъ очень интересовалъ П. И-ча, который, лѣтъ двадцать спустя, составилъ такой списокъ для одной (Тульской) губерніи.

2) Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1836 г., окт., ч. XII, стр. 64—79.

3) «Über Tumuli in Russland», въ Bulletin scientifique publié par l'Académie Imp. des sciences de St. Pétersbourg; t. I, p. 137—141.

принадлежитъ подписанный буквами *П. К.* пространный рефератъ о составленномъ Ив. Платоновымъ переводѣ знаменитаго сочиненія І. Ф. Г. Эверса: «Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи» [1]).

Въ сентябрѣ 1836 г., когда изданіе новыхъ журналовъ не допускалось, книгопродавецъ Ал. Фил. Смирдинъ, извѣстный авторъ «Росписи россійскимъ книгамъ», желалъ пріобрѣсти отъ П. И-ча право на возобновленіе «Библіографическихъ Листовъ», издававшихся имъ въ 1825 и 1826 годахъ. П. И. соглашался на такую уступку, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, по прежнему, былъ редакторомъ этого повременнаго изданія. Получивъ однакоже свѣдѣніе, что редакторъ (издаваемой Смирдинымъ) «Библіотеки для Чтенія» Ив. Ос. Сенковскій настаивалъ на томъ, чтобы Библіографическіе Листы завѣдывались однимъ и тѣмъ-же съ нею редакторомъ, П. И. съ этимъ согласиться не могъ [2]), вслѣдствіе чего уступка не состоялась. Кромѣ того они не могли сойтись въ условіяхъ уплаты, которую П. И. требовалъ помѣсячно впередъ [3]). Въ то же самое время Ад. Андр. Плюшаръ, извѣстный издатель энциклопедическаго словаря, обратился къ П. И-чу съ предложеніемъ о принятіи участія въ изданіи русскаго словаря и сулилъ ему за это значительную плату. Но и изъ этого предпріятія, повидимому, ничего не вышло.

Въ противуположность къ только что разсмотрѣнному году, слѣдующій 1837 годъ отмѣченъ въ жизни П. И-ча нѣсколькими болѣе крупными событіями. Въ самомъ началѣ года (а именно 8-го января) академикъ по статистикѣ Германъ словесно со-

1) Напечатанъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., 1836 г., ч. IX, стр. 635—650. Помимо подписныхъ буквъ, я считаю авторство П. И-ча потому вѣроятнымъ, что онъ, какъ магистръ юридическихъ наукъ, всегда интересовался исторіею русскаго права и, какъ мы видѣли, по приглашенію графа Сперанскаго, даже помышлялъ заняться спеціально этимъ предметомъ.

2) Въ наброскахъ П. И-ча значится по этому поводу: . . . «Я же, не желая себя уронить, на это согласиться не могъ, ибо критикою «Библіотеки для чтенія» руководилъ произволъ».

3) Въ бумагахъ П. И-ча сохранился проектъ контракта означенной уступки и условій изданія возобновленныхъ «Библіографическихъ Листовъ».

общилъ П. И-чу, что онъ намѣренъ предложить его въ адъюнкты Академіи Наукъ по части статистики и политической экономіи. На слѣдующій-же день Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Блудовъ изъявилъ на то согласіе. При послѣдовавшей, 27-го января, баллотировкѣ, П. И. былъ избранъ 14-ью голосами (противъ 3-хъ отрицательныхъ). Считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь въ извлеченіи представленіе объ этомъ Академіи Министру Народнаго Просвѣщенія [1]).

«По случаю открытія въ маіѣ минувшаго года конкурса на мѣста адъюнктовъ, между прочими, явились соискателями по части статистики и политической экономіи профессоръ главнаго Педагогическаго Института докторъ Бессеръ и членъ-корреспондентъ Академіи коллежскій совѣтникъ докторъ Кеппенъ [2]). Первый изъ нихъ представилъ два рукописныхъ сочиненія по части политической экономіи, а послѣдній изданныя имъ въ разныя времена сочиненія по части статистики, исторіи литературы и россійскихъ древностей. Въ засѣданіи Академіи бывшемъ 27 января, г. академикъ Германъ представилъ краткій обзоръ сихъ сочиненій, въ которомъ . . . отдаетъ предпочтеніе другому соискателю г. Кеппену по слѣдующимъ уваженіямъ: 1) Г. Кеппенъ извѣстенъ уже не только отечественнымъ, но и иностраннымъ ученымъ многими произведеніями, заслужившими всеобщее одобреніе и свидѣтельствующими о прилежаніи и совѣстливости его въ собираніи и обработываніи матеріаловъ и необыкновенной его начитанности. 2) Будучи родомъ Русской, г. Кеппенъ не только въ совершенствѣ владѣетъ отечественнымъ языкомъ, но постоянными трудами снискалъ основательныя познанія въ славянскомъ и сродныхъ ему нарѣчіяхъ. 3) Многократныя путешествія его по Россіи и долгое пребываніе въ южныхъ ея областяхъ, и особенно въ классическомъ Крыму, ознакомили его съ многими об-

---

1) Изъ архивнаго дѣла Министерства Народнаго Просвѣщенія, карт. 2087, № 61,469.

2) П. И. былъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи 29-го декабря 1826 года.

стоятельствами, важными для статистика и могущими быть изслѣдованными лишь на самомъ мѣстѣ; собранные г. Кеппеномъ въ семъ отношеніи матеріалы доказываютъ отчетливость и наблюдательность его. 4) Самое служеніе г. Кеппена по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и непосредственныя его связи съ этимъ Министерствомъ обѣщаютъ доставлять ему постоянно нужные и вѣрнѣйшіе матеріалы для дальнѣйшихъ изысканій и трудовъ по ввѣряемой ему части. Какъ во всѣхъ сихъ отношеніяхъ г. Бессеръ не можетъ состязаться съ г. Кеппеномъ,... то Академія, допустивъ къ баллотированію одного г. Кеппена, большинствомъ голосовъ избрала его въ званіе адъюнкта по части наукъ политическихъ»...

Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Уваровъ не тотчасъ-же рѣшился исходатайствовать выбору этому Высочайшее утвержденіе, а истребовалъ предварительно увѣдомленіе о томъ, какую должность занимаетъ П. И. по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и желаетъ ли онъ остаться при оной. Вслѣдствіе сего возникла переписка между Академіею Наукъ съ Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія и съ Хозяйственнымъ Департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Получивъ отзывъ Хозяйственнаго Департамента, Академія сообщила Департаменту Народнаго Просвѣщенія, что въ опредѣленіи г. Кеппена адъюнктомъ Академіи, съ оставленіемъ его въ званіи Помощника Главнаго Инспектора надъ шелководствомъ, препятствія не представляется, что г. Кеппенъ можетъ быть оставленъ въ С.-Петербургѣ при Министерствѣ для разныхъ порученій по части дѣлъ о шелководствѣ и винодѣліи, и что отлучки его изъ столицы будутъ ограничиваться нѣсколькими лишь мѣсяцами въ лѣтнее время. Академія-же, съ своей стороны, таковыя кратковременныя отлучки не только не сочла препятствіемъ къ опредѣленію П. И-ча въ званіе адъюнкта, но даже полезными для собиранія матеріаловъ по его части. На основаніи такого благопріятнаго отзыва, состоялся всеподданнѣйшій докладъ графа Уварова объ утвержденіи П. И-ча адъюнктомъ Академіи, со старшинствомъ

со дня избранія и съ штатнымъ, по 2500 руб. асс. въ годъ, жалованьемъ, сверхъ получаемаго имъ содержанія по должности Помощника Главнаго Инспектора шелководства[1]). Докладъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ 16-го апрѣля 1837 г.

Итакъ, завѣтное желаніе П. И-ча попасть въ члены первѣйшаго нашего ученаго учрежденія исполнилось! При избраніи его въ свои адъюнкты по части статистики, Академія проявила замѣчательную проницательность: она избрала его представителемъ означенной науки, не смотря на то, что изъ большого числа научныхъ трудовъ П. И-ча, напечатанныхъ до 1837-го года, собственно только одинъ, а именно «О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи» (Спб., 1832), можетъ быть названъ статистическимъ. Академія не обманулась: дѣятельность П. И-ча, по части статистики, вскорѣ ознаменовалась весьма цѣнными трудами.

---

1) По этой послѣдней должности П. И. получалъ жалованья 600 руб. и фуражныхъ 387, а всего 987 руб. сер.